

Проф. ШИМОНЪ АСКЕНАЗИ.

ЦАРСТВО ПОЛЬСКОЕ

1815—1830 гг.

СЪ ПРЕДИСЛОВИЕМЪ

А. А. КИЗЕВЕТТЕРА.

ПЕРЕВОДЪ СЪ ПОЛЬСКАГО

ВЛАДИМИРА ВЫСОЦКАГО.

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО ПИСАТЕЛЕЙ
ВЪ МОСКВѢ.

ОТЪ ИЗДАТЕЛЬСТВА.

Издавая въ русскомъ переводѣ книгу проф. Аскенази, мы нашли возможнымъ пропустить первую главу, посвященную характеристикѣ Россіи въ царствованіе Александра I. Глава эта, предназначенная проф. Аскенази для польскихъ читателей, является лишней для русскихъ, знакомыхъ съ фактами отечественной исторіи.

Аскенази принадлежит къ числу наиболѣе плодотворныхъ и талантливыхъ современныхъ польскихъ историковъ. Въ рядѣ сочиненій, изъ которыхъ нѣкоторыя представляютъ собою обширныя изслѣдованія, Аскенази подвергаетъ тщательному изученію преимущественно политическую исторію Польши XVIII и XIX столѣтія. Наибольшее вниманіе удѣляетъ онъ въ своей научно-литературной дѣятельности исторіи дипломатическихъ отношеній, такъ или иначе связанныхъ съ судьбами Польши. Но въ кругъ его изслѣдовательскихъ работъ входитъ также изученіе и внутренней политической жизни Польши; въ частности, имъ сдѣлано немало для исторіи польской общественной жизни въ началѣ XIX столѣтія; назовемъ, напр., очень интересный, относящійся сюда трудъ Аскенази о Лукасинскомъ, въ которомъ дана яркая картина внутренняго состоянія Польши при Александрѣ I и въ началѣ Царствованія Николая I.

Отличительною особенностью историческихъ работъ Аскенази является широкое использованіе архивныхъ матеріаловъ. Въ этомъ отношеніи почти каждое произведеніе Аскенази приноситъ съ собою солидное обогащеніе исторической литературы цѣнными новыми данными.

Если мы не ошибаемся, труды Аскенази не были еще переводимы на русскій языкъ, и мы думаемъ, что начинъ, проявленный въ этомъ направленіи «Книгоиздательствомъ писателей», заслуживаетъ признательности.

Передъ нами—русскій переводъ составленнаго Аскенази сжатаго очерка исторіи «конституціонной Польши» за время существованія конституціи, данной Польшѣ Александромъ I и уничтоженной Николаемъ I послѣ возстанія 1830 года. Авторъ говоритъ здѣсь о составленіи польской конституціонной хартіи 1815 года; излагаетъ самое содержаніе этой конституціи, отмѣчая при этомъ, какъ ея достоинства, такъ и ея недостатки и пробѣлы; набрасываетъ характеристики тѣхъ лицъ, которымъ было ввѣрено осуществленіе въ Польшѣ конституціоннаго режима на первыхъ порахъ его существованія,—великаго князя Константина Павловича, генерала Зайончека, Новосильцева, польскихъ министровъ; бѣгло очерчиваетъ внутреннее состояніе Польши за конституціонный періодъ ея жизни (1815—1830 гг.): численность и составъ ея населенія, ея административное устройство, положеніе католической церкви въ ея отношеніяхъ къ государственной власти, развитіе въ Польшѣ народнаго просвѣщенія, промышленности и торговли, положеніе сословій, состояніе арміи и суда и, наконецъ, положеніе государственныхъ финансовъ царства Польскаго; далѣе, авторъ переходитъ къ разсказу о первомъ сеймѣ Царства Польскаго 1818 года, рассматриваетъ законодательную дѣятельность этого сейма и подчеркиваетъ стремленіе сейма выразить свое довѣріе къ правительству и избѣжать всѣхъ такихъ инцидентовъ, которые могли бы нарушить благожелательный характеръ взаимныхъ отношеній между правительствомъ Александра Павловича и польскимъ народнымъ представительствомъ. За разсказомъ о первомъ сеймѣ слѣдуетъ очеркъ усиленія административныхъ репрессій въ Царствѣ Польскомъ, составлявшихъ прямое нарушеніе конституціонныхъ гарантій; сравнительно подробнѣе описывается затѣмъ второй сеймъ (1820 г.), на которомъ уже получила определенное выраженіе общественная оппозиція администра-

тивному режиму в. князя Константина и Новосильцева. Слѣдующая глава посвящена «періоду реакціи» (1820—1825 г.); здѣсь описывается дѣятельность Новосильцева, представлявшая собою систематическій подкопъ подъ конституцію, и параллельно съ этой дѣятельностью развивавшаяся работа тайныхъ политическихъ организацій, въ которыхъ въ качествѣ наиболѣе энергическаго руководителя выступилъ Лукасинскій; здѣсь же авторъ останавливается и на переговорахъ польскихъ тайныхъ обществъ съ представителями русскаго «Южнаго общества»; глава заканчивается описаніемъ третьяго сейма (1825 г.), вся обстановка котораго ясно указывала на то, какъ призрачны стали уже къ этому времени конституціонныя гарантіи, провозглашенныя хартіей 1815 года.

Послѣдовавшее затѣмъ пятилѣтіе (1825—1830 г.) авторъ называетъ періодомъ кризиса. Все это пятилѣтіе рассматривается имъ, какъ прелюдія къ возстанію. Здѣсь авторъ послѣдовательно останавливается на отношеніяхъ императора Николая I къ в. князю Константину; на процессѣ членовъ польскихъ тайныхъ обществъ; на коронаціи Николая I въ Варшавѣ; на четвертомъ сеймѣ (1830 г.).

Остальныя главы настоящей работы посвящены разсмотрѣнію состоянія польскаго дѣла за 1815—1830 годы въ Литвѣ, Краковѣ, Галиціи, австрійской Силезіи, Познани, Западной Пруссіи и прусской Силезіи. Обозрѣвъ условія существованія польской народности во всѣхъ названныхъ областяхъ, авторъ возвращается къ Царству Польскому и разсказываетъ событія, непосредственно предшествовавшія возстанію 1830 года, которое положило конецъ существованію конституціонной Польши.

Таковы рамки изложенія Аскенази въ той части его труда, которая предлагается вниманію читателей въ русскомъ переводѣ.

Изложеніе Аскенази очень сжато; онъ избѣгаетъ вся-

кихъ подробностей, ограничивается самымъ существеннымъ и явно ставитъ своей цѣлью не полноту фактическаго разсказа, а возможно болѣе отчетливое выясненіе своей основной точки зрѣнія на связь разсматриваемыхъ имъ событій.

Нельзя не отмѣтить съ чувствомъ удовлетворенія стремленіе автора къ спокойно-объективному отношенію къ предмету своего историческаго повѣствованія. Въ изложеніи Аскенази не замѣчается тенденціознаго сгущенія ни свѣтлыхъ, ни мрачныхъ красокъ въ картинѣ историческихъ событій. Отдавая дань историческому безпристрастію, онъ опредѣленно указываетъ не только на всѣ отрицательныя черты правительственнаго режима въ Польшѣ за разсматриваемое имъ время, но и на достигнутые тогда въ нѣкоторыхъ областяхъ народной жизни положительные результаты. Въ его характеристикахъ историческихъ дѣятелей не находимъ одностороннихъ увлеченій. Опредѣленно осуждая коварство и недоброжелательство Новосильцева, Аскенази не забываетъ отмѣтить нѣкоторыя достойныя одобренія черты въ личности Константина Павловича, какъ ни была тяжела для поляковъ рука этого въ высшей степени неуравновѣшеннаго и неукротимаго въ своихъ порывахъ сына императора Павла Петровича.

Наконецъ, то же проявленіе историческаго безпристрастія можно усмотрѣть и въ выдвигаемомъ Аскенази объясненіи причинъ возстанія 1830 года. Въ этомъ объясненіи состоитъ основная точка зрѣнія всей этой работы Аскенази и потому мы позволимъ себѣ нѣсколько остановиться на ней вниманіе читателей.

Для тенденціознаго памфлетиста было бы соблазнительно свести объясненіе возстанія 1830 года прежде всего къ тѣмъ рѣзкимъ нарушеніямъ конституціи, которыми въ дѣйствительности ознаменовалось правленіе Новосильцева, и къ не менѣе рѣзкимъ проявленіямъ тяжелаго

и крутого права Константина Павловича. Аскенази, отпавляясь отъ историческихъ данныхъ, переносятъ вопросъ совсѣмъ въ другую плоскость. Основная точка зрѣнія его работы сводится къ тому, что антиконституціонныя дѣйствія русскихъ властей въ Польшѣ лишь ускоряли и облегчали распространеніе въ польскомъ обществѣ недовольства своимъ положеніемъ, но истинный корень возстанія 1830 года заключался не въ этомъ, а въ стремленіи Польши къ достиженію своихъ бывшихъ историческихъ границъ и прежде всего къ присоединенію къ Царству Польскому Литвы.

Упомянувъ о томъ мѣстѣ финальнаго акта Вѣнскаго конгресса, гдѣ говорится о правѣ Александра I впредь по своему усмотрѣнію опредѣлить территоріальные размѣры конституціонной Польши, Аскенази замѣчаетъ: «уже здѣсь была предуказана возможность присоединенія къ Царству Польскому, по крайней мѣрѣ, части Литвы; это обстоятельство въ связи съ недавнимъ прецедентомъ—присоединеніемъ къ великому княжеству Финляндскому Старой Финляндіи въ 1811 году—имѣло первостепенное значеніе для общественнаго мнѣнія Царства Польскаго и стало однимъ изъ главныхъ факторовъ ноябрьскаго возстанія 1830 года». Ту же мысль Аскенази съ удареніемъ выдвигаетъ и въ главѣ, специально посвященной разсмотрѣнію причинъ возстанія. Онъ различаетъ здѣсь главныя и второстепенныя причины возстанія. Къ главнымъ причинамъ онъ относитъ двѣ, и первой изъ нихъ считаетъ «территориальный вопросъ, неосуществленное дѣло соединенія Литвы съ Царствомъ Польскимъ», а уже на второмъ мѣстѣ ставитъ вопросъ конституціонный. «Ноябрьская революція,—говоритъ Аскенази,—была прежде всего войной Польши съ Россіей изъ-за Литвы», ибо вторая причина,—постоянное нарушеніе конституціоннаго устава,—по словамъ Аскенази, «хотя ощущалась явственнѣе,

такъ какъ лежала на поверхности общественнаго сознанія, имѣла сравнительно меньшее значеніе».

Выводъ этотъ, сдѣланный авторитетнымъ польскимъ историкомъ, мы считаемъ очень важнымъ, ибо изъ него вытекаютъ логически дальнѣйшія важныя заключенія. Изъ него слѣдуетъ, во первыхъ, что возстаніе 1830 года могло бы разразиться даже и въ томъ случаѣ, если бы конституціонная хартія 1815 года соблюдалась русскимъ правительствомъ съ полной точностью; дѣло шло въ первую очередь не о борьбѣ за хартію 1815 года, а о борьбѣ за присоединеніе Литвы къ Царству Польскому, т.-е. о такомъ вопросѣ, въ которомъ съ притязаніями поляковъ не могло бы согласиться не только правительство императора Николая Павловича, но и прогрессивное русское общество. Здѣсь мы должны отмѣтить, что въ изложеніи Аскенази есть отгѣнки, которые мы не можемъ оставить безъ возраженія. Касаясь исторіи польскаго дѣла въ Литвѣ, авторъ стоитъ на точкѣ зрѣнія полной тождественности интересовъ Литвы и Польши. Процессъ колонизаціи Литвы въ эпоху Александра I онъ считаетъ «національно-культурнымъ дѣломъ» самой Литвы и остановку этого процесса онъ признаетъ рѣшительно неблагопріятнымъ для Литвы явленіемъ. Конечно, къ такой точкѣ зрѣнія не можетъ примкнуть ни русское, ни литовское общественное мнѣніе. Руссификаторскіе приемы правительства императора Николая Павловича ни коимъ образомъ не встрѣтятъ нашего одобренія, но изъ отрицательнаго отношенія къ этимъ приемамъ для насъ нисколько не вытекаетъ признаніе необходимости и благотворности для Литвы, колонизаціи литовскаго населенія, которое не хочетъ быть ни великорусскимъ, ни польскимъ, а хочетъ быть литовскимъ.

Объясненіе, даваемое Аскенази возникновенію возстанія 1830 года, весьма знаменательно не только въ историческомъ, но и въ политическомъ отношеніи. Оно пока-

зываетъ, что наиболѣе обостренныя и даже кровавыя формы русско-польскихъ столкновеній питались въ историческомъ прошломъ такими мотивами, которые въ настоящее время какъ разъ утратили прежнее значеніе. Передовые элементы польскаго общества, вострепнувшись подъ вліяніемъ совершающихся нынѣ міровыхъ событій, заявляютъ опредѣленно и отчетливо, что теперь они ищутъ на знамени своихъ надеждъ и стремленій возстановленіе автономіи Польши не въ историческихъ, а въ *этнографическихъ* ея границахъ. Такую постановку вопроса нельзя не привѣтствовать именно потому, что она устраняетъ изъ сферы обсужденія тѣ стороны этого вопроса, которыя въ былыя времена какъ разъ сыграли наиболѣе роковую роль въ этомъ «спорѣ славянъ между собою», какъ это подтверждается, между прочимъ, и настоящимъ изслѣдованіемъ Аскенази. Разъ притязанія на Литву сняты со счетовъ, вопросъ о введеніи отношеній русскаго и польскаго обществъ въ здоровое и одинаковое для обѣихъ сторонъ нужное и желательное русло русско-польскаго единенія переходитъ изъ области благихъ пожеланій на почву осязательной реальности. Теперь дѣло лишь въ установленіи въ Польшѣ нормальной конституціонной жизни на основѣ областного самоопредѣленія, а въ этомъ отношеніи между прогрессивными элементами польскаго и русскаго общества не можетъ возникнуть безысходныхъ разнорѣчій. Все, что содѣйствуетъ закрѣпленію такого именно взгляда на существо русско-польскихъ отношеній, нельзя не цѣнить, какъ залогъ успѣшнаго разрѣшенія очередныхъ задачъ въ этой области. И мы думаемъ, что спокойно-научныя историческія изслѣдованія, къ которымъ слѣдуетъ отнести и настоящую работу Аскенази, помимо ихъ чисто историческаго интереса также могутъ принести и практическую пользу въ указанномъ только что отношеніи.

Основной выводъ Аскенази гласитъ, что въ прошломъ

роковая неизбежность русско-польских столкновений больше всего порождалась тѣмъ, что въ настоящее время уже утратило бывшее значеніе. Этотъ научно-историческій выводъ важенъ не только для освѣщенія миновавшихъ испытаній, но и для укрѣпленія надеждъ на то, что эти испытанія отошли уже въ историческое прошлое.

Вотъ въ какомъ смыслѣ мы охотно рекомендуемъ настоящую работу Аскенази не только вниманію историковъ, которымъ имя польскаго ученаго, конечно, хорошо извѣстно, но и вниманію политиковъ, для которыхъ историческія справки нерѣдко могутъ служить цѣнной точкой опоры въ ихъ программныхъ построеніяхъ.

А. Кизеветтеръ.

ПРЕДИСЛОВІЕ КЪ ПОЛЬСКОМУ ИЗДАНІЮ.

Настоящая работа, написанная по предложенію Кембриджскаго Университета, была издана впоследствии англійскимъ издательствомъ Cambridge Modern History. Популярный характеръ этой работы, заставилъ автора дать въ возможно болѣе сжатой формѣ, наибольшее количество фактическихъ свѣдѣній, не исключая и элементарныхъ. Ему, поэтому, пришлось оставить въ сторонѣ подробности и отказаться отъ мысли—развернуть болѣе широкій историческій фонъ.

ОСНОВАНІЕ ЦАРСТВА ПОЛЬСКАГО.

Съ паденіемъ Наполеона, Польша потеряла близкую, казалось, возможность вернуть свою независимость. Но не потеряла моральныхъ плодовъ тѣхъ двадцатилѣтнихъ усилій, которыя она, со времени 3-го раздѣла Рѣчи Посполитой, неизмѣнно направляла къ своему возрожденію. Во всякомъ случаѣ она испровергла *fait accompli* раздѣловъ XVIII вѣка, выявила неисчерпаемую живучесть націи и тѣмъ самымъ демонстративно указала на необходимость новаго разрѣшенія польскаго вопроса.

Это разрѣшеніе покоилось теперь въ рукахъ Россіи. Уже въ трехъ первыхъ раздѣлахъ 1772—1795 г. на долю Россіи пришлось около трехъ четвертей пространства и свыше половины населенія бывшей Рѣчи Посполитой; теперь же, послѣ того какъ Россія заняла Великое Княжество Варшавское, то есть ту долю, которая по раздѣламъ досталась Пруссіи и частью Австріи, она владѣла $\frac{9}{10}$ всей прежней Польши. Никогда, ни раньше ни потомъ, въ рукахъ Россіи не было такого количества польскихъ земель, какъ тогда—между 1813 и 1815 годомъ. И никогда Россія не была такъ близка къ разрѣшенію польскаго вопроса въ свою пользу.

Основываясь на этомъ фактическомъ владѣніи польскими землями, Александръ I и рѣшилъ образовать соединенное съ Россіей Царство Польское, въ составъ котораго

должны были войти всѣ подвластныя Россіи польскія земли, т.-е. бѣльшая часть территоріи прежней Польши.

Но, когда этотъ вопросъ былъ представленъ на разсмотрѣніе Вѣнскаго Конгресса, онъ встрѣтилъ рѣшительный протестъ со стороны Западной Европы,—въ частности, Австріи, Франціи и Англійи. Душою этого протеста былъ англійскій уполномоченный на конгрессѣ Кэстльри, домогавшійся возвращенія къ status quo ante (т.-е. къ третьему раздѣлу Польши), или требовавшій хотя бы такого разрѣшенія польскаго вопроса, которое какъ можно ближе подходило бы къ раздробленію Польши въ 1795 г. Европа эпохи конгрессовъ, особенно прямолинейный ея представитель Кэстльри, совершенно не понимала той исторической и политической важности, которую приобрѣлъ польскій вопросъ для новой эпохи, не понимала своихъ собственныхъ европейскіхъ интересовъ. Она стояла на стражѣ уже отжившихъ государственныхъ задачъ XVIII вѣка и изъ страха передъ Россіей противилась восстановленію обновленной Польши въ соответственныхъ территоріальныхъ границахъ.

Ослѣпленіе это доходило до того, что первоначально Конгрессъ противился даже конституціонной организаціи Царства Польскаго; и только благодаря дружественному разъясненію прусскаго уполномоченнаго, Гарденберга, Конгрессъ понялъ, что конституціонная Польша, соединенная съ Россіей, явится для Европы гораздо болѣе надежной гарантіей, чѣмъ Польша, вошедшая въ составъ русской имперіи*).

*) Вѣнскій конгрессъ.

I. Взгляды оппозиціи Вѣнскаго Конгресса на польскій вопросъ, подробно изложенные въ неприязненномъ Меморандумѣ Кэстльри отъ 12 октября 1814 г., нашли сильную поддержку со стороны одного изъ наиболѣе непримиримыхъ и вліятельныхъ,

Но въ территоріальномъ отношеніи Конгрессъ рѣшилъ итти на значительныя урѣзки: Россія была вынуждена отдать Пруссіи около $\frac{1}{4}$ Княжества Варшавскаго и выдѣлить Краковъ. Въ этомъ видѣ польскій вопросъ и вошелъ

враговъ Польши—знаменитаго нѣмецкаго дипломата, барона Штейна. Ниже мы помѣщаемъ относящійся къ этому моменту неизвѣстный донынѣ (ни Pertz'у, ни Lehmann'у—Stein III, Leipz. 1905) меморіаль Штейна. (Къ этому новому меморіалу Штейна, повидимому, и относятся непонятныя до сихъ поръ замѣтки въ Tagebuch Штейна, Hist. Ztschr, LX: «16 (?-14) октября «...«Король... говорилъ съ нимъ (Чарторыйскимъ) о содержаніи моего письма.. Чарторыйскій не могъ скрыть своего негодованія противъ меня... 19 октября... (слова Александра I Штейну)—«Вы мнѣ писали относительно Польши; почему же вы, высказывающій во всѣхъ случаяхъ столь либеральныя идеи, въ данномъ случаѣ предлагаете совершенно противоположныя?»

Штейнъ Императору Александру:

Вѣна, 12 октября 1814.

«Государь! Если Вашему Императорскому Величеству угодно будетъ отнестись даже съ осужденіемъ къ моей смѣлости—говорить Вамъ о польскихъ дѣлахъ, то Вы, конечно, не откажетесь признать въ этомъ моемъ шагѣ, мотивы, меня къ нему побудившіе, мою самоотверженную преданность и мою безграничную вѣру въ любовь Вашего Величества къ истинѣ. Сблаговолите, Государь, принять выраженіе моей глубокой покорности, съ которой я имѣю честь оставаться почтительнѣйшимъ и преданнѣйшимъ слугою Вашего Императорскаго Величества. К. фонъ Штейнъ.

(Приложеніе):

«Россія требуетъ: а) границы въ Польшѣ, угрожающей Австріи и Пруссіи; б) согласія своихъ союзниковъ на конституцію въ Польшѣ.

Граница отъ Торна, черезъ Калишь, къ Кракову является угрожающей по отношенію къ Австріи и Пруссіи,—сверхъ того, она устанавливаетъ по отношенію къ Пруссіи ломанную линію, которая вдается въ Западную Пруссію столь неправильными углами,

въ трактаты, заключенные въ Вѣнѣ, съ согласія Англіи, между тремя державами: Россіей, Австріей и Пруссіей, 3-го мая 1815 г. Трактаты эти были санкціонированы Финальнымъ Актомъ Вѣнскаго Конгресса 9 іюня. Австрія

что даже въ мирное время это затрудняетъ всякую административную дѣятельность.

Конституція, которая объединитъ всю русскую Польшу въ одно политическое цѣлое, подъ именемъ Царства Польскаго, и превратитъ ее въ *государство*, соединенное съ Россійской Имперіей, разрушитъ единство ея внутренняго управленія, затруднитъ его дѣйствія, будетъ поддерживать въ русскихъ полякахъ мечты о возрожденіи ихъ независимости, а среди тѣхъ, которые достигнутъ остальнымъ державамъ—причины къ броженію и стремленія къ отдѣленію.

Слѣдовательно, такой порядокъ вещей будетъ содержать въ себѣ элементы разъединенія между Россіей, какъ абсолютной монархіей, и Польшей, какъ конституціоннымъ государствомъ. Россія въ такомъ исключительномъ положеніи Царства Польскаго найдетъ причины къ зависти и всегда будетъ рада замѣнѣ уніи инкорпорацией. Польша же будетъ беспокоиться о сохраненіи своихъ правъ и ея беспокойство приметъ мятежный характеръ, свойственный націи. Унію смѣнитъ система постепеннаго захвата, которая въ конечномъ результатѣ, послѣ ряда новыхъ потрясеній, приведетъ либо къ покоренію, либо къ отложенію Царства Польскаго.

Такое положеніе вещей противорѣчитъ общимъ интересамъ Европы, которая нуждается въ мирѣ, противорѣчитъ великодушнымъ и благороднымъ намѣреніямъ Его Величества Императора Россійскаго, а также и общему духу договоровъ, заключенныхъ Имъ съ союзниками.

Этотъ Государь въ принятомъ имъ образѣ дѣйствій преслѣдуетъ лишь одну цѣль—обезпечить благосостояніе поляковъ и спокойствіе Европы: Его намѣренія самыя благія и чистыя. И остается желать только одного, чтобы стремясь возстановить принципы справедливости въ отношеніи къ обиженнымъ полякамъ, не нарушить справедливости въ другихъ гораздо болѣе важныхъ отношеніяхъ.

получала обратно часть Восточной Галиціи, отошедшей къ Россіи въ 1809 г., т.-е. Тарнопольскій край, вмѣстѣ съ небольшою частью Западной Галиціи, отошедшей тогда же къ Княжеству Варшавскому. Краковъ съ его округомъ

Пусть русскимъ полякамъ будутъ даны политическія учрежденія, которыя обезпечатъ имъ участіе во внутреннемъ управленіи, оградятъ ихъ отъ притѣсненій и ошибочныхъ мѣропріятій власти, поддержатъ общественное настроеніе и дадутъ примѣненіе активнымъ силамъ польскаго общества. Учрежденіе *мѣстнаго самоуправленія* (d'Etats provinciaux) во всѣхъ польскихъ провинціяхъ обезпечило бы полякамъ ихъ личную и имущественную неприкосновенность, участіе во внутреннемъ управленіи и тѣмъ самымъ дало бы имъ возможность развивать свои моральныя и интеллектуальныя способности.

Если же они и не получаютъ благъ, связанныхъ съ полной конституціей, то ихъ они должны принести въ жертву высшимъ интересамъ Европы и чувству благодарности союзникамъ-освободителямъ. Этой жертвой они искупаютъ *ту вину*, которая лежитъ на нихъ самихъ и которая явилась причиной паденія ихъ государства: *трехвѣковую анархію, развращенность магнатовъ и притѣсненія низшихъ сословій* *).

Пусть они помнятъ слова ихъ величайшаго короля, Стефана Баторія, который онъ имъ сказалъ въ XVI вѣкѣ: «Поляки! Своимъ существованіемъ вы обязаны не вашимъ законамъ, которыхъ вы не знаете, не вашему правительству, котораго вы не перестаете ослушиваться, а случаю!»

Этому случаю, или вѣрнѣе сказать, Божественному Промыслу, наскучило охранять поляковъ. Онъ допустилъ ихъ присоединеніе къ другимъ государствамъ.

Всѣ элементы, которые должны лежать въ основѣ свободы: чистота правовъ, уваженіе къ человѣку, ясный и просвѣщенный умъ,—всѣ учрежденія, которыя должны служить основаніемъ конституціоннаго строя: 3-е сословіе, городское и сельское управленіе—отсутствуютъ въ этой націи.

Все это заставляеть думать, что, получивъ свободу, до которой эта нація не доросла и къ которой она не подготовлена, она

*) Подчеркнуто въ подлинникѣ.

былъ объявленъ вольнымъ городомъ съ особымъ конституціоннымъ уставомъ и долженъ былъ состоять подъ общимъ русско-австро-прусскимъ протекторатомъ. Пруссія получила обратно западную часть Княжества Варшавскаго,

получить роковой даръ—какъ для нея самой, такъ для сосѣдей и для той державы, съ которой ей назначено остаться въ соединеніи.
Вѣна, 12 октября 1814.“

II. На упомянутый Меморандумъ Кэстльри отъ 12 октября Александръ отвѣтилъ подробнымъ Réponse, отъ 30 октября; Réponse былъ составленъ Чарторыйскимъ отъ имени Александра (въ печати онъ появлялся нѣсколько разъ). Но кромѣ того, къ нему было написано особое Дополненіе, котораго нѣтъ въ тѣхъ сочиненіяхъ, гдѣ приводится самый Отвѣтъ (Angeberg'a, Carefigu'a и т. д.). Приводя его здѣсь, мы должны замѣтить, что множество матеріаловъ, первостепенной важности, относящихся къ польскому вопросу эпохи Конгресса, до сихъ поръ покоятся въ рукописяхъ, въ Петербургскомъ и Вѣнскомъ Архивахъ—въ отдѣлѣ «Pologne».

«Supplément à la Réponse au Mémoire anglais du 30 octobre 1814»,

(Дополненіе къ Отвѣту на Англійскій Меморандумъ отъ 30 октября 1814).

«Хотя тѣ, или иныя рѣшенія, которыя Его Императорское Величество Императоръ Всероссійскій можетъ принять въ дѣлѣ установленія новаго порядка вещей въ польскихъ провинціяхъ, относятся къ области внутренней политики, въ коей Его Императорское Величество никому не обязанъ отчетомъ, все же, согласившись огласить мотивы этихъ рѣшеній, Онъ счелъ полезнымъ высказать ихъ болѣе опредѣленнымъ образомъ въ этомъ Дополненіи и не въ столь общей формѣ, а главное—болѣе подробно изложить тѣ пункты, которые въ первомъ Отвѣтѣ на Меморандумъ были только затронуты.

1. Его Императорское Величество не хочетъ оставлять въ недовольствѣ поляковъ очагъ смуты и волненій, которыя нѣкоторыя державы—и сосѣднія и болѣе отдаленныя—могли бы при первой же войнѣ обратить въ свое орудіе. Его Величество не колеблется признать, что онъ отказывается вѣрить въ искренность тѣхъ, кто въ данномъ случаѣ сталъ бы поддерживать оппозицію,

т.-е. Великое Княжество Познанское; изъ оставшейся территоріи Варшавскаго Княжества было образовано Царство Польское, нерушимо связанное съ Россіей черезъ конституцію («lié irrévocablement par sa constitution»), особу

которая уже обозначилась *), иначе пришлось бы сдѣлать предположеніе, что имѣется нѣкоторая положительная воля—сохранить въ неудачномъ завершеніи польскихъ дѣлъ орудіе, всегда готовое къ употребленію противъ Россіи.

2. Императоръ желаетъ быть спокойнымъ относительно этой части своихъ границъ, одна протяженность которыхъ уже невыгодна и которыя всегда являлись бы уязвимымъ мѣстомъ Имперіи, если бы онѣ не охранялись непоколебимой преданностью жителей. И историческое прошлое Польши, и ея географическое положеніе, и духъ польскаго народа, который остается неизмѣннымъ, возлагаютъ на Его Императорское Величество обязанность дать всѣмъ глубокую увѣренность, что Онъ въ своихъ дѣйствіяхъ исходитъ именно изъ этихъ соображеній, чистота которыхъ можетъ быть заподозрѣна тѣмъ менѣе, что онѣ преслѣдуютъ одну единственную цѣль: навсегда обезпечить Россію защитной линіей.

3. Его Императорское Величество, не имѣетъ возможности отказаться отъ территоріальныхъ приобрѣтеній, которыя должны къ Нему поступить какъ справедливое вознагражденіе за понесенныя Имъ потери и за огромныя услуги, оказанныя Имъ Европѣ—вознагражденіе ни въ коемъ случаѣ не соответствующее ни размѣру этихъ потерь и услугъ, ни размѣру приобрѣтеній, которыя достаются остальнымъ союзникамъ; а потому въ намѣреніяхъ Его Величества относительно этого новаго территоріальнаго расширенія, естественно, заключается желаніе дать ему такую форму и устройство, которыя служили бы къ успокоенію сосѣдей и всей Европы и которыя представляли бы сами по себѣ залогъ спокойствія и благоденствія какъ для подчиненнаго народа, такъ и для всей Россіи. И на самомъ дѣлѣ представляется совершенно невозможнымъ найти болѣе подходящій способъ согласовать всѣ интересы и всѣ обстоятельства.

4. Размышляя надъ способами обезпечить неизблемымъ спо-

*) Рѣчь идетъ объ оппозиціи по польскому вопросу на Вѣнскомъ конгрессѣ, т.-е. партіи Кэстльри. *Прим. перев.*

императора Александра I, и его наследниковъ, съ титуломъ короля (царя) Польскаго.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, въ 1810 г., Александръ требовалъ у Наполеона спеціальной конвенціи, направлен-

койствіемъ свои государства, Императоръ не могъ забыть, что Европа еще не оправилась отъ той пагубной моральной болѣзни, которая едва не нанесла смертельнаго удара социальному устройству народовъ. Является, поэтому, крайне необходимымъ принять дѣйствительныя мѣры предосторожности, которыя могли бы задержать распространеніе зачатковъ этой болѣзни, или по крайней мѣрѣ оградить отъ нея сѣверныя страны. Отсюда вытекаетъ еще одна причина моральнаго успокоенія Польши и устраненія отъ нея какихъ бы то ни было поводовъ къ принятію и распространенію этой болѣзни изъ заразы.

5. Въ поискахъ того, что требовалось для обезпеченія спокойствія въ связи съ расширеніемъ границъ Россійской Имперіи, мысль Его Императорскаго Величества должна была естественно обратиться къ великимъ принципамъ, провозглашеннымъ коалиціей державъ предъ лицомъ всего міра, — сохраненіе которыхъ одно только и можетъ осуществить и укрѣпить столь желанную реформу политическаго и моральнаго порядка въ жизни государствъ. Императоръ былъ проникнутъ твердымъ убѣжденіемъ въ необходимости и со Своей стороны содѣйствовать насколько возможно тому, чтобы не допустить событій, которыя могли бы ниспровергнуть эти принципы въ столь рѣшительныя въ жизни человѣчества минуты. Руководимый этими принципами, Его Императорское Величество пришелъ къ заключенію, что явилось бы дѣломъ вполне справедливымъ и достойнымъ—уступить голосу уважаемыхъ людей и европейскаго общественнаго мнѣнія, уступить страстному желанію цѣлой націи, съ такой энергіей и постоянствомъ высказываемому въ безчисленныхъ петиціяхъ, которыя неустанно постунаютъ изъ всѣхъ частей Великаго Княжества Варшавскаго къ стопамъ Русскаго Императора и въ которыхъ польскій народъ вручаетъ свою судьбу въ Его руки. Необходимо, наконецъ, помнить и о тѣхъ всегда священныя правахъ, которыя приобрѣла польская нація, цѣною столь долгихъ несчастій и превратностей судьбы искупивши все то, въ чемъ ее можно было винить.

Тяжело видѣть, что авторъ Меморандума не могъ измыслить

ной противъ расширенія предѣловъ Княжества Варшавскаго; теперь, какъ бы унаслѣдовавъ послѣ своего великаго противника европейскую гегемонію, онъ долженъ былъ принять отъ Наполеона по наследству и одинъ изъ болѣе важныхъ европейскихъ вопросовъ—польскій вопросъ.

Вотъ почему теперь онъ хотѣлъ, чтобы въ дѣлѣ расширенія Царства Польскаго руки его не были связаны: въ трактатахъ съ Пруссіей и Австріей и въ первомъ же параграфѣ Финальнаго Акта онъ выговорилъ себѣ право дальнѣйшаго расширенія польской конституціонной территоріи. (S. M. Impériale se réserve de donner à cet Etat, jouissant d'une administration distincte, l'extension intérieure qu'Elle jugera convenable). «Его Императорское Величество оставляетъ за собой право дать этому Государству, находящемуся подъ особымъ управленіемъ, такое

другого способа вернуть счастье польской націи, какъ указавъ туманный планъ, полная неосуществимость котораго заранее очевидна во всѣхъ отношеніяхъ: такой планъ привелъ бы къ необходимости перемѣнъ въ остальной Европѣ; ни одна первоклассная держава не примирилась бы съ мыслью вернуться къ тому порядку вещей, который существовалъ до паденія Королевства Польскаго; само британское правительство, одно изъ первыхъ нашло бы въ исполненіи этого плана непреодолимая трудности.

По правдѣ говоря, есть нѣчто до крайности жестокое въ такой манерѣ проявлять свое участіе къ чужому горю—когда съ одной стороны, чтобы устранить это горе, предлагаютъ средства совершенно непримѣнимыя, а съ другой—упорно мѣшаютъ примѣненію другихъ, пусть даже болѣе скромныхъ средствъ, дѣйствіе которыхъ было бы быстро и вѣрно.

Будучи далекой отъ подражанія такой манерѣ, мысль Его Императорскаго Величества намѣтила то, что при настоящемъ положеніи вещей можетъ быть немедленно осуществлено. Его Величество предлагаетъ эту мысль, какъ такой исходъ въ рѣшеніи вопроса, который болѣе подходитъ къ согласованію всѣхъ интересовъ, безъ ущерба кому бы то ни было.

внутреннее устройство, которое Онъ сочтетъ надлежащимъ»). Такимъ образомъ уже здѣсь была предуказана возможность присоединенія къ Царству Польскому по крайней мѣрѣ части Литвы. Это обстоятельство въ связи съ не давнимъ прецедентомъ — присоединеніемъ къ Великому Княжеству Финляндскому Старой Финляндіи въ 1181 году, — имѣло первостепенное значеніе для общественнаго мнѣнія Царства Польскаго и стало однимъ изъ главныхъ факторовъ ноябрьскаго возстанія 1830—31 года.

Помимо особой конституціи для Царства Польскаго, вѣнскіе трактаты заключали въ себѣ обѣщаніе, что польское населеніе, отходящее къ Австріи и Пруссіи, т.-е. Галиція и Познань, получаютъ «національное представительство и національныя учрежденія» (*une représentation et des institutions nationales*). Кроме того, на всемъ пространствѣ прежней Рѣчи Посполитой, въ границахъ 1772 года, была обѣщана свобода судоходства и торговли, а также свобода пограничнаго сообщенія («Grenzverkehr»). Этими постановленіями Вѣнскій Конгрессъ, несомнѣнно, дѣлалъ шагъ впередъ на пути къ разрѣшенію польскаго вопроса, но въ нихъ же и заключалась та кардинальная ошибка, къ которой приводила самая система раздѣловъ, система дробленія польскихъ земель и польскаго народа. Урѣзанное въ своихъ границахъ, ослабленное по пространству и количеству населенія, Царство Польское имѣло слишкомъ мало шансовъ сохранить конституціонную обособленность въ своей связи съ огромной абсолютной русской монархіей. На эту тяжелую ошибку со всей ясностью и безпощадностью указалъ въ англійскомъ парламентѣ Георгъ Понсонби, когда на засѣданіи нижней Палаты, 6 января 1816 г., впервые обсуждались постановленія Вѣнскаго Конгресса. Въ обвинительной рѣчи, произнесенной тогда этимъ 70-лѣтнимъ квакеромъ, предсказывавшимъ, что отнынѣ Россія «нигдѣ не встрѣтитъ отпора, кроме Англии», заклю-

чалось не только справедливое осужденіе ошибочной политики Кэстльри, но и необыкновенно точное предвидѣніе далекаго будущаго.

12 ноября 1815 г. Александръ I торжественно въѣхалъ въ Варшаву: это былъ первый въѣздъ російскаго монарха въ столицу Польши, какъ въ свою столицу. Здѣсь онъ пробылъ три недѣли—до 3 декабря. Главной цѣлью его пріѣзда было провозглашеніе конституціи и назначеніе главныхъ начальствующихъ лицъ.

Какого-нибудь правительственнаго органа, который долженъ бы былъ выработать проектъ конституціи, не было. Были лишь отдѣльные опыты въ этомъ направленіи, сдѣланные частными лицами между 1814 и 1815 годами. По своей формѣ они являлись то критическими замѣчаніями къ прежней конституціи Княжества Варшавскаго, то общими разсужденіями на конституціонныя темы, то подробно разработанными проектами конституціи, въ основѣ которыхъ лежали ранѣе изданные Александромъ (25 мая) Принципы Конституціи.

Тотчасъ послѣ пріѣзда Императора Александра въ Варшаву, ему былъ представленъ одинъ изъ этихъ проектовъ, наиболѣе обширный и детально разработанный—проектъ Александра Линовскаго и Людвика Плятера, составленный при участіи князя Адама Чарторыйскаго и другихъ выдающихся политическихъ дѣятелей. Но этотъ проектъ былъ ошибоченъ уже по своимъ чудовищнымъ размѣрамъ (онъ заключалъ въ себѣ 11 раздѣловъ и 438 статей,—вся конституція Княжества Варшавскаго была въ пять разъ меньше). Въ чисто-національномъ смыслѣ онъ старательно оберегалъ права Царства Польскаго, но былъ непрактиченъ, не считался съ обстоятельствами и ни въ коемъ случаѣ не могъ получить одобренія Александра; къ тому же, пропитанный нежелательнымъ сословнымъ, даже олигархическимъ духомъ, онъ не отвѣчалъ современнымъ требованіямъ и былъ не-

слишкомъ благосклонно настроенъ къ тѣмъ прогрессивнымъ общественно-правовымъ учрежденіямъ Княжества Варшавскаго, которыя были заимствованы изъ Франціи и съ которыми польское общество уже сжилося. Проектъ этотъ вызвалъ критическія замѣчанія со стороны Чарторыйскаго, Шанявскаго и просвѣщеннаго государствовѣда Игнатія Соболевскаго,—его разбирали на совѣщаніяхъ у Станислава Потоцкаго—и, въ концѣ концовъ, онъ подвергся коренной переработкѣ, или точнѣе—былъ отклоненъ и замѣненъ новымъ, сжатымъ проектомъ, состоявшимъ изъ 162 статей, который и былъ представленъ монарху.

На поляхъ этого проекта, почти противъ каждой статьи, Александръ карандашемъ сдѣлалъ примѣчанія. Онѣ были очень обширны, очень дальновидны, но все носили ограничительный характеръ, все старались, по возможности, раздвинуть конституціонныя рамки для свободнаго проявленія самодержавной воли. Затѣмъ, о нѣкоторыхъ статьяхъ, касавшихся особенно важныхъ вопросовъ (напр., бюджета) Александръ выслушалъ устный докладъ Новосильцева, русскаго сенатора и члена прежняго временнаго правительства, который теперь сорвалъ уже съ себя маску друга Чарторыйскаго и поляковъ и выступалъ какъ самый заклятый, самый губительный врагъ Царства Польскаго и Польши. Свои замѣтки на первоначальномъ текстѣ конституціи Александръ поручилъ разработать и развить Игнатію Соболевскому, руководившему до сихъ поръ работами временнаго министерства внутреннихъ дѣлъ, а теперь загодя (16 ноября 1815) назначенному министромъ-статсъ-секретаремъ. Въ выработанный, согласно своимъ указаніямъ, новый текстъ конституціи, Александръ собственноручно внесъ кое-какія измѣненія, соглашаясь, впрочемъ, съ нѣкоторыми поправками Соболевскаго. Наконецъ, послѣ всей этой подготовительной работы, онъ подписалъ конституцію въ окончательной редакціи 27 ноября 1815 года (впро-

чемъ, конституція, кажется, была подписана заднимъ числомъ только 1-го декабря).

Эта конституціонная хартія Царства Польскаго, обнародованная уже послѣ отъѣзда Императора Александра изъ Варшавы (24 декабря 1815), состояла изъ семи раздѣловъ и 165 статей. Царство Польское было объявлено навсегда соединеннымъ съ Россіей; конституція признана была актомъ, долженствующимъ «скрѣпить» это соединеніе (выраженіе, употребленное въ актѣ Вѣнскаго Конгресса и въ проектѣ конституціи, что она сама является «связующимъ звеномъ», опущено), королевская корона признана наследственной въ Домѣ Романовыхъ. Государственнымъ гербомъ Царства Польскаго, вмѣсто простаго Бѣлаго Орла, Александромъ былъ утвержденъ Бѣлый Орелъ на груди чернаго двуглаваго Россійскаго Орла (послѣ паденія Царства онъ перенесенъ былъ на крылья между гербами казанскимъ, сибирскимъ и другими). Царь, на время своего отсутствія, назначаетъ намѣстника; власть намѣстника, установленная впоследствии закономъ 29 апрѣля 1818 г., вмѣщала въ себѣ почти всю полноту царской власти, за исключеніемъ права издавать органическіе статуты, отмѣнять высочайшіе рескрипты, созывать сеймы, сеймики и т. д.. Заграничная политика Царства и Имперіи была объединена въ петербургскомъ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ, но при дворѣ Великаго Князя Константина въ Варшавѣ была основана особая дипломатическая канцелярія, куда все русскія иностранныя посольства обязаны были посылать донесенія. Царство Польское участвовало и въ общихъ дипломатическихъ расходахъ ежегоднымъ взносомъ въ 180.000 злотыхъ польскихъ, но фондъ этотъ впоследствии былъ обращенъ на полицейскія цѣли.

Римско-католическая религія, въ первоначальномъ проектѣ и въ конституціи Княжества Варшавскаго названная Апостольскою и признанная національною, была

уравнена съ другими религіями, но находилась подъ особымъ покровительствомъ правительства. Пользованіе политическими правами было одинаково доступно лицамъ всѣхъ христіанскихъ исповѣданій. Евреи, по конституціи Княжества Варшавскаго лишь временно (на 10 лѣтъ) устраненные отъ политическихъ правъ, теперь устранялись вовсе. Конституція гарантировала свободу печати и неприкосновенность личности формулой: «*neminem captivare permittemus nisi jure victum* *). Эта формула замѣнила собой старопольскую формулу проекта «*neminem captivabimus* **») и тѣмъ самымъ устанавливала за монархомъ и его намѣстникомъ право вѣзаконномѣрнаго ареста.

Администрація, судъ и войско въ своей дѣятельности пользовались польскимъ языкомъ; полякамъ предоставлено было исключительное право занимать служебныя должности. Правительство сосредоточено въ особѣ царя, — она свята и неприкосновенна. Онъ верховный начальникъ вооруженной силы, онъ назначаетъ высшихъ духовныхъ и свѣтскихъ сановниковъ, ему присуще право помилованія. Всѣ наслѣдники Императора Александра (въ проектѣ: «каждый Царь и каждая Царница») обязаны совершить обрядъ коронаціи въ столицѣ (въ проектѣ было добавлено: «царства» — это впоследствии дало возможность Императору Николаю настаивать на томъ, что коронаціонная столица — Москва).

Совѣтъ Царства (*Rada Stanu*), состоящій изъ министровъ, членовъ совѣта, докладчиковъ и лицъ, особо приглашаемыхъ монархомъ, составляетъ проекты законовъ, предаетъ суду должностныхъ лицъ, окончательно рѣшаетъ юридическіе споры, обсуждаетъ доклады отдѣльныхъ министерствъ, представляетъ на усмотрѣніе монарха (по

*) никого не допустимъ заключить въ тюрьму, иначе какъ по закону.

***) никого не заключимъ.

проекту — сената и сейма) свои замѣчанія о правительственныхъ злоупотребленіяхъ и общихъ нуждахъ края.

Высшая исполнительная власть сосредоточена въ Административномъ Совѣтѣ (*Rada administracyjna*), гдѣ засѣдаютъ министры и опять-таки лица, особо приглашаемыя монархомъ (ими были впоследствии Чарторыйскій и Новосильцевъ). Учреждено пять министерствъ: исповѣданій и народнаго просвѣщенія; юстиціи; внутреннихъ дѣлъ и полиціи; военное; финансовъ. При особѣ монарха состоитъ министр — статсъ-секретарь, являющійся официальнымъ посредникомъ между царемъ и намѣстникомъ, въ дѣйствительности же — неофициальный посредникъ между монархомъ и министрами.

Учреждена Разсчетная Палата (*Izba obrachunkowa*), какъ высшая ревизіонная инстанція, зависящая только отъ монарха (по проекту — отъ сената).

На вѣчныя времена гарантировано народное представительство на сеймѣ, состоящемъ изъ короля и двухъ Палатъ — сенаторской (*Izba Senatorska*) и депутатской (*Izba Posolska*).

Сеймъ собирается въ Варшавѣ каждые 2 года на 30 дней. Онъ обсуждаетъ законодательные проекты и бюджетъ, которые докладываются ему отъ имени монарха Совѣтомъ Царства (въ проектѣ: сеймъ «имѣетъ исключительное право рѣшенія» — эти слова были зачеркнуты, и такимъ образомъ сеймъ былъ лишенъ законодательной инициативы). Сеймъ же разсматриваетъ докладную записку объ общемъ состояніи страны, выработанную опять-таки Совѣтомъ Царства. Какъ проекты, такъ и докладная записка, поступаютъ на предварительное обсужденіе трехъ сенатскихъ и сеймовыхъ комиссій: финансовой, гражданско-уголовной и административной (въ проектѣ упоминается еще военная комиссія, такъ же вычеркнутая).

Первый бюджетъ составляется монархомъ, выполняется

и измѣняется имъ же совмѣстно съ обѣими Палатами (въ проектѣ: «будетъ обязательенъ до перваго сейма»; зачеркнувъ это выраженіе, по совѣту Новосильцева, Александръ оставилъ за собой и своимъ преемникомъ неограниченное право измѣнять бюджетъ).

Рѣшенія сейма постановляются простымъ большинствомъ, путемъ открытаго голосованія.

Сенатъ, члены котораго пожизненны, состоитъ, кромѣ принцевъ крови, изъ епископовъ, воеводъ и каштеляновъ, назначаемыхъ монархомъ въ числѣ, не превышающемъ половины членовъ Палаты депутатовъ. Независимо отъ своихъ представительскихъ функций, онъ передаетъ суду сенаторовъ и членовъ Совѣта Царства, рѣшаетъ вопросъ о дѣйствительности выборовъ и т. д.

Депутатская Палата состоитъ изъ 77 депутатовъ, избираемыхъ на сеймикахъ шляхты, и 51 депутата отъ гминныхъ собраній *)—изъ числа лицъ, оплачивающихъ 100 злотыхъ польскихъ ежегодныхъ налоговъ и достигшихъ 30 лѣтняго возраста. Избираются они на 6 лѣтъ съ правомъ неограниченнаго переизбранія.

На повѣтовыхъ сеймикахъ шляхта-собственники, внесенные въ обывательскую книгу и имѣющіе не менѣе 21 года, выбираютъ 1 депутата на сеймъ, 2 членовъ воеводскаго совѣта и составляютъ списки кандидатовъ на административныя должности.

Гминныя собранія состоятъ изъ лицъ того же возраста, тоже внесенныхъ въ обывательскую книгу: земельныхъ собственниковъ, ремесленниковъ, арендаторовъ, купцовъ, имѣющихъ товара не менѣе чѣмъ на 10,000 злот. польск., приходскихъ священниковъ, учителей и лицъ, извѣст-

*) Все Царство Польское дѣлилось на воеводства (8), повѣты и гмины; это дѣленіе соответствуетъ приблизительно дѣленію на губерніи, уѣзды и волости. *Прим. перев.*

ныхъ въ наукѣ, искусствѣ, торговлѣ и промышленности.

Гминныя собранія выбираютъ 1 депутата на сеймъ, 1 члена воеводскаго совѣта и тоже составляютъ списки кандидатовъ на административныя должности.

Воеводскіе совѣты выбираютъ судей первыхъ двухъ инстанцій, заготавливаютъ списки кандидатовъ на административныя должности и «блюдутъ имущественные интересы воеводства». Неопредѣленность этой послѣдней функции,—отсутствіе специальныхъ средствъ и права налагать мѣстныя повинности, дѣлало изъ воеводскихъ совѣтовъ лишь фикцію автономнаго органа.

Судъ, по конституціи, независимъ; судьи могутъ быть отрѣшаемы отъ должности не иначе какъ по судебному приговору.

Учреждаются слѣдующіе суды: мировые, гражданскіе и полицейскіе для дѣлъ не свыше 500 злот. польск.; для остальныхъ—земскіе суды и сѣзды; торговый судъ; городскіе суды по уголовнымъ и полицейскимъ дѣламъ. Всѣ суды дѣлятся на три инстанціи: низшую, апелляціонную и высшую.

Вооруженныя силы Царства, кромѣ милиціи, состоятъ изъ кадровыхъ войскъ, численность которыхъ точно не опредѣляется и зависитъ отъ доходовъ государственнаго бюджета. (Это открывало возможность ихъ ослабленія; угроза эта не была осуществлена лишь благодаря Великому Князю Константину, влюбленному въ военное дѣло). Войско сохраняетъ польскую форму одежды и польскую команду. Сохраняются и польскіе ордена: Бѣлаго Орла, Станислава и Военнаго Креста.

Конфискація имущества, въ видѣ наказанія, отменяется навсегда. Дальнѣйшее развитіе конституціи совершается путемъ изданія Органическихъ Статутовъ, предварительно разсматриваемыхъ Совѣтомъ Царства.

Не подлежит сомнѣнію, что конституція Царства Польскаго 1815 г., несмотря на свои недостатки, вызванные главнымъ образомъ тенденціями монарха, къ неограниченной формѣ правленія была по тѣмъ временамъ наиболѣе прогрессивной конституціонной хартіей въ Европѣ.

Одна уже избирательная система, основанная на принципѣ непосредственности выборовъ, равномерности избирательныхъ округовъ и умѣренности избирательнаго ценза, была гораздо совершеннѣе тогдашней англійской franchise. Достаточно сказать, что въ первой половинѣ XIX вѣка изъ 658 членовъ нижней англійской Палаты 487 попросту назначались крупными собственниками и лишь около $\frac{1}{4}$ депутатовъ дѣйствительно избирались. Къ такимъ же результатамъ приводитъ сравненіе съ французской конституціонной хартіей 1814 года. Она была основана на системѣ двухъ степенныхъ выборовъ, и имущественный цензъ ея былъ значительно выше (1000 фр.), чѣмъ въ конституціи 1815 г. Французская хартія, уже по примѣненіи всѣхъ королевскихъ ординасовъ, расширявшихъ избирательное право, давала Франціи въ общемъ около 80.000 законныхъ избирателей, въ то время какъ въ Царствѣ Польскомъ уже въ 1820 году было около 100.000 избирателей. Если откинуть евреевъ, лишенныхъ избирательныхъ правъ, то Царство Польское по сравненіи съ Франціей получило въ десять разъ болѣе широкое избирательное право.

Но была и обратная сторона медали.

Въ окончательный текстъ конституціи были введены такія измѣненія и ограниченія, которыя открывали широкій просторъ для ослабленія многихъ конституціонныхъ гарантій. Такъ, на примѣръ, благодаря двусмысленному выраженію: «никого не допустимъ заключить въ тюрьму», вмѣсто «никого не заключимъ»—гарантія свободы и неприкосновенности личности стала фикціей, такъ какъ самовольные аресты, производившіеся якобы

отъ имени монарха, допускались и, слѣдовательно, стали общимъ правиломъ.

Точно также и двусмысленное выраженіе о «первомъ бюджетѣ», безъ точнаго обозначенія его характера, срока и силы дѣйствія, привело къ тому, что въ теченіе пятнадцати лѣтъ ни одинъ бюджетъ не былъ отданъ на утвержденіе сейма. Хотя сеймы должны были созываться каждые два года, но за монархомъ оставалось право ихъ «отсрочивать» и, кромѣ того, предложеніе дальновиднаго Соболевскаго, что въ случаѣ несоблюденія двухгодичнаго срока, право созыва сейма принадлежитъ Сенату, не было принято. И вотъ, вмѣсто семи сеймовъ за 15 лѣтъ, было создано только четыре.

Можно было заранѣе предвидѣть, что двусмысленность многихъ выраженій, умышленно допущенныхъ въ текстѣ конституціи, станетъ постояннымъ источникомъ ея нарушеній. И кромѣ того, замѣщеніе высшихъ должностей по назначенію монарха являлось очень серьезной угрозой для страны.

Прежде всего, званіе главнокомандующаго польской арміей досталось великому князю Константину Павловичу, младшему брату государя. Это шло въ разрѣзъ съ желаніями польскаго общества, которое нѣкоторое время даже обманывало себя надеждой, что постъ главнокомандующаго Императоръ Александръ поручитъ Тадеушу Костюшко.

Человѣкъ деспотическаго, вспыльчиваго характера, Константинъ былъ исковерканъ воспитаніемъ и жизнью, хотя и не былъ чуждъ хорошихъ порывовъ, не лишенъ нѣкоторыхъ умственныхъ достоинствъ, проникательности и сообразительности. Впослѣдствіи, когда онъ женился на княгинѣ Ловичъ и провелъ нѣсколько лѣтъ въ Польшѣ, его отношенія къ полякамъ стали мягче, а въ послѣдніе годы онъ уже не только отстаивалъ Царство Польское, но даже больше—все польское вообще: тому были причиной его

отношенія съ братомъ. И все же, его правленіе въ Варшавѣ, благодаря той непримиримости съ которой онъ выступилъ здѣсь въ первые годы, являлось причиной постоянной обостренности польско-русскихъ отношеній.

Намѣстникомъ, благодаря поддержкѣ великаго князя Константина и вліянію стариннаго рода Браницкихъ, былъ назначенъ генераль Юзефъ Зайончекъ, нѣкогда адъютантъ великаго гетмана Ксаверія Браницкаго *).

Герой, участникъ польскихъ легионовъ и наполеоновскій солдатъ, Зайончекъ былъ безстрашный воинъ и въ то же время человекъ, лишенный капли гражданского мужества. Безхарактерный, разочарованный и апатичный по отношенію къ польскому обществу, онъ въ концѣ концовъ сталъ простымъ исполнителемъ воли великаго князя Константина и игрушкой въ рукахъ императорскаго комиссара, Новосильцева.

Чарторыйскій, котораго общественное мнѣніе прочило въ намѣстники, въ послѣднюю минуту былъ обойденъ Александромъ. У нихъ были старыя, тайныя счеты очень болѣзненнаго свойства. Александръ цѣнилъ его, но душевная независимость Чарторыйскаго внушала ему опасенія. Кромѣ того, государь подозрѣвалъ въ головѣ князя Адама мечты о коронѣ, которыя еще не умерли въ роду Чарторыйскихъ. И онъ былъ отстраненъ отъ истиннаго правительства: вмѣстѣ съ другими онъ засѣдалъ въ Сенатѣ и былъ нѣмымъ свидѣтелемъ въ Административномъ Совѣтѣ.

Первый же министерскій постъ—исповѣданій и просвѣщенія—получилъ давнишній тайный противникъ Чарто-

*) *Ксаверій Браницкій*—сторонникъ Екатерины, глава такъ называемой «гетманской партіи» и главный инициаторъ Тарговицкой конфедерации, ставшей тѣмъ внѣшнимъ предлогомъ, подѣ которымъ Екатерина ввела въ Польшу въ 1792 г. русскія войска (наканунѣ 2-го раздѣла). *Примѣч. перев.*

рыйскаго и всего его дома, Станиславъ Потоцкій, человекъ, впрочемъ, ученый и заслуженный, но недостаточно твердый и не чуждый слабости къ интриганству. Послѣ него этотъ важный постъ занялъ Станиславъ Грабовскій, умственное и нравственное ничтожество.

Министрами юстиціи были поочередно: Валентинъ Соболевскій, посредственность,—Мартинъ Бадени, полезный работникъ, но болѣе умѣстный на второстепенномъ посту и, наконецъ, (съ іюня 1825 г.) самый талантливый изъ нихъ всѣхъ—Игнатій Соболевскій.

Министерство внутреннихъ дѣлъ и полиціи находилось въ вѣдѣніи трудолюбиваго, способнаго и очень ловкаго Тадеуша Мостовскаго, единственнаго министра, который сумѣлъ продержаться на своемъ посту во время существованія Царства Польскаго и даже больше—сумѣлъ съ пезантанной честью уклониться отъ революціи.

Военное министерство досталось въ самомъ началѣ заслуженному генералу Юзефу Вельгорскому, замѣщавшему должность военнаго министра при князѣ Іосифѣ Понятовскомъ во времена княжества Варшавскаго *). Но уже въ маѣ 1816 года у него вышло столкновеніе съ великимъ княземъ Константиномъ, и онъ былъ устраненъ. Его мѣсто занялъ бравый офицеръ и полезный администраторъ, генераль Маврикій Гауке. Какъ послушное орудіе въ рукахъ Константина, онъ до конца оставался на своемъ посту, въ качествѣ временно исправляющаго должность.

Министромъ-президентомъ Финансовой Комиссіи вначалѣ былъ назначенъ Тадеушъ Матушевичъ, другъ Чарторыйскаго, человекъ способный и компетентный, такъ какъ

*) *Іосифъ Понятовскій*, племянникъ послѣдняго польскаго короля Станислава Августа. Съ 1806 по 1813 годъ былъ главнокомандующимъ возстановленной Наполеономъ польской арміи и военнымъ министромъ Княжества Варшавскаго. *Прим. перев.*

онъ занималъ этотъ постъ и во времена Княжества Варшавскаго, но изнуренный и больной (умеръ въ 1819). Его на нѣкоторое время замѣнилъ безцвѣтный, не знающій дѣла Валентинъ Соболевскій, которымъ обычно пользовались для замѣщенія временныхъ должностей. Выборъ его преемника былъ еще болѣе неудаченъ: онъ палъ на развратнаго и двуличнаго Яна Венгленскаго. Наконецъ, на послѣднія 10 лѣтъ министерство попало въ опытныхъ руки Ксаверія Любецкаго.

Но помимо всего этого къ правительству, или вѣрнѣе къ польскому обществу, былъ приставленъ Николай Новосильцевъ, сенаторъ и тайный совѣтникъ Россійской имперіи, въ качествѣ полномочнаго царскаго комиссара. Согласно полномочіямъ, даннымъ ему Александромъ тотчасъ послѣ перваго пребыванія въ Варшавѣ, Новосильцевъ долженъ былъ оставаться на этомъ посту только первые мѣсяцы, пока все не придетъ въ норму. Но на самомъ дѣлѣ онъ оставался здѣсь безсмѣнно во все время царствованія Александра, причемъ въ 1823 г. его должностная компетенція была даже расширена и простиралась уже и на Литву. Императоръ Николай официально возобновилъ его полномочія въ 1826 г.

У Новосильцева въ Варшавѣ была собственная канцелярія изъ русскихъ и иностранцевъ, была даже своя полиція изъ польскихъ шпионовъ. Онъ хорошо зналъ мѣстную жизнь и прекрасно владѣлъ польскимъ языкомъ. Въ качествѣ надзирателя онъ засѣдалъ въ Совѣтѣ Царства и Административномъ Совѣтѣ и лично входилъ во всѣ дѣла. Кромѣ обязательныхъ докладовъ великому князю Константину, онъ посылалъ еженедѣльные тайные рапорты сначала Александру, потомъ Николаю, и рапорты эти всегда были отравлены ядомъ доноса и неумолимой ненависти какъ къ Польшѣ, такъ вообще къ духу прогресса, свободы и національной самобытности.

Необыкновенно дѣятельный, несмотря на свои годы (въ

Польшѣ онъ дожилъ почти до семидесяти лѣтъ), онъ сталъ злымъ духомъ Царства Польскаго, и всѣ несчастія, которыя валились въ эти годы на голову страны и лучшихъ ея людей, вызывались по большей части Новосильцевымъ—его участіемъ, или инициативой.

Имя его, отмѣченное народнымъ поэтомъ *), осталось въ памяти поляковъ какъ самое совершенное воплощеніе руссификаторскаго гнета.

*) Adam Mickiewicz «Dziady» cz. III. Прим. перес.

КОНСТИТУЦИОННЫЙ ПЕРИОДЪ.

1815—1820.

Царство Польское, основанное въ тѣхъ своихъ границахъ, которыя сохранились и понынѣ, въ результатѣ долгихъ пограничныхъ споровъ съ Пруссіей и Австріей, обнимало около 127.000 квадратныхъ километровъ. Населеніе его, сильно уменьшившееся благодаря послѣднимъ войнамъ (потерю эту официально исчисляли въ 635 тысячъ человѣкъ) въ 1815 г. составляло 3.200.000 человѣкъ, но росло такъ быстро, что въ 1830 г. равнялось уже 4.200.000.

Слѣдовательно, Царство Польское обнимало собою приблизительно $\frac{1}{6}$ часть прежней Рѣчи Посполитой Польской ($\frac{1}{7}$ часть поверхности и $\frac{1}{5}$ часть населенія).

Къ концу 1815 г. въ приведенную выше общую цифру населенія входило: 2.400.000 крестьянъ, 400.000 мѣщанъ, 250.000 шляхты, 200.000 евреевъ (ихъ было, впрочемъ, гораздо больше, но они уклонялись отъ переписи).

Деревень первоначально насчитывали $21\frac{1}{2}$ тысячу—въ нихъ 385.000 домовъ, 2.700.000 населенія; городовъ—480, въ нихъ 80.000 домовъ и свыше $\frac{1}{2}$ милліона населенія. Варшава вмѣстѣ съ Прагой насчитывала свыше 3.000 домовъ, при чемъ половину каменныхъ; населенія—около 80.000, которое къ 1830 г. возросло до 130.000—86.000 католиковъ, 34.000 евреевъ и 9.000 лютеранъ.

Вся страна дѣлилась на 8 воеводствъ: мазовецкое, калишское, плоцкое, полѣское, августовское, люблинское, сандомирское и краковское (послѣднее названіе было сохранено, какъ намекъ на возможное присоединеніе Кракова).

Въ соотвѣтствіи съ этимъ, Царство Польское раздѣлилось на восемь римско-католическихъ епархій, съ архіепископствомъ Варшавскимъ во главѣ, и одну грекоуніатскую (холмскую).

Конкордатомъ Александра I съ Піемъ VII, подписаннымъ въ Римѣ кардиналомъ Консальви и русскимъ посломъ въ Италію, епархіальная организація была утверждена навсегда. Потомъ начались хлопотливые переговоры съ архіепископомъ гнѣзненскимъ Рачинскимъ, котораго папа особой грамотой («*Justis gravibusque causis*») 28 марта 1818 года извѣстилъ о своемъ намѣреніи перенести престолъ Примаса въ Варшаву. Несмотря на сопротивленіе Рачинскаго, которое въ немъ поддерживало прусское правительство и которое закончилось отказомъ его отъ архіепископства, папскимъ указомъ 6 октября 1818 года архіепископу Варшавскому была присвоена пурпурная мантия и званіе Примаса Царства Польскаго.

Примасами были поочередно: Мальчевскій (1818), Головчыцъ (1819), Скаршевскій (1824), Ворошичъ (1828). Послѣ его смерти, русское правительство въ теченіе нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ оставляло архіепископскую кафедру вакантною, а потомъ, какъ и нынѣ, стало отказывать варшавскому архіепископу въ титулѣ Примаса, хотя титулъ этотъ, котораго въ политическихъ видахъ противъ Пруссіи добивался Александръ для подвластнаго ему архіепископства, достался ему съ такимъ трудомъ.

18 марта 1817 года былъ изданъ царскій указъ, нормировавшій взаимоотношенія правительства и католической церкви. Указъ былъ проредактированъ Станиславомъ Потоцкимъ и подробно (въ 38 статьяхъ) опредѣлялъ эти

отношенія въ духѣ полной зависимости духовенства отъ министерства исповѣданій и просвѣщенія; зависимость эта опредѣлялась понятіемъ «надзора» (surveillance), который, согласно § 12 конституціи, былъ признанъ за правительствомъ по отношенію къ духовенству всѣхъ исповѣданій.

Указъ этотъ вызвалъ страшное недовольство среди духовенства и сталъ исходнымъ пунктомъ въ его яростной борьбѣ съ Потоцкимъ.

Что касается холмской униатской епархіи, то она распространялась на 4 воеводства: люблинское, полѣское, августовское и мазовецкое, обнимала 21 деканство и насчитывала 220.000 прихожанъ, 287 приходскихъ церквей и 4 базилианскихъ монастыря съ 25 монахами. При холмскомъ капитулѣ, состоявшемъ изъ 12 канониковъ, была скромная семинарія (26 воспитанниковъ). Матеріальное обезпеченіе униатскаго духовенства было недостаточнымъ: на приходскаго священника приходилось въ среднемъ 218 злот. польск. дохода. Это обстоятельство и облегчило впоследствии разрушительную работу, направленную противъ уни.

Въ дѣлѣ народнаго просвѣщенія Потоцкій развилъ энергичную и плодотворную дѣятельность. Согласно рапорту, который онъ представилъ Государю 20 ноября 1815 г., въ Царствѣ Польскомъ было 845 школъ, 1.100 учителей и 29.000 учениковъ. Школы эти въ значительной мѣрѣ пострадали отъ внутреннихъ событій послѣднихъ лѣтъ: одна задолженность имъ казны была свыше 1½ милліона злот. польск. Задачей Потоцкаго было всесторонне поднять школьное дѣло во всѣхъ областяхъ образованія: низшаго, средняго и высшаго.

Уже въ 1816 г. въ Варшавѣ былъ основанъ университетъ, расширенный постепенно до пяти факультетовъ, богословскаго, юридическаго, медицинскаго, философскаго: наукъ и изящныхъ искусствъ. Вскорѣ въ немъ было уже 300 слушателей. Мѣсто библіотеки Залусскихъ, увезенной

въ Петербургъ, заняла вновь основанная при университетѣ серьезная библіотека, располагавшая большимъ количествомъ томовъ. Кромѣ университета, были основаны: военное училище, лѣсной и политехнической институты въ Варшавѣ, горный институтъ въ Кѣльцахъ, кадетскій корпусъ въ Калишѣ, учительскій институтъ въ Ловичѣ, лютеранская духовная семинарія и школа еврейскихъ раввиновъ. Поднято было и среднее образованіе: 12 воеводскихъ и 17 уѣздныхъ гимназій насчитывали въ 1823 г. 4½ тысячи учащихся и 200 учащихся. Число начальныхъ школъ, городскихъ и сельскихъ было доведено до 900, кромѣ того, были открыты воскресныя ремесленныя школы.

О томъ, какъ быстро подвигалось здѣсь дѣло просвѣщенія, свидѣтельствуетъ то обстоятельство, что уже въ 1817 году общее число учащихся возросло до 36.000, т.-е. почти на 25% за два года. Этотъ ростъ просвѣщенія продолжался и послѣ Потоцкаго, пока не былъ задержанъ и, наконецъ, сознательно остановленъ Грабовскимъ.

Много было сдѣлано и министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, подъ руководствомъ способнаго и неутомимаго Мостовскаго. Первой его заботой была поддержка земледѣлія. Въ Мармонтѣ (Ново-Александрія) былъ основанъ агрономическій институтъ, официально давались свѣдѣнія о сельско-хозяйственныхъ улучшеніяхъ за границей, октябрьскимъ указомъ 1816 г. назначались награды образцовымъ хозяевамъ, изъ-за границы были выписаны колонисты и расселены въ государственныхъ и частныхъ имѣніяхъ.

Министерство стало заботиться и о промышленности, которая въ то время дѣлала въ Польшѣ первые шаги. Особую поддержку оно оказывало ткацкой промышленности, отнынѣ одной изъ главныхъ основъ матеріальнаго благополучія Царства Польскаго. Оказывая денежную помощь пошатнувшимся предпріятіямъ, Мостовскій всячески способствовалъ открытію новыхъ суконныхъ фабрикъ въ Озор-

ковъ, Калишъ, Вышгородъ и другихъ провинціальныхъ городахъ. Въ первые же годы въ Варшавѣ возникъ цѣлый рядъ фабрикъ шерстяныхъ и хлопчатобумажныхъ издѣлій, ковровъ, чулокъ и т. д.

Горное управленіе, подъ руководствомъ выдающагося гражданина и писателя, Станислава Сташица, занялось возобновленіемъ работъ въ Олькушскихъ рудникахъ, основывало чугуно-литейные и желѣзо-прокатные заводы. (Впоследствии оно было причислено къ министерству финансовъ).

Сильно поднялась и торговля, особенно въ позднѣйшіе годы. Въ 1830 году при ввозѣ въ 47,7 милліоновъ, вывозъ изъ Царства Польскаго составлялъ: въ Россію 14,5 милліоновъ (почти исключительно издѣлія промышленности), въ Пруссію—27,5 м. (хлѣбъ и строевой лѣсъ), въ Краковъ—2, 7 м. въ Австрію—300.000—въ общей сложности 45 милліоновъ злот. польск.

Цѣною милліонныхъ расходовъ (свыше 6 м. з. п.) Варшава была расширена и украшена; старый крѣпостной валъ и редуты Праги снесены, выстроены рядъ огромныхъ, не всегда изящныхъ, но все же величественныхъ общественныхъ зданій, гдѣ и понынѣ съ удобствомъ размѣщаются правительственные учрежденія.

Бюджетъ Варшавы въ 1816 г., составлявшій всего $\frac{1}{2}$ милліона, уже въ 1818 г. равнялся 2-мъ, а въ 1830 г.—4-мъ милліонамъ злот. польск.

Многое было сдѣлано по постройкѣ и починкѣ дорогъ. Тяжелая и не дававшая никакихъ результатовъ дорожная повинность была на половину уменьшена и замѣнена деньгами. Закончены были работы по проведенію четырехъ прекрасныхъ шоссеиныхъ дорогъ: калишской, краковской, брестской и ковенской (петербургской), которыя сходились въ Варшавѣ. Начались работы и по улучшенію водныхъ путей: по Вислѣ, Пилицѣ, Нидѣ и Пшемислѣ. Приведена

была въ порядокъ почтовая администрація; почта, работавшая раньше съ дефицитомъ, стала приносить значительный доходъ. Назначена была субсидія національному театру, основана драматическая и музыкальная школа.

Въ цѣляхъ сближенія сословій 17 іюня 1817 года изданъ былъ законъ, значительно облегчавшій полученіе дворянства. Согласно этому закону могъ и долженъ былъ быть представленъ къ дворянскому званію каждый учитель, прослужившій 10 лѣтъ, каждый солдатъ, дослужившійся до капитанскаго чина, каждый гражданинъ, который своимъ талантомъ, трудами или какимъ-либо изобрѣтеніемъ оказалъ услугу просвѣщенію, промышленности, сельскому хозяйству и вообще былъ полезенъ странѣ. И съ этихъ поръ въ «Дневникѣ Законовъ» (*Dziennik Praw*) массами публиковались лица, удостоенныя дворянскаго званія, что въ значительной мѣрѣ сглаживало исключительность положенія шляхты.

Говоря вообще, шляхта въ эпоху Царства Польскаго приобрѣла очень многое, не только въ экономическомъ, но и въ культурномъ смыслѣ: по своему образованію и взглядамъ она стояла приблизительно на томъ же уровнѣ, что и французская либеральная буржуазія того времени. Поднялся и общій уровень мѣщанства—главнымъ образомъ благодаря быстрымъ успѣхамъ промышленности и торговли.

Наиболѣе обездоленнымъ оказалось крестьянство. Въ эпоху Царства Польскаго оно такъ и не дождалось кардинальной реформы своего плачевнаго социальноекономическаго положенія—освобожденія отъ крѣпостной зависимости (которое въ Прусской Польшѣ тогда уже совершилось). За немногими исключеніями крестьянство продолжало находиться въ необычайно тяжелыхъ условіяхъ жизни, не только въ частныхъ, но и въ національныхъ имуществвахъ: въ нихъ оно страдало отъ злоупотребленій

арендаторовъ. Платоническая благожелательность правительства крестьянству не помогала.*)

Армія въ суровыхъ, но умѣлыхъ рукахъ великаго князя Константина, была превосходно организована; въ техническомъ смыслѣ, за короткій сравнительно срокъ, она явилась верховъ совершенства. По закону о рекрутскихъ на-

*) На безотрадное положеніе крестьянъ много свѣта пролила обширная анкета, систематически проведенная во всѣхъ департаментахъ прежняго Княжества Варшавскаго, по инициативѣ Чарторыйскаго (28 августа 1814 г.). На опросный листъ, составленный Городыскимъ и разосланный Любецкимъ (15 сентября), были получены многочисленныя отвѣты въ концѣ 1814 и въ началѣ 1815 г. Хотя эта анкета относится ко времени возникновенія Царства Польскаго, но она имѣетъ значеніе для всей послѣдующей эпохи, такъ какъ никакихъ значительныхъ перемѣнъ въ положеніи крестьянъ въ эту эпоху не произошло.

Изъ всего огромнаго матеріала, относящагося къ этому вопросу, мы беремъ одно только мнѣніе, несомнѣнно искреннее и правдивое, хотя, быть можетъ, нѣсколько одностороннее по своему пессимизму (въ поправкахъ нуждается особенно то безусловное осужденіе, съ которымъ авторъ, представитель духовенства, относится къ государственному хозяйству въ земляхъ, отнятыхъ у духовенства). Это мнѣніе особенно интересно потому, что авторъ его имѣлъ близкое соприкосновеніе съ народомъ.

*«Отвѣтъ на вопросы, касающіеся положенія крестьянъ.
Составленъ приходскимъ ксендзомъ Лядахъ».*

Пусть никто не задаетъ себѣ труда улучшить теперешнее положеніе крестьянъ, не нанося тѣмъ самымъ ущерба правамъ помѣщиковъ. Это дѣло столь же невозможное, какъ соединеніе огня съ водой. Проживши въ деревнѣ 20 лѣтъ, я былъ свидѣтелемъ разнообразныхъ явленій крестьянской жизни, обрабатывая, наравнѣ съ мужикомъ, кусокъ земли, я имѣлъ возможность сдѣлать нѣкоторыя наблюденія относительно тѣхъ причинъ, которыя приводятъ крестьянъ къ нищетѣ.

Нижеслѣдующій отвѣтъ на предложенный вопросъ: какъ вывести крестьянъ изъ теперешняго ихъ положенія? — изложитъ вкратцѣ эти наблюденія.

борахъ, 30 ноября 1816 г., всѣ мужчины безъ различія сословій (за исключеніемъ единственныхъ сыновей, духовенства, врачей, ученыхъ и т. д.) въ возрастѣ отъ 20 до 30 лѣтъ подлежали внесенію въ воинскіе списки. Срокъ службы былъ установленъ 10-ти лѣтній. Въ дѣйствіе вво-
дился Уголовный Кодексъ для польскихъ войскъ, опубли-

Свобода, дарованная крестьянамъ закономъ 1807 года, да будетъ для нихъ драгоцѣнной наградой за тѣ страданія, которыя вынесли они за послѣдніе годы, да останется она славной минутой въ жизни XIX вѣка. Не она причина того, что крестьяне бездѣлничаютъ и покидаютъ свои хозяйства; причины здѣсь другія, я ихъ знаю по опыту, и онѣ суть: а) скудность и дряблость земельныхъ надѣловъ и луговъ, б) непропорціональность связанной съ ними барщины, в) отсутствіе настищъ и топлива, г) дурное обращеніе помѣщиковъ и арендаторовъ съ крестьянами. Наконецъ, военныя событія.

Наглядное подтвержденіе всѣхъ этихъ причинъ я могъ наблюдать въ своемъ приходѣ. Я знаю деревню, лежащую на хорошей землѣ, гдѣ крестьянинъ имѣетъ посѣва отъ 5 до 6 варшавскихъ корцевъ *) озими. Всѣ три поля совершенно равны. Барщины крестьянинъ отбываетъ: 6 постоянныхъ дней въ недѣлю и неопредѣленное количество непостоянныхъ, или такъ называемыхъ «даровщинъ». Пока хлѣбъ стоялъ въ цѣнѣ, онъ находилъ возможнымъ кое-какъ перебиваться, но когда цѣны упали, онъ долженъ былъ стать нищимъ. Кромѣ того, помѣщикъ, чтобы наверстать свои потери, отнял у крестьянъ луга. И вотъ, при скудности посѣва и отсутствіи топлива и сѣна, число хозяевъ упало съ 12 до четырехъ. Я самъ былъ свидѣтелемъ, какъ землепашецъ, привязанный къ родному гнѣзду, просилъ лишь нѣзначительнаго увеличенія земельного надѣла въ замѣнъ отнятыхъ луговъ; ничего не добившись, онъ долженъ былъ проститься съ тѣмъ клочкомъ земли, который такъ часто поливалъ своими слезами...

Для того, чтобы опредѣлить количество земли, потребное для одного хозяина, а также размѣръ барщинныхъ повинностей, свя-

*) Корецъ = 4 четверикамъ и 7 гарцамъ.

кованный еще въ 1815 г., но въ силѣ оставались и прежніе французскіе военно-уголовные законы.

За все существованіе Царства Польскаго было произведено 7 рекрутскихъ наборовъ, при чемъ въ общей сложности было набрано 26.700 рекрутовъ. (На основаніи специальныхъ указовъ въ октябрѣ 1816 года было набрано

занныхъ съ этой землею, да будетъ мнѣ позволено привести здѣсь въ примѣръ двухъ знакомыхъ мнѣ крестьянъ.

Войцѣхъ имѣетъ въ каждомъ полѣ 10 морговъ *) хорошей земли, 1 мортъ огорода, сѣна онъ убираетъ 6 двуконныхъ воевъ.

Въ хозяйствѣ его имѣется недурное пастбище,—топливо, хотъ и не Богъ вѣсть какое, онъ получаетъ изъ господскаго лѣса. Чиншу онъ платитъ 200 злотыхъ польскихъ въ годъ, кромѣ того, обязанъ доставлять помѣщику подводы для провозки 6 корцевъ ржи на разстояніе 20 миль**), или платитъ за нихъ 36 злот. польск. Въ жатву онъ работаетъ косой— $\frac{1}{4}$ дня, серпомъ— $\frac{1}{4}$ дня, граблями— $\frac{1}{4}$ дня, или платитъ за все 18 злот. польск. Натурой даетъ: двухъ каплуновъ, двухъ гусей, три десятка яицъ, или платитъ за нихъ 9 злот. польск. Господскому сторожу платитъ 5 злот. польск. и даетъ 8 гарицевъ ржи. Казенныя и фуражныя подати онъ платитъ вмѣстѣ съ гминой. Наконецъ, приходскому костелу онъ даетъ 1 корецъ ржи и столько же овса.

Яковъ живетъ въ сосѣдней деревушкѣ,—у него такой же огородъ, столько же земли, сѣна онъ убираетъ столько же, что и Войцѣхъ, но вмѣсто чинша отбываетъ 6 дней барщины въ недѣлю.

Войцѣхъ выдержалъ удары военныхъ событій, Яковъ совсѣмъ разорился. Мнѣ захотѣлось узнать причину столь значительной разницы въ положеніи этихъ двухъ крестьянъ. Войцѣхъ признался откровенно, что его дѣла довольно печальны, хотя это сразу и не бросается въ глаза. «Я былъ вынужденъ»,—сказалъ онъ мнѣ,—«одолжить значительную сумму, чтобы поддержать свое хозяйство. За послѣдніе два года я потерялъ овецъ, много инвентаря,—но я все же надѣюсь какъ-нибудь выкарабкаться изъ долговъ и имѣть по-прежнему вѣрный кусокъ хлѣба, только бы Господь вернулъ

*) *Мортъ*—приблизительно $\frac{1}{2}$ десятины. *Прим. перев.*

**) *Миля*—7 верстамъ. *Прим. перев.*

5.000 рекрутовъ; въ августѣ и октябрѣ 1819 г.—6.000 и 4.500; въ августѣ 1822 г.—3.000; въ сентябрѣ 1823 г.—2.800; въ сентябрѣ 1824 г.—3.000; въ октябрѣ 1826.—2.400.) Армія, надъ усовершенствованіемъ которой неустанно трудился Константинъ, въ минуту взрыва революціи (1830) состояла: изъ 2 дивизій пѣхоты, при чемъ въ каждой

намъ спокойствіе. Земля моя, коль ее обработаешь по хозяйственному, никогда не подводитъ».

Укрѣпивъ его въ его надеждахъ, я отправился къ Якову. Тамъ, не доходя еще до двери его дома, я увидѣлъ слѣды страшной нищеты. На мой вопросъ Яковъ отвѣтилъ проклятіями. «Ты дурно поступаешь, Яковъ,—сказалъ я ему тономъ дружескаго наставленія,—проклятія не облегчатъ опечаленнаго сердца. Я вѣрю, что положеніе твое тяжелое, но не самъ ли ты виноватъ въ немъ? Ты, быть можетъ, порою слишкомъ долго просиживаешь въ корчмѣ и что заработаешь на ярмаркѣ—пропиваешь?» «Да вѣдь вамъ, вельможный пане, извѣстно, что я былъ боленъ и въ болѣзни мнѣ не на что было купить кружку пива».

Вопросъ. Должно быть, жена твоя плохая хозяйка.

Отвѣтъ. Если бъ не ея заботы, не встать бы мнѣ послѣ болѣзни.

В. Быть можетъ случилось, что ты протянулъ руку за чужимъ добромъ, а вѣдь тотъ, кто пожелаетъ чужого, не только карается небомъ, но и о своемъ забываетъ.

О. Никогда въ жизни я ни у кого ничего не бралъ.

В. А какъ у тебя родится въ полѣ?

О. Плохо.

В. Почему же? У тебя должно быть нерадивая, или неумѣлая челядь?

О. Моя челядь всегда на барщинѣ. Я даже не знаю, какова она, ибо вижу ее только за миской.

В. Сколь же у тебя челяди?

О. Паробокъ и дѣвка.

В. Такъ неужели они все время на барщинѣ. Вѣдь работаешь ты 6 дней въ недѣлю?

О. Эхъ, вельможный пане, не знаете вы нашихъ повинностей. Дѣйствительно, работать мы должны 6 дней въ недѣлю, только

дивизіи было 3 пѣхотныхъ бригады и 1 артиллерійская— всего 29 батальоновъ пѣхоты, численностью въ 28.000 человекъ; кавалерія состояла изъ 38 эскадроновъ, численностью въ 7.000 человекъ; артиллерія изъ 106 орудій. Кроме того, въ распоряженіи арміи было наготовѣ 35.000

понимать это надо такъ, что работаемъ мы всѣ, всей избой, каждый день. Я это сейчасъ вельможному пану объясню. Вспапка одного морга, какъ мнѣ говорятъ старые хозяева и какъ сейчасъ заведено въ сосѣдней деревнѣ, считалась за 2 дни барщины; но какой-то недобрый экономъ посоветовалъ нашему пану, чтобы мужики пахали только $\frac{1}{2}$ морга, потому что, молъ, лучше вспашутъ. Послушался его, на нашу бѣду, нашъ панъ, и это уже въ обычай вошло. Затѣмъ, когда стали отмѣрять заново, отмѣрили такъ, что моргу еле-еле въ недѣлю вспашешь. Но это еще не конецъ нашему горю. У насъ есть еще «даровщины»—онѣ-то изъ насъ всѣ жилы и тянутъ. Съ подводой ѣхать милоу, двѣ, три, порою—пять; сажать, обсыпать, полоть, копать и выбирать картошку; сажать, полоть, снимать, рубить, или рѣзать капусту; выбирать ленъ, отереть—и весь, сколько его ни на есть, выпрясти; выбивать масло, зачастую изъ самыхъ дрянныхъ сѣмянъ—и выбить положенную мѣру. Крупу отдавать на мельницу и за помоль мельнику платить изъ собственного кармана. Снимать хмель, пасти господское стадо и держать ночного и дневного сторожа для господской пользы. Отвозить матеріалы на фабрику. Въ жатву—весь народъ въ полѣ, пока послѣдній снопъ не уберутъ. Да прибавьте къ этому наши теперешнія даны, подводы, фуражи—кто же сможетъ на такомъ кускѣ земли прокормиться? Нельзя во время землю воздѣлать, посѣять въ пору, въ нужное время съ поля убрать,—а въ полѣ—все хуже, въ амбарѣ—все меньше, не иначе, какъ пропадать придется».

Я старался утѣшить бѣднаго крестьянина надеждой на лучшія времена, но тщетно: онъ уже во власти отчаянія.

Двѣ эти картины столь другъ отъ друга отличны, и кто не увидитъ во второй изъ нихъ—обремененія не свыше всякой мѣры и силъ? Необходимо поэтому положить предѣлъ произволу помѣщиковъ и установить однѣ непреложныя правила для всѣхъ крестьянъ. Крестьянинъ-чишшевикъ, котораго мы выше привели въ примѣръ,

запасныхъ—для сформированія третьихъ и четвертыхъ батальоновъ и пятыхъ и шестыхъ эскадроновъ.

Слабую сторону арміи составлялъ сравнительный недостатокъ полевой артиллеріи, особенно ощутительный благодаря совершенному отсутствію въ Польшѣ оружейныхъ заводовъ.

могъ бы быть образчикомъ такихъ правилъ. У него точно отмѣренный надѣлъ земли, луговъ и огорода, точно опредѣлены, помимо чинша, его повинности и рядомъ съ ними поставлена цѣна. Правда, при теперешнемъ обнищаніи крестьянъ, они не могли бы выплачивать чинша, а съ другой стороны помѣщики безъ барщины никакъ не могли бы воздѣлывать своихъ огромныхъ имѣній. Чтобы согласовать интересы обѣихъ сторонъ, нужно точно опредѣлить барщину крестьянъ. Напримѣръ:

Крестьянинъ N имѣетъ 10 хелминскихъ морговъ хорошей земли въ каждомъ полѣ. Онъ засѣваетъ на ней 5 корцевъ ржи и столько же пшеницы; огороду у него—1 моргъ, сѣна онъ убираетъ 6 двуконныхъ возовъ. У него есть достаточное для него пастбище и топливо. Назначимъ ему 400 злот. польскихъ чинша въ годъ и 20 злот. польск. казенныхъ налоговъ. Крестьянинъ N, не имѣя возможности въ эти тяжелыя времена заплатить столь значительный чиншъ деньгами, заплатитъ его работой. Онъ будетъ пахать 50 хелминскихъ морговъ, но не больше 3 морговъ въ недѣлю; считая вспашку одного морга въ 4 злот. польск., онъ отработаетъ 200 злот. польск. Косой, серпомъ, граблями онъ проработаетъ въ общей сложности 100 дней, но не больше 4 дней въ недѣлю; считая каждый день по 1 злотому и 6 грошей, онъ отработаетъ 120 злот. польск. Онъ обязанъ будетъ провозить грузъ въ 5 корцевъ пшеницы или 6 корцевъ ржи на разстояніе 50—60 миль, но не въ распутицу и не тогда, когда дороги плохи. Считая по 12 злот. польск. за десять миль, онъ отработаетъ 60 злот. польск. Онъ нарядетъ толстой прижи 1 мотокъ, тонкой 3 мотка или отработаетъ за нихъ пять дней, что дастъ 6 злот. польск. Въ усадьбу онъ отдастъ 4 каулуновъ, 2 гусей, 5 десятковъ яицъ, или отработаетъ за нихъ 8 дней—что дастъ 10 злот. польск. Господскому сторожу заплатитъ 4 злот. польск. И вотъ—крестьянинъ уплатилъ помѣщику 400 злотыхъ польскихъ чинша.

Развитіе судебной организаціи встрѣчало на своемъ пути очень серьезныя препятствія. Источникомъ ихъ являлись—частью запутанность соотвѣтственныхъ конституціонныхъ предписаній, рассчитанныхъ на слишкомъ маленькіе округа, и излишнее дробленіе судебной компетенціи,—частью причины матеріальнаго свойства. Количество судебныхъ

Въ виду того, что, какъ бываетъ всегда, крестьяне пользуются не собственной землей, а землей, принадлежащей помѣщику, то, рассматривая ее какъ капиталъ, можно опредѣлить размѣръ барщины въ 5% со стоимости земли. Желая положить основаніе праву крестьянъ приобрѣтать землю въ собственность, надлежало бы установить теперь же цѣны на землю въ соотвѣтствіи съ размѣрами чинша, установленнаго на вѣчныя времена, и побуждать крестьянъ выплачивать часть его добровольной барщиной. Расчеты между крестьянами и помѣщиками ежегодно утверждались бы судомъ и вносились бы въ специально заведенныя для этого книги помѣщиковъ и крестьянъ. Первые взносы уходили бы въ уплату за пользованіе землею, а слѣдующіе—въ уплату стоимости земли. Книжки съ такими расчетами, при продажѣ земли помѣщикомъ въ другія руки, переходили бы къ новому владѣльцу, чтобы онъ былъ освѣдомленъ о прежнихъ отношеніяхъ собственника земли и крестьянина.

Что касается хозяйственныхъ построекъ, то онѣ по большей части представляютъ изъ себя простыя мазанки, которыя нельзя даже назвать постройками; онѣ, конечно, составляютъ неотъемлемую собственность помѣщика, но если точно подсчитать, онѣ всегда для него убыточны. Мы знаемъ по опыту, что, предоставивъ въ распоряженіе крестьянина новый и благоустроенный домъ, помѣщикъ черезъ нѣсколько лѣтъ находилъ въ немъ мерзость запустѣнія; домъ, въ которомъ живетъ крестьянинъ, всегда для него чужой и онъ смотритъ на него, какъ на тюрьму, воздвигнутую рукою насилія.

Приведенный выше примѣръ крестьянина, имѣющаго хорошую землю, хорошее пастбище, луга и топливо, но можетъ быть использованъ повсемѣстно. У него ни въ чемъ нѣтъ недостатка, земля его даетъ урожай самъ 8—10. Деревень со столь благоприятными условіями мало: бываетъ, что земля хороша, но луговъ не

дѣль росло очень быстро,—въ 1861 г. ихъ было 16½ тысячъ, 1817 уже 26 тысячъ,—это вызывало огромныя залежи нерѣшенныхъ дѣль (въ 1816—4½, въ 1817 около 7 тысячъ). Въ первые годы въ тюрьмахъ было не болѣе 1000 арестантовъ, осужденныхъ за уголовныя преступленія; но вскорѣ это измѣнилось: начались массовыя политическіе

хватаетъ; для того, чтобы возмѣстить недостатокъ сѣна, надо бы къ каждому полю прибавить по моргу земли. Бываетъ нехватка въ топливѣ, или въ пастбищахъ—лишенный ихъ, крестьянинъ долженъ бы собирать побольше зерна. Тамъ же, гдѣ нѣтъ ни луговъ, ни пастбищъ, ни топлива, да къ тому же и земля плохая—жизнь крестьянина будетъ вѣчной борьбой съ нищетой.

И только тогда, когда земля будетъ отдана ему въ собственность за умѣренную цѣну, или подарена за умѣренный чиншъ, онъ сможетъ стать на ноги.

Сообразно съ этими замѣчаніями, можно бы составить таблицу, сколько чинша долженъ платить или отработывать барщиной крестьянинъ при томъ или другомъ качествѣ земли и при той или другой ея урожайности. Луга тоже надо бы раздѣлить на заливные, рѣчные, болотные и т. д., не забывая о качествѣ пастбища, которое такъ важно для крестьянина въ молочномъ хозяйствѣ и въ приплодѣ.

Что бы ни предприняло правительство для улучшенія условій крестьянской жизни, опредѣленіе точныхъ размѣровъ барщины и замѣна ея деньгами по справедливой цѣнѣ неминуемо необходимы. До сихъ поръ трудъ крестьянина не имѣлъ ни цѣны, ни границъ и это было главнымъ источникомъ разстройства его хозяйства и даже нищеты. Если правительству въ столь короткое время было бы невозможно принять общія мѣры для улучшенія теперешняго положенія крестьянъ, то въ его рукахъ остаются частныя мѣры: пусть оно начнетъ съ расселенія крестьянъ въ національныхъ имуществвахъ—это дастъ явныя выгоды странѣ. Национальныя имущества теперь такъ опустошены, что не хватитъ и близлежащихъ лѣсовъ, чтобы ихъ застроить. Крестьяне такъ обвиняли, что имъ необходимо оказать помощь—только тогда они смогутъ продолжать вести свое хозяйство.

Прошло всего лишь 18 лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ имущества

аресты, такъ что вмѣсто тюремъ, пришлось уже пользоваться особыми помѣщеніями, напримѣръ, монастыремъ Доминиканцевъ, Кармелитовъ, варшавскими гауптвахтами и т. д.

Слабой и даже опасной стороною администраціи Царства Польскаго въ первый же періодъ его существованія, было плачевное состояніе казначейства, вызванное главнымъ образомъ огромными расходами на армію. Уже въ первомъ докладѣ, представленномъ Александру Матушевичемъ, расходы на 1815—1816 бюджетный годъ исчислялись въ 26,6 милліоновъ, а надежные доходы въ 23,9 милліоновъ, такъ что получался дефицитъ въ $2\frac{1}{2}$ милліона злот. польск.

Первые два года, 1815—1817, расходы на армію покрывало русское правительство, тратя на это около 9 милліоновъ руб. серебромъ. Теперь этотъ расходъ ложился на Царство Польское, финансы котораго находились въ хаотическомъ состояніи—а между тѣмъ расходъ этотъ составлялъ почти 30 милліоновъ злот. польск. въ годъ, то-есть чуть не половину бюджета.

И вотъ бюджетные расходы, составлявшіе въ 1817 году—около $55\frac{1}{2}$ милліоновъ, уже въ 1818 г. подскочили до 72,

духовенства и староста отобраны въ казну. Но и въ столь короткій срокъ обнаружилось съ несомнѣнностью, насколько плохо въ нихъ ведется хозяйство. Кто видѣлъ прежнія церковныя деревни, кто близко зналъ положеніе крестьянъ въ этихъ деревняхъ,—тотъ можетъ сравнить то, что было раньше съ тѣмъ, что теперь. Совершенное запустѣніе деревень и совершенная нищета крестьянъ—вотъ результаты новаго хозяйничанья. Правда, значительную роль здѣсь сыграла война, продолжавшаяся нѣсколько лѣтъ, но все же не въ ней главная причина упадка. Не даже никакого новаго проекта по внутреннему устройству національныхъ имуществъ: соседняя намъ Пруссія, гдѣ администрація лучше нашей, можетъ намъ служить примѣромъ такого устройства».

а въ 1819—до 74 милліоновъ, обнаруживая въ этомъ году дефицитъ, по крайней мѣрѣ, въ 19 милліоновъ.

Но помимо самого факта серьезныхъ финансовыхъ затрудненій, тутъ скрывалось еще одно очень грозное и опасное обстоятельство. Подъ предлогомъ дефицита, то-есть мнимой неспособности страны оплачивать дорого стоящую ей законодательныя учрежденія, Новосильцевъ искушалъ Государя планомъ уничтоженія польской конституціи, польской арміи и національной обособленности Царства Польскаго. Онъ предлагалъ это сдѣлать либо путемъ спеціального акта, отмѣняющаго конституцію, либо въ связи съ фиктивными проектами конституціи для всей Имперіи, которые относились къ тому времени.

И дѣйствительно, эта опасность нѣсколько разъ угрожала Царству Польскому—въ 1819, 1820, 1821 году. Угрожала она ему и въ 1823 году, когда сеймъ, еще не сознавая этой опасности, выступилъ съ принципиальной критикой жалкаго положенія финансовъ и невольно сыгралъ въ руку тѣмъ, кто замышлялъ этотъ адскій планъ.

Вотъ почему дѣломъ первостепенной важности для самаго существованія Царства Польскаго явился переходъ министерства финансовъ въ руки талантливаго человѣка, который сумѣлъ показать, что конституціонное Царство Польское, содержащее на собственный счетъ собственную армію, можетъ не только избѣжать дефицита, но привести свои финансы въ такое равновѣсіе, которое недостижимо даже для самодержавнаго правительства имперіи.

Къ счастью, черезъ нѣсколько лѣтъ такой министръ нашелся—въ лицѣ Любецкаго.

Къ концу двухгодичнаго конституціоннаго срока Императоръ рескриптомъ 17 сентября 1817 г., поручилъ намѣстнику назначить первые сеймиковые и гминные выборы. Затѣмъ Высочайшимъ указомъ 17 февраля онъ созвалъ первый сеймъ Царства Польскаго, назначивъ его на 27 марта

1818 г. и самъ заранѣе прибылъ на его открытіе въ Варшаву (13 марта).

Открытіе сейма совершилось съ большою торжественностью.

Обѣ палаты собрались въ сенатскомъ залѣ. Хоры были переполнены блестящей публикой. Вокругъ трона и на его ступеняхъ стояли великіе князья, члены польскаго правительства, польскій и россійскій генералитетъ.

Это былъ первый настоящій парламентъ (если не считать скромнаго финляндскаго сейма въ Борго, въ 1809 г.), открытый россійскимъ монархомъ.

Александръ прочелъ съ трона, стоя, на французскомъ языкѣ прекрасную и столь многообъщающую декларацию:

«Исполняются ваши надежды и мои желанія...—говорилъ онъ.—Вы открыли мнѣ возможность предоставить моему отечеству то, что я давно для него готовлю и что оно получить, коль скоро начала столь важнаго дѣла достигнуть необходимаго развитія. Сумѣйте же стать на высотѣ вашей задачи. Плоды вашихъ трудовъ укажутъ мнѣ, смогу ли я, вѣрный моимъ намѣреніямъ, и *далее расширять* то, что я уже для васъ сдѣлалъ».

Эти торжественныя слова произвели огромное впечатлѣніе на присутствующихъ. Мощнымъ эхо отдались они по всему Царству Польскому, по всей Россіи и Европѣ. И дѣйствительно, они заключали въ себѣ обѣщаніе двухъ необыкновенно важныхъ вещей: конституціи для Россіи и присоединенія Литвы къ Царству Польскому.

И тронная рѣчь 1818 года является кульминаціоннымъ пунктомъ того пути, по которому шелъ Александръ I въ своихъ либеральныхъ намѣреніяхъ и преобразовательныхъ стремленіяхъ. Съ этого момента, послѣ непродолжительной остановки, путь этотъ круто спускается внизъ, въ сторону реакціи.

Многозначительность этой рѣчи подчеркиваетъ еще и то обстоятельство, что она была проредактирована лично Александромъ, и онъ, несмотря на сопротивленіе своего министра иностранныхъ дѣлъ Капо-д'Истріи и Великаго князя Константина, не позволилъ измѣнить въ ней ни одного слова.

Засѣданія сейма, воодушевленнаго такимъ многообъщающимъ вступленіемъ, приняли серьезный и счастливый оборотъ.

Сеймъ одобрилъ внесенный правительствомъ законопроектъ о сокращеніи процедуры размежеванія недвижимыхъ имуществъ, что было необходимо какъ для охраны національныхъ имуществъ, такъ и для урегулированія ипотечныхъ порядковъ. Одобрень былъ и новый Ипотечный Уставъ, великолѣпно составленный и, съ нѣкоторыми измѣненіями, существующій и понынѣ. Уставъ этотъ былъ гораздо совершеннѣе и узаконеній Наполеоновскаго Кодекса, и практики прусскаго ипотечнаго права. Принятъ былъ и новый уголовный Кодексъ, составленный по австрійскому и французскому образцамъ, очень сжатый по формѣ, но страдавшій многими важными недостатками: излишней жестокостью въ системѣ наказаній и недостаточной точностью опредѣленій.

Отклонень былъ одинъ только законопроектъ о бракѣ, внесенный министерствомъ юстиціи,—но онъ дѣйствительно грѣшилъ многими несуразностями и былъ неприемлемъ. Законопроектъ этотъ путемъ нѣкоторыхъ компромиссовъ (признаніемъ дѣйствительности лишь тѣхъ браковъ, которые совершены по церковному обряду, запрещеніемъ вторичнаго вступленія въ бракъ безъ разрѣшенія духовныхъ властей и въ то же время оставленіемъ прежней подсудности по дѣламъ о бракѣ—общегражданскимъ судамъ) имѣлъ цѣлью замѣнить собою чисто-гражданскія постановленія 5 и 6 раздѣла I книги Кодекса Наполеона,—

но не удовлетворилъ никого: въ Сенатѣ противъ него возсталъ консервативный элементъ, въ Палатѣ депутатовъ либеральный.

Но зато обѣ палаты воздержались отъ обвинительныхъ выступлений, слишкомъ достаточный поводъ къ которымъ давалъ не только Новосильцевъ въ своей роли доносчика и соглядатая, но прежде всего—самъ великій князь Константинъ. Уже въ 1816 году онъ своимъ не-конституціоннымъ поведеніемъ принудилъ военнаго министра Вельгорскаго подать въ отставку.

Словомъ, сеймъ всячески старался, кромѣ законодательнаго усердія, выказать возможно болѣе благожелательное отношеніе къ правительственнымъ законопроектамъ, чтобы тѣмъ самымъ подчеркнуть свое довѣріе правительству и доказать, что онъ надлежащимъ образомъ оцѣнилъ драгоцѣнные обѣщанія, выраженные въ вступительной рѣчи монарха.

Александръ закрылъ сеймъ (27 апрѣля) доброжелательной тронной рѣчью, благодаря сейму за его труды и образъ дѣйствій и обѣщая вскорѣ вернуться въ Варшаву. Рѣчь опять-таки заканчивалась обѣщаніями: «Я остаюсь при рѣшеніи осуществить мои намѣренія; онѣ вамъ извѣстны». 30 апрѣля онъ уѣхалъ.

Въ сущности, нѣкоторый реальный шагъ на пути къ осуществленію этихъ намѣреній, поскольку онѣ касались Литвы, былъ сдѣланъ указами 1817 и 1819 года. Этими указами военная власть Константина, какъ главнокомандующаго польской арміей, была распространена на пять литовскихъ губерній. Реальнымъ показателемъ искренности этихъ намѣреній были и кое-какія измѣненія въ обмундированіи литовскихъ войскъ, дѣлавшемъ ихъ похожими на польскія войска.

Но вмѣстѣ съ тѣмъ стали появляться и другіе тревожные симптомы реакціоннаго характера. Указомъ на-

мѣстника (22 мая 1819 г.) вводилась цензура для газетъ и періодическихъ изданій. Другимъ указомъ (16 іюля) цензура распространялась уже на всѣ печатныя произведенія, издававшіяся въ Царствѣ Польскомъ. Это было явное нарушеніе § 16 конституціи—о свободѣ печати.

Вскорѣ потомъ, въ отношеніи министра статсъ-секретаря на имя намѣстника (13 декабря) это нарушеніе было не только санкціонировано монархомъ въ самомъ широкомъ смыслѣ, но предугазывалась даже необходимость ограниченія личной неприкосновенности гражданъ, поскольку этого будутъ требовать «внезапныя обстоятельства» (*l'urgence du moment*).

Это открывало дорогу самымъ широкимъ административнымъ репрессіямъ по указаніямъ, продиктованнымъ самовластіемъ Константина и доносами Новосильцева. Главными конституціонными гарантіями болѣе не стѣснялись.

Въ маѣ 1822 вышелъ новый указъ намѣстника, подчинившій всѣ цензурныя дѣла министерству исповѣданій и просвѣщенія, находившемуся въ то время въ рукахъ реакціонера Грабовскаго. При министерствѣ былъ учрежденъ Цензурный Комитетъ, во главѣ котораго стоялъ тоже реакціонеръ Шапявскій (фактически же Новосильцевъ) и который отнынѣ сталъ неумолимо подавлять всѣ проявленія свободной мысли въ печати.

Второй сеймъ, осенью 1820 года, прошелъ уже въ совершенно другомъ настроеніи—значительно подавленномъ, хотя все еще не лишенномъ надеждъ. Измѣнилось и настроеніе Александра, котораго тревожили событія въ Европѣ и Россіи. Хотя онъ прибылъ въ Варшаву 27 августа, но сеймъ былъ открытъ имъ со значительнымъ опозданіемъ, вызваннымъ отчасти постутившими къ нему доносами. Въ тронной рѣчи при открытіи сейма (13 сентября) Александръ говорилъ о «зломъ духѣ, который носится надъ Европой», конституцію называлъ «порядкомъ, который мнѣ

благоугодно было предписать», указывая этимъ на возможность ея отмены. Но онъ не отказывался еще отъ своихъ обещаній: «еще нѣсколько шаговъ,—говорилъ онъ,— и вы будете у цѣли моихъ и вашихъ надеждъ».

И дѣйствительно, въ это самое время онъ разрабатывалъ въ Варшавѣ тайные проекты, касавшіеся обще-російской конституціи*), но уже безъ вѣры въ ихъ исполненіе.

Работы сейма на этотъ разъ протекали уже не такъ благополучно. Были приняты только двѣ второстепенныя повеллы и то не безъ труда, такъ какъ оставшаяся въ меньшинствѣ оппозиція была все же очень многочисленна. Зато огромнымъ большинствомъ голосовъ были отвергнуты

*) *Проектъ російской конституціи.* Этотъ важный актъ, опубликованный впервые во время ноябрьской революціи, согласно французскому оригиналу, найденному въ бумагахъ Новосильцева въ Варшавѣ [Varsovie, 30 juillet, 1831; Portofolio, V], въ послѣднее время былъ предметомъ тщательныхъ изслѣдованій. Опубликованъ былъ и автентическій русскій текстъ [Шильдеромъ, IV; ср. Hist. Ztschr. LXXII—III], а также и французскій текстъ, непосредственно извлеченный вмѣстѣ съ частью редакціоннаго матеріала [La Charte Constit. de l'Empire de Russie, Berl. 1903] изъ соотвѣтственнаго отдѣленія Государственнаго Архива, для научно-политическихъ цѣлей [Разр. III, № 25]. Но эта послѣдняя, новѣйшая публикація является неполной. Въ другомъ отдѣленіи того же Архива (XII, № 269), разбирая бумаги, относящіяся къ конституціи Царства Польскаго, мы случайно наткнулись на новыя редакціонныя наброски къ проекту русской конституціи. Ниже мы помѣщаемъ проектъ Высочайшаго манифеста, который долженъ былъ предшествовать введенію конституціи. Онъ интересенъ вдвойнѣ: съ одной стороны онъ является новымъ доселѣ невѣдомымъ шагомъ Александра на пути къ введенію конституціи, съ другой стороны онъ наглядно показываетъ, съ какою осторожностью государь приступалъ къ этой великой реформѣ, которую онъ думалъ даровать своему народу не иначе, какъ подъ тѣмъ предлогомъ, что она «не вводитъ никакого новшества и никакого измѣненія въ государственное устройство.»

принципальные правительственные законопроектъ: кодексъ уголовного судопроизводства — дѣйствительно страдавшій большими недостатками (отсутствіемъ суда присяжныхъ, слишкомъ большими преимуществами прокуратуры передъ

(Въ книгѣ Аскенази «Опытъ» опубликованъ на французскомъ языкѣ; здѣсь мы предлагаемъ его переводъ):

ОПЫТЪ ВВЕДЕНІЯ ВЪ ХАРТИЮ (1820).

«Конституціонная Хартія, которую Намъ благоугодно даровать нашимъ любезнымъ и вѣрнымъ подданнымъ, не вноситъ никакого новшества и никакого измѣненія въ государственное устройство. Она основана на нашихъ государственныхъ учрежденіяхъ, она ихъ объединяетъ, развиваетъ положенныя въ ихъ основу принципы, приводитъ ихъ въ дѣйствіе и тѣмъ самымъ открываетъ возможность ввести порядокъ и гармонию въ различныя отрасли управленія.

Является вполне справедливымъ, чтобы Сенатъ былъ облеченъ болѣе высокими полномочіями. Онъ принимаетъ участіе въ законодательной власти, носителемъ коей являемся Мы. Онъ составляетъ Верхнюю Палату въ представительныхъ учрежденіяхъ государства. Онъ рѣшаетъ вопросъ о дѣйствительности выборовъ, онъ же рѣшаетъ затрудненія въ дѣлѣ составленія избирательныхъ списковъ (listes civiques) дворянства и третьяго сословія. Онъ входитъ въ составъ Верховнаго Суда Нашей имперіи и участвуетъ въ высшихъ судебныхъ учрежденіяхъ нашихъ намѣстничествъ (Lietenances). Сенату предоставляется право дѣлать постановленія о преданіи суду высшихъ должностныхъ лицъ государства.

Государственный Совѣтъ Имперіи раздѣляется на Общее Собраніе и на Административный Совѣтъ, или правительствующій Комитетъ Министровъ. Регламентъ 1789 г. остается въ силѣ. Совѣтъ сохраняетъ свои прежнія полномочія, и, кромѣ того, ему предоставляются новыя въ законодательной и административной области. Онъ дѣлаетъ постановленія о преданіи суду чиновниковъ администраціи.

Министерства сохраняются, равно какъ и регламентъ 29 іюня 1811 года.

Территориальное дѣленіе имперіи въ общемъ остается прежнимъ, и въ немъ вводятся лишь тѣ измѣненія, которыя Мы сочли необходимыми.

защитой и ограниченіями судебной гласности) и отвергнутый попросту компрометирующимъ большинствомъ (117 голосовъ противъ 3), Органической Статутъ для Сената, въ который подсунута была статья, ограничивавшая право

Въ видахъ большей быстроты дѣйствій правительственной власти, территорія Имперіи раздѣляется на намѣстничества. Каждое изъ нихъ состоитъ изъ опредѣленнаго количества губерній. Во главѣ мѣстнаго управленія стоитъ Намѣстникъ и Совѣтъ Намѣстничества, въ вѣдѣніи котораго находятся всѣ общественныя дѣла. Совѣтъ намѣстничества раздѣляется на Административный Совѣтъ и Общее Собраніе. Административный Совѣтъ есть учрежденіе постоянное. Общее собраніе дѣйствуетъ не постоянно, а собирается или по особому созыву, или во время выборовъ.

Полномочія Общаго Собранія Совѣта явятся гарантіей противъ административныхъ злоупотребленій а представляемые имъ отчеты доставятъ Намъ какъ свѣдѣнія объ этихъ злоупотребленіяхъ, такъ и средства къ ихъ искорененію.

Общее Собраніе Совѣта предастъ суду низшихъ чиновниковъ администраціи.

Никакого новшества не вносится и управленіе губерніями, дѣлаются лишь простыя поправки, имѣющія цѣлью усовершенствовать дѣятельность органовъ управленія.

Губерніи управляются, по прежнему, гражданскими губернаторами и губерскими правленіями. Управленіе каждой губерніи раздѣляется на 2 главныя части: административную и финансовую. Административную часть управленія, состоящую подъ высшимъ вѣдѣніемъ гражданского губернатора, несетъ на себѣ губернское правленіе. Финансовую часть, находящуюся въ вѣдѣніи вице-губернатора—казенная палата.

Необходимость точнаго разграниченія административной и судебной власти привела насъ къ рѣшенію раздѣлить полномочія правленій по роду дѣлъ. (Ст. 97 раздѣла V регламента объ управленіи губерніями).

По отношенію къ уѣздамъ опытъ показалъ, что капитанскими исправники могли лишь съ трудомъ справляться со множествомъ своихъ различныхъ обязанностей, что давало поводъ къ большимъ злоупотребленіямъ и постояннымъ жалобамъ. Изысканія средства къ прекращенію такихъ злоупотребленій, Мы пришли къ необхо-

верхней палаты обжаловать дѣйствія министровъ (такія обжалованія направлялись первоначально въ Совѣтъ Царства и черезъ него представлялись на усмотрѣніе монарха). Въ массѣ петицій (около 90) сеймъ обвинялъ правитель-

димости учредить административную власть подъ названіемъ уѣздныхъ управленій. Ихъ организація будетъ имѣть своей главной цѣлью—оградить управляемыхъ отъ всякихъ притѣсненій и произвола.

Уѣзды раздѣляются на волости, въ которыхъ опять-таки учреждаются административные центры, вступающіе въ сношенія съ сельскими судьями и старшинами селъ и деревень, которые образуютъ послѣднее звено въ администраціи.

По отношенію къ магистратамъ, или городскому управленію, существующее о немъ положеніе будетъ сохранено во всемъ, что не будетъ противорѣчить принципамъ Хартин; это будетъ опредѣлено Органическимъ Статутомъ.

Учрежденное нами народное представительство состоитъ изъ общаго собранія представителей, которые собираются каждыя пять лѣтъ, и изъ собранія представителей по намѣстничествамъ, которыя собираются каждые 3 года. Народное представительство имѣетъ цѣлью приобщить нашихъ любезныхъ и вѣрныхъ подданныхъ къ пользованію политическими правами, привлечь ихъ къ законодательной дѣятельности и возложить на нихъ совместно съ Нами часть бремени управленія государствомъ.

Благодаря народному представительству Мы надѣемся получить точныя свѣдѣнія о нуждахъ различныхъ классовъ нашихъ подданныхъ, о недостаткахъ администраціи и средствахъ ихъ исправленія, о злоупотребленіяхъ властей и о случаяхъ нарушенія конституціонныхъ гарантій и закона. Кроме того, благодаря народному представительству, будетъ поддерживаться наиболѣе совершенная гармонія между Верховной и исполнительной властью, а также достигнется полное согласіе между управленіемъ и управляемыми.

Въ отношеніи свободъ, Мы даруемъ нашимъ любезнымъ и вѣрнымъ подданнымъ всѣ права, на которыя они могутъ разумно рассчитывать. Ихъ личность, ихъ гражданская свобода и социальная независимость (*indépendance sociale*) гарантируются отъ всякихъ притѣсненій и произвола. Ихъ собственность неприкосновенна.

ство въ отступленіяхъ отъ духа и буквы конституціоннаго устава; выражались и реальныя пожеланія большой важности: объ ускореніи раздѣла государственныхъ имуществъ между крестьянами, объ улучшеніи матеріальнаго положенія приходскихъ священниковъ, объ еврейскихъ реформахъ и т. п.

Во время дебатовъ сейма, на не-конституціонную дѣятельность правительства особенно яростно нападалъ пылкій лидеръ оппозиціи, калишскій депутатъ, Викентій Немоевскій. «Stat magni nominis umbra»,—говорилъ онъ не безъ основаній о конституціи. Но если откинуть нѣсколько неудачныхъ выраженій Немоевскаго, которыя лично задѣли Александра, то сеймъ, какъ во время общихъ засѣданій, такъ и въ комиссіяхъ, держался строгихъ рамокъ дѣловыхъ и умѣренныхъ дебатовъ. Сеймъ критиковалъ дѣйствіе правительства, но старательно выдѣлялъ особу монарха. Адресъ, съ которымъ сеймъ обратился къ Але-

Законъ одинаково приѣмлетъ подъ свою защиту всѣ классы населенія. Вводится свобода печати съ тѣми лишь ограниченіями, которыя дадутъ возможность бороться съ злоупотребленіями.

Конституціонная Хартія будетъ развиваться путемъ изданія Органическихъ Статутовъ и спеціальныхъ указовъ. При помощи ихъ мы надѣемся упрочить этотъ памятникъ Нашей милости, провести въ жизнь принципы и по мѣрѣ возможности усовершенствовать внутреннее устройство Нашей Имперіи въ разныхъ отрасляхъ управленія.

Да благословитъ Провидѣніе эти Наши намѣренія и да внушаетъ Оно неуставно учрежденіямъ и лицамъ любовь къ добру, порядку, справедливости и безкорыстію. Да внушаетъ Оно Нашимъ любезнымъ и вѣрнымъ подданнымъ любовь къ Богу и къ Нашей святой греко-каатолической церкви. Да внушаетъ Оно имъ еще вѣрность и любовь къ ихъ Монарху, уваженіе къ законамъ, подчиненіе и послушаніе властямъ и начальству и да вселитъ Оно въ нихъ миръ и согласіе. Тогда Наша Имперія будетъ самой цвѣтущей во всемъ мірѣ.

ксандру въ концѣ сессіи, былъ попрежнему составленъ въ теплыхъ выраженіяхъ.

Но, несмотря на это, отвѣтомъ на ту позицію, которую занялъ сеймъ по отношенію къ правительству, явилась суровая рѣчь Императора, произнесенная имъ при закрытіи сейма (13 октября). «Вы замедлили дѣло возстановленія отчизны вашей—съ упрекомъ сказалъ онъ депутатамъ.—Эта тяжелая отвѣтственность будетъ лежать на васъ». На слѣдующій день, уѣзжая изъ Варшавы, Александръ въ бесѣдѣ съ великимъ княземъ Константиномъ, предоставилъ ему полную свободу дѣйствій («carte blanche»), при чемъ заявилъ, что «конституцію онъ принимаетъ на себя», то есть отнынѣ перестаетъ съ ней считаться.

ПЕРІОДЪ РЕАКЦІИ.

1820—1825.

Съ этихъ поръ отношенія стали ухудшаться быстро и непрерывно. Въ связи съ оппозиціонными выступленіями варшавской прессы, которыя явились предлогомъ для появленія указовъ о цензурѣ, а также въ связи съ значительнымъ бюджетнымъ дефицитомъ этого года, въ іюлѣ 1819 г. опять появилось отношеніе министра статсъ-секретаря Соболевскаго на имя намѣстника. Въ немъ выражалась угроза, что правительство можетъ не только остановиться, но и свернуть съ конституціоннаго пути. Въ маѣ 1821 г. въ такомъ же отношеніи на имя Административнаго Совѣта по поводу роста дефицита, было уже прямо выражено сомнѣніе: «можетъ ли Царство Польское, въ его теперешней организаціи, покрывать расходы, связанные съ его политической и гражданской жизнью, изъ собственныхъ средствъ?», то есть затронуть былъ вопросъ существованія самой конституціи.

Еще въ 1820 г. (какъ мы говорили выше), Новосильцевъ, подъ предлогомъ предполагаемаго введенія конституціи во всей Россіи, представилъ Александру формальный проектъ указа, уничтожавшаго обособленность Царства Польскаго. Этимъ указомъ оно включалось въ составъ будущей конституціонной имперіи, какъ одно изъ намѣстни-

чествъ, а польская армія преобразовывалась въ составную часть русской арміи *).

Вслѣдъ за этимъ, въ 1823 г., подъ давленіемъ Новосильцева, Административный Совѣтъ согласился подать монарху петицію объ упраздненіи конституціи, подъ предлогомъ невозможности развить судебную организацію. Наконецъ, въ іюнѣ 1824 г., Новосильцевъ представилъ Александру и Константину подробно разработанный имъ докладъ объ ограниченіи гласности засѣданій сейма. Первоначальное намѣреніе созвать слѣдующій сеймъ въ указанный конституціей срокъ, т.-е. въ 1822 г., было оставлено. Рапорты намѣстника предупреждали Александра, что созывъ сейма въ этомъ году внушаетъ опасенія, во-первыхъ, благодаря

*) *Докладная записка Новосильцева.* Хотя скрытая работа Новосильцева, направленная противъ Царства Польскаго, его постоянныя стремленія ограничить польскую конституцію, его участіе въ составленіи Дополнительной Статьи (уничтожавшей гласность засѣданій сейма), и т. д. были давно извѣстны, но его записка, которую мы помѣщаемъ ниже и которая найдена нами среди бумагъ Александра, относящихся къ русской конституціи, превосходитъ всякія ожиданія: столь рано возникшій (1820) планъ совершеннаго уничтоженія конституціонной обособленности Царства Польскаго, растворенія его въ міражѣ всероссійской конституціи знаменательно освѣщаетъ всю шаткость тогдашняго положенія страны и въ то же время имѣетъ нѣкоторое поучительное значеніе.

«Царство Польское всегда будетъ кремнемъ, который отъ удара даетъ искры».

Проектъ.

«Принимая во вниманіе, что конституціонная Хартія Нашей Имперіи основана на принципахъ, санкціонированныхъ Нами въ Конституціи, данной Нашему Царству Польскому 15/27 ноября 1815 года и что конституціонныя гарантіи и преимущества широко дарованы всѣмъ Нашимъ подданнымъ въ равной мѣрѣ; принимая во вниманіе, что существованіе двухъ конституцій въ одной Имперіи бесполезно и даже вредно для необходимаго единства и успѣшности управленія, мы повелѣли и повелѣваемъ:

сильному возбужденію умовъ, вызванному не давно произведенными политическими арестами, во-вторыхъ, благодаря вѣроятному переизбранію Викентія и Бонавентуры Немоевскихъ, которымъ государь, оскорбленный ихъ рѣчами на прошломъ сеймѣ, запретилъ появляться въ Варшавѣ.

Избраніе Немоевскаго въ калишскій Воеводскій Совѣтъ было опротестовано и отмѣнено Сенатомъ. Послѣ повторнаго избранія тѣхъ же лицъ, самый Совѣтъ, вопреки конституціи, былъ распущенъ специальнымъ Царскимъ Указомъ. Но это лишь усилило такъ называемую оппозиціонную «калишскую партію», состоявшую всего изъ восьми лицъ *), но пользовавшуюся все возрастающимъ вліяніемъ.

Статья 1. Царство Польское, которое отнынѣ будетъ считаться Намѣстничествомъ, присоединеннымъ къ Нашей Имперіи, въ смыслѣ внутренняго устройства и управленія будетъ подчиняться постановленіямъ Конституціонной Хартіи Нашей Имперіи и тѣмъ Статутамъ и специальнымъ Указамъ, въ коихъ принципы Хартіи будутъ развиваться.

Статья 2. Тѣмъ не менѣе, дѣйствующіе въ Царствѣ Польскомъ, Кодексы—гражданскій, уголовный и процессуальный,—будутъ оставлены въ силѣ, и въ нихъ будутъ сдѣланы лишь нѣкоторыя измѣненія, признанныя необходимыми. Судебныя же установленія будутъ организованы такимъ способомъ, чтобы дѣятельность ихъ находилась въ полномъ соответствіи съ законоположеніями означенныхъ Кодексовъ.

Статья 3. Польская армія сохранитъ свою организацію, свои порядки, свои орлы, цвѣта и флаги, приметъ названіе Западной Арміи Нашей Имперіи и будетъ состоять подъ верховнымъ начальствомъ Нашего дорогого и любимаго брата Константина. (Преимущества этой мѣры громады. И нѣтъ ничего легче привести ее въ исполненіе. Можно къ тому указать средства. Это уменьшитъ расходы на 10 милліоновъ и покроетъ дефицитъ).

Статья 4. Органическіе Статуты опредѣлятъ тѣ измѣненія, которыя будутъ имѣть мѣсто въ будущемъ.

*) Братья Немоевскіе, братья Алойзы, Юзефъ Бернацкій, Братья Моравскіе, Качковскій и Комаровскій.

Подпольную работу реакціонеровъ, подкапывавшихся подъ конституцію Царства Польскаго, облегчали внутреннія тренія.

Потоцкій, въ качествѣ министра исповѣданій, пользуясь покладистостью архіепископа Мальчевскаго, провелъ рядъ энергичныхъ мѣропріятій, касавшихся духовенства: закрылъ 45 монастырей, 3 аббатства, 11 коллегій, оставляя, впрочемъ, еще около 1½ тысячи монаховъ и 400 монахинь. Сдѣлалъ онъ это, руководствуясь самыми просвѣщенными побужденіями и не сходя съ той принципиальной позиціи, которая въ эпоху Княжества Варшавскаго заставила его вести борьбу съ архіепископомъ Рачинскимъ. Но онъ не вполне отдавалъ себѣ отчетъ, насколько измѣнились теперь обще-политическія условія, благодаря соединенію католическаго Царства съ православной Имперіей. Слишкомъ сильнымъ, порою вызывающимъ подчеркиваніемъ административной зависимости духовенства, онъ настроилъ его противъ себя враждебно. Своей ядовитой сатирой «Путешествіе въ Темноградъ» онъ возставилъ противъ себя іезуитовъ и ультраклерикальные элементы, инспирированные католической реакціей Запада, а главное—тогдашней конгрегаціонной работой во Франціи *). Съ особенной яростью ополчались противъ Потоцкаго іезуиты, которые приписывали ему—и, кажется, не безъ основаній,—участіе въ указѣ Императора объ изгнаніи іезуитовъ изъ предѣловъ Россіи, изданномъ тотчасъ послѣ смерти генерала іезуитовъ о. Бжозовскаго (25 марта 1820 г.). Но и послѣ своего изгнанія, іезуиты продолжали изъ-за границы (изъ Галиціи) тайно руководить безпощадной войной, объявленной Потоцкому варшавскимъ духовенствомъ.

*) Конгрегація во Франціи въ эпоху реставраціи—союзъ для борьбы съ либералами. *Прим. перев.*

Епископы, съ Вороничемъ во главѣ, представили Александру (чье обращеніе въ католицизмъ продолжало служить предметомъ постоянныхъ мечтаній, особенно въ іезуитскихъ кругахъ) 15 пунктовъ своихъ жалобъ, направленныхъ главнымъ образомъ противъ указа 1817 г. (ставившаго духовенство въ полную зависимость отъ министерства исповѣданій). Кромѣ того, выразивъ пожеланіе, чтобы Комиссія исповѣданій была придапа болѣе удобная для духовенства организація, епископы выступили съ рѣшительными обвиненіями противъ Потоцкаго, который былъ не только непріятель имъ по многимъ причинамъ, но, между прочимъ, состоялъ еще Великимъ Мастеромъ польскаго союза Вольныхъ Каменщиковъ.

И вотъ Александръ 14 августа 1821 г., наперекоръ Потоцкому, утвердилъ Органической Статутъ Комиссіи исповѣданій и просвѣщенія, который гарантировалъ католической церкви почти совершенную независимость отъ администраціи. Допущеніемъ въ комиссію Примаза и двухъ епископовъ, въ качествѣ членовъ по назначенію, Статутъ отдавалъ большинство въ этой комиссіи въ руки епископовъ, какъ отдавалъ въ ихъ руки и руководство, вновь учрежденной при Комиссіи, римско-католической секціей.

На мѣсто Потоцкаго министромъ былъ назначенъ Станиславъ Грабовскій, незаконный сынъ Станислава-Августа.

Нѣкогда либераль, теперь, карьеры ради, ханжа, святоша и реакціонеръ, онъ сталъ слѣпымъ орудіемъ въ рукахъ Новосильцева (а потомъ и Паскевича) и по его указкѣ всячески насаждалъ реакціонный духъ въ области просвѣщенія. При посредствѣ Генеральной Кураторіи общественнаго воспитанія, Грабовскій систематически добивался того, чтобы уменьшить число учащихся. И число это уже въ ближайшіе годы уменьшилось почти на половину (въ начальныхъ школахъ уже въ 1823 году число учениковъ упало до 18.000).

Съ этого же времени усилилъ свою дѣятельность и Цензурный комитетъ, при чемъ энергія его подхлестывалась ежемѣсячными рапортами объ «операціяхъ цензуры», которыя Грабовскій представлялъ высшей власти.

Все эти событія почти совпали съ тѣмъ временемъ, когда въ Петербургѣ Серафимъ и Фотій вмѣстѣ съ другими реакціонными элементами церкви атаковали государя во имя православія. И случилось такъ, что польское духовенство совершенно безсознательно сыграло въ руку самымъ опаснымъ своимъ врагамъ. Въ довершеніе всего, началось преслѣдованіе обнаруженныхъ въ Царствѣ Польскомъ тайныхъ организацій, и это окончательно отравило атмосферу общественной жизни.

Возникновеніе тайныхъ организацій въ Царствѣ Польскомъ предупредило, въ сущности, самое его основаніе и относится къ 1814 г. Прежде всего, лѣтомъ этого года было основано нѣчто въ родѣ ложи военнаго союза, по инициативѣ генерала Брониковскаго и полковника Лаговскаго. Но ложа просуществовала недолго, и организація ея была плохо развита. Къ концу этого года, опять-таки въ военныхъ кругахъ, по инициативѣ офицеровъ Прондзынскаго и Колачковскаго, возникло тайное «Общество истинныхъ поляковъ», основанное на системѣ «четверокъ». Какъ и ложа Брониковскаго, оно развивалось слабо и просуществовало не болѣе года.

Приблизительно въ то же время, осенью 1814 г., на Вѣнскомъ Конгрессѣ изъ-за польскаго вопроса между европейскими державами возникли острые тренія. Нѣкоторое время положеніе этого вопроса не исключало даже возможности войны между Англійей, Австріей и Франціей съ одной стороны и Россіей съ другой. Поэтому въ Россіи подумывали о желательности использовать, въ случаѣ нужды, польскую національную энергію въ русскихъ интересахъ. И первоначально, насколько кажется,

ни императоръ Александръ, ни великій князь Константинъ не имѣли ничего противъ развитія тайныхъ польскихъ патріотическихъ организацій, поскольку ихъ надежды на восстановление Польши связывались съ Россіей. Настроение это временно измѣнилось весной и лѣтомъ 1815 года, во время возвращенія Наполеона съ Эльбы, въ періодъ Ста дней, когда явилась опасность, что поляки опять станутъ на сторону Наполеона. Но потомъ, около 1818 года, когда на первомъ Варшавскомъ сеймѣ всплылъ вопросъ о расширеніи территоріи Царства Польскаго, Александръ опять сталъ выказывать къ польскимъ организаціямъ скорѣе доброжелательное отношеніе. Въ его глазахъ эти организаціи могли облегчить дѣло присоединенія къ Царству Польскому литовскихъ губерній, а также поддерживать симпатіи поляковъ къ Россіи въ Познани и Галиціи.

Къ такимъ организаціямъ больше всего подходило польское масонство.

Еще въ царствованіе Станислава Августа, въ 1784 г. былъ организованъ Національно-польскій Великій Востокъ, прекратившій свое существованіе послѣ паденія Рѣчи Посполитой. Въ эпоху Княжества Варшавскаго онъ возобновился и, войдя въ связь съ Парижскимъ Великимъ Востокомъ, продолжалъ свое существованіе подъ управленіемъ Станислава Потоцкаго, Великаго Мастера. Послѣ нѣкотораго перерыва, вызваннаго военными событіями, онъ опять возобновилъ свою дѣятельность въ новомъ Царствѣ Польскомъ, расширяя ее въ національномъ духѣ. Число его членовъ возросло до 5.000, число коронныхъ ложъ—до нѣсколькихъ десятковъ. При посредствѣ дѣятельнаго и ловкаго друга Чарторыйскаго, Людвика Платера, имѣвшаго большія связи съ масонскими организаціями вообще и съ тайными въ частности, польскій Великій Востокъ вошелъ въ тѣсныя сношенія съ ложами, существовавшими въ Литвѣ и Вѣлоруссіи.

Мысль—использовать масонство въ чисто національныхъ цѣляхъ—зародилась въ патріотическихъ кругахъ Царства Польскаго давно. Ненадежность территоріальныхъ и конституціонныхъ гарантій страны приводила къ сознанию необходимости создать тайную національную организацію на собственную руку. Мысль эту, съ нѣкоторыми оговорками, но все же въ рѣшительной формѣ, поддерживали даже такіе осторожные люди, какъ генераль Домбровскій *).

Исходя изъ этой мысли, майоръ 4-го линейнаго полка, Валеріанъ Лукасинскій, патріотъ великой души и большого ума, вмѣстѣ со своимъ недюжиннымъ другомъ Казимиромъ Махницкимъ, послѣ долгихъ совѣщаній лѣтомъ и осенью 1819 г., основалъ тайное общество подъ именемъ «Національнаго Союза вольныхъ каменщиковъ». Насколько можно думать, дѣло обошлось не безъ поощренія со стороны Александра, дѣйствовавшаго черезъ генерала Ружнецкаго, намѣстника Великаго Мастера Востока. (Ружнецкій, при своемъ высокомъ положеніи среди масоновъ, былъ въ то же время начальникомъ тайной полиціи и правою рукою великаго князя Константина.)

Національный Союзъ принялъ форму англійской масонеріи трехъ степеней, подъ девизомъ сохраненія польской національности. Конечной своей цѣлью Союзъ ставилъ восстановленіе Польши въ возможно болѣе широкихъ границахъ съ сохраненіемъ монархическаго начала, въ духѣ, до нѣкоторой степени отвѣчавшемъ первоначальнымъ преобразовательнымъ мечтамъ Александра I. Бюстъ Императора принадлежалъ къ числу обязательныхъ декора-

*) Одинъ изъ наиболее чтимыхъ національныхъ героев этого періода польской исторіи, организаторъ польскихъ легионовъ на помощь Франціи (1797—1806), ставшихъ впоследствии ядромъ арміи Великаго Княжества Варшавскаго. *Прим. перев.*

тивныхъ атрибутовъ первой степени и былъ введенъ не только въ ложахъ Царства Польскаго, но и въ Великомъ Княжествѣ Познанскомъ, гдѣ распространіемъ Союза занялся бывший адъютантъ Домбровскаго, Щанецкій.

Но вскорѣ въ организацію Союза, особенно въ познанскія ложи, стали проникать болѣе крайнія теченія Западныхъ Углекоповъ и верхъ стали одерживать пылкія и неосторожныя повстанческія тенденціи; въ это же время все болѣе сталъ выявляться новый образъ мыслей Александра. И Лукасинскій, человекъ необыкновенно осторожный, хотя и полный самопожертвованія, въ сознаніи своей огромной отвѣтственности передъ страной, въ августѣ 1820 года рѣшилъ прекратить дѣятельность основаннаго имъ Союза и порвать непосредственную связь съ Познанью. Во многихъ отношеніяхъ этотъ актъ былъ схожъ съ закрытіемъ русскаго Союза Общественнаго Благоденствія въ началѣ того же 1820 г., когда Союзу нужно было избавиться отъ нежелательныхъ элементовъ и отвести вниманіе правительства.

Но движеніе это, однажды возникнувъ, должно было и далѣе прокладывать себѣ дорогу. Въ апрѣлѣ 1821 года въ Варшаву пріѣхалъ генералъ Уминскій, игравшій тогда руководящую роль въ познанскихъ ложахъ. Благодаря его усиліямъ и подъ давленіемъ общественнаго мнѣнія мѣстныхъ членовъ союза, 1 мая 1821 г. была основана новая тайная организація, уже болѣе замкнутая чѣмъ раньше. Лукасинскій разработалъ для нея подробный уставъ,—въ основу котораго легли уставъ Углекоповъ,—чуждый излишнихъ масонскихъ формальностей. Эта организація была уже совершенно самостоятельна и цѣлью своей ставила отвоеваніе независимости Польши собственными силами народа. Оффиціальнаго названія она не имѣла, а среди членовъ была извѣстна подъ ничего не говорящимъ именемъ Патріотическаго Общества. Дѣлами

Общества управлялъ Центральный Комитетъ, состоявшій изъ 8 лицъ, подъ предсѣдательствомъ подставнаго лица и подъ фактическимъ руководствомъ Лукасинскаго. Общество дѣлилось на гмины (отъ 4 до 10 лицъ), округа (3—9 гминъ) и семь провинцій, обнимавшихъ: Царство Польское, Литву, Волинь и Подолье, Галицію, Краковъ, В. Княжество Познанское и армию (начальникомъ арміи былъ самъ Лукасинскій).

Дѣятельность Общества развивалась довольно успѣшно, при чемъ Лукасинскій главное вниманіе обратилъ на Литву, и Познань (успѣхи Общества были особенно слабы въ Галицію)—но все же медленно: число дѣятельныхъ дѣйствительныхъ членовъ, кажется, никогда не превосходило нѣсколькихъ сотъ, къ тому же и средства, которыми располагало Общество, были очень ограничены.

Моральное вліяніе этого союза было очень велико; сказывалось оно и въ отношеніи тайныхъ организацій низшаго порядка—среди учащейся молодежи,—какихъ было много и въ Царствѣ Польскомъ и въ Литвѣ, и въ Бѣлоруссіи. Между прочимъ, черезъ Томаша Зана, члена одной изъ литовскихъ гминъ, Патріотическое Общество вошло въ сношенія съ академическимъ союзомъ, основаннымъ въ Вильнѣ товарищами Адама Мицкевича въ 1816 г. и развившемся впоследствии (весной 1820) въ организацію «лучистыхъ» («promienistych»).

Основаніе Патріотическаго Общества пришлось въ пору уже слишкомъ явнаго реакціоннаго сдвига. И катастрофы надо было ждать недолго.

Еще въ прошломъ, 1820 году, подъ давленіемъ Новосильцева, начались полицейскія преслѣдованія, направленные противъ кружковъ университетской молодежи, и послѣдовали многочисленныя аресты. Кромѣ того, и подозрительность монарха, отравленная доносами Новосильцева (особенно рапортомъ 24 мая 1821 г.), была направлена

уже противъ польскаго масонства вообще, какъ противъ «главнаго источника и матери тайныхъ обществъ». Использованы были и внутреннія тренія, которыя имѣли мѣсто въ это время въ Варшавскомъ Великомъ Востокѣ, благодаря измѣненію основнаго устава. Потоцкій былъ вынужденъ уйти съ поста Великаго Мастера и на его мѣсто былъ избранъ прежній намѣстникъ Ружнецкій, поставившій своей цѣлью похоронить организацію, во главѣ которой онъ стоялъ. Наконецъ, 16 декабря 1821 отъ имени монарха Намѣстникомъ былъ изданъ указъ, запрещающій всѣ тайныя организаціи, а слѣдовательно и масонство въ его обычной формѣ. Всѣ ложи были закрыты, архивы и довольно значительныя денежныя средства, бывшія въ распоряженіи польскихъ масоновъ—конфискованы (причемъ немало поживились Новосильцевъ и Ружнецкій). Въ довершеніи всего, папская булла 1821 г. «Ecclesiam a Iesu Christo», предававшая анаѣмъ всѣ тайныя общества вообще, и всѣ союзы вольныхъ каменщиковъ и углекоповъ въ частности, съ разрѣшенія Александра была опубликована и въ Царствѣ Польскомъ, 25 іюня 1822 г.

Основаніе тайной полиціи въ Царствѣ Польскомъ относится еще къ 1813 году. По указаніямъ Новосильцева она была расширена и усовершенствована, согласно австрійскому и французскому образцу. Содержаніе ея, кромѣ тѣхъ 180.000 з. п., которые были предназначены первоначально на оплату дипломатическихъ расходовъ Царства Польскаго, поглощало еще почти столько же (14.000 дукатовъ) изъ русской казны и изъ личныхъ средствъ великаго князя Константина. Вскорѣ вся страна покрылась сѣтью шпионовъ, работавшихъ подъ руководствомъ Ружнецкаго. По своему положенію среди масоновъ Ружнецкій, хотя бы до нѣкоторой степени, былъ освѣдомленъ о существованіи «Національнаго Союза вольныхъ каменщиковъ» и поэтому тайной полиціи было нетрудно попасть

на слѣдъ этой организаціи, отдѣлившейся отъ Великаго Востока.

Первыя, болѣе точныя свѣдѣнія о ней великій князь Константинъ получилъ, благодаря измѣнѣ одного изъ товарищей Лукасинскаго, полковника Шнайдера, и изъ донесеній берлинской полиціи. Но онъ ими не воспользовался. Зная особенное отношеніе Александра къ тайнымъ обществамъ въ Россіи и въ Польшѣ и желая избѣжать хлопотъ, связанныхъ со слѣдствіемъ въ арміи, Константинъ рѣшилъ замять дѣло и удовлетворился заявленіемъ Лукасинскаго о формальномъ закрытіи Національнаго Союза.

Но вскорѣ, въ февралѣ 1822 г., одинъ изъ полу-посвященныхъ въ дѣла Патріотическаго Общества, капитанъ Карскій былъ отправленъ Лукасинскимъ въ Парижъ—отвезти одной изъ оппозиціонныхъ газетъ корреспонденцію о положеніи дѣлъ въ Царствѣ Польскомъ. (Есть основаніе думать, что при посредствѣ проживавшаго въ Дрезденѣ генерала Княжевича Патріотическое Общество завязало сношенія съ французскими тайными организаціями, руководимыми Лафайетомъ). Тамъ Карскій выдалъ все, что зналъ, русскому послу въ Парижѣ, Поццо ди Борго, ярому врагу поляковъ. Держать дѣло подъ сукномъ долѣе было невозможно: тревожныя донесенія, которыми Поццо атаковалъ Александра, стали не въ шутку его беспокоить. Новосильцевъ, конечно, сталъ всячески раздувать это безпокойство.

Весною и лѣтомъ 1822 г. произошелъ цѣлый рядъ арестовъ. Арестованъ былъ Лукасинскій и множество его товарищей. Всѣ они, отсидѣвъ два съ лишнимъ года въ тюрьмѣ (въ монастырѣ Кармелитовъ), были допрошены спеціальной не-конституціонной слѣдственной Комисіей, учрежденной для этой цѣли декретомъ намѣстника, и были приговорены военнымъ судомъ къ каторжнымъ работамъ (14 іюня 1824 г.). Александръ, утверждая приговоръ (24 авг.),

уменьшилъ Лукасинскому наказаніе до 7 л.*). Но еще раньше произошло одно, довольно странное обстоятельство. Министръ статсъ-секретарь Грабовскій въ отношеніи отъ 19 января 1824 г. увѣдомилъ великаго князя Константина о распорядженіи монарха—освободить отъ суда и слѣдствія всѣхъ лицъ, косвенно замѣшанныхъ въ дѣла Патріотическаго Общества и подобныхъ ему союзовъ. Согласно официальному толкованію, которое придалъ этому документу Константинъ, онъ былъ понятъ, какъ актъ полной амнистіи. Тѣмъ самымъ приостанавливалось и дальнѣйшее слѣдствіе: оно могло привести къ нежелательнымъ для правительства открытіямъ, касавшимся нѣкоторыхъ обстоятельствъ, связанныхъ съ возникновеніемъ Общества.

Благодаря осторожности и сдержанности данныхъ Лукасинскимъ показаній, Патріотическое Общество было на время спасено отъ совершеннаго разгрома и могло тайно продолжать свою дѣятельность, подъ руководствомъ сенатора Станислава Солтыка и подполковника гвардейскаго стрѣлковаго полка, Кшижановскаго.

Первыми конкретныя свѣдѣнія о дѣятельности Общества проникли въ русскія тайныя организаціи (точнѣе — въ Южное Общество) въ 1823 году. Послѣ предварительныхъ переговоровъ Бестужева-Рюмина съ Ходкевичемъ, въ январѣ 1824 г. состоялись три свиданія Бестужева и Муравьева-Апостола съ Кшижановскимъ, который пріѣхалъ на кievскую ярмарку. Кшижановскій держался необыкновенно осторожно—впрочемъ, къ этому его обязывало то обстоятельство, что какъ разъ въ это время шелъ процессъ Лукасин-

*) Несмотря на уменьшеніе срока наказанія, Лукасинскій содержался въ одиночномъ заключеніи сначала въ Замостьѣ, потомъ въ Гурѣ Кальваріи и въ Варшавѣ, дольше 7 лѣтъ. Когда вспыхнуло ноябрьское возстаніе, онъ былъ отвезенъ въ Россію, гдѣ былъ заключенъ въ Шлиссельбургскую крѣпость, въ которой провелъ 40 лѣтъ. Умеръ въ 1868 году, унося съ собой въ могилу свою тайну.

скаго. Русскіе требовали отъ него участія въ общемъ заговорѣ и выспрашивали подробныя свѣдѣнія о польскихъ организаціяхъ. Онъ сослался на отсутствіе соответственныхъ полномочій и заявилъ, что свѣдѣній о русскомъ союзѣ онъ не требуетъ. Его спросили о взглядахъ поляковъ на желательную форму правленія и указали на безусловную необходимость республиканскаго строя. Кшижановскій отвѣтилъ, что не уполномоченъ обсуждать этотъ вопросъ, тѣмъ болѣе что въ настоящихъ условіяхъ интересамъ поляковъ отвѣчаетъ скорѣе строго-конституціонный монархическій строй. Ему открыли планъ русскихъ заговорщиковъ. Онъ отвѣтилъ, что «никогда полякъ не пятналъ рукъ кровью своихъ монарховъ». Бестужевъ составилъ родъ договора. Со стороны русскихъ онъ содержалъ 7 пунктовъ: 1) независимость Царства Польскаго, 2) новыя русско-польскія границы, 3) предоставленіе Россіи выгодныхъ стратегическихъ позицій, какъ основа новаго разграниченія, 4) надежда на возвращеніе Польшѣ губерній—гродненской, части виленской, минской и волынской, 5) поддержка поляковъ въ Россіи со стороны русскаго Общества, 6) организація обоюдосторонняго представительства съ цѣлью постоянныхъ сношеній. Отъ поляковъ договоръ требовалъ: 1) безусловно, не пренебрегая никакими средствами, не выпускать Константина въ Россію, 2) начать возстаніе одновременно съ возстаніемъ въ Россіи, 3) напасть на литовскій корпусъ, 4) оказывать всяческую помощь русскому Обществу, 5) способствовать сношеніямъ русскаго Общества съ Заграничными организаціями, 6) увѣдомлять его немедленно о важныхъ событіяхъ, 7) на время возстанія подчиниться Союзу и дѣйствовать такъ, какъ онъ укажетъ, 8) принять республиканскую форму правленія *).

*) Сопоставляя показанія обѣихъ сторонъ, поляковъ и русскихъ, непосредственно участвовавшихъ въ кievскихъ переговорахъ, мы приходимъ къ несомнѣнному выводу, что никакого письмен-

Относительно нѣкоторыхъ пунктовъ произошло словесное соглашеніе, подписать же какой-нибудь письменный актъ Кшижановскій отказался наотрѣзъ. Осторожность его была болѣе чѣмъ понятна: «мы сами не были

наго договора заключено не было, не было даже окончательнаго словеснаго соглашенія. О самомъ содержаніи предполагаемаго договора мы имѣемъ наиболѣе подробныя свѣдѣнія изъ слѣдующаго показанія Бестужева-Рюмина:

Показаніе полтавскаго пѣхотнаго полка подпоручика Бестужева-Рюмина. (27 января 1826)...«На кievской ярмаркѣ въ 1824 г. я узналъ отъ Ходкевича, что въ Польшѣ существуетъ Общество, которое, узнавъ о существованіи нашего Общества, желаетъ войти съ нимъ въ сношенія. Я донесъ объ этомъ Управѣ, которая поручила мнѣ заключить слѣдующій договоръ.

Съ нашей стороны:

1) Россія, предпочитая благодарнаго союзника тайному врагу, закончивъ свои реформы, возвращаетъ Польшѣ независимость.

2) Будутъ установлены новыя границы, а провинціи еще не настолько обрусѣвшія, чтобы быть искренно привязанными къ государству російскому, будутъ возвращены Польшѣ.

3) Помимо національности, во вниманіе будутъ приняты также и удобства стратегическаго расположенія, которыя останутся на сторонѣ Россіи, чтобы обезпечить ея военную границу.

4) Поляки могутъ также имѣть надежду получить обратно Гродненскую губернію и часть Виленской, Минской и Волынской.

5) По заключеніи такового договора русское Общество будетъ поддерживать поляковъ, имѣющихъ въ Россіи дѣла, если дѣла эти окажутся правыми.

6) Русское Общество употребитъ всѣ средства для искорененія ненависти, существующей между обоими народами, исходя изъ того положенія, что въ нашъ просвѣщенный вѣкъ интересы всѣхъ народовъ стали общими и что закоренѣлая ненависть есть пережитокъ варварскихъ временъ.

7) Дальнѣйшія сношенія обѣихъ сторонъ будутъ производиться черезъ посредство уполномоченныхъ, обязанностью которыхъ будетъ:

1. Сообщать своимъ Управамъ все, о чемъ одно Общество

искренни съ Кшижановскимъ»—признавался потомъ Муравьевъ-Апостоль.

Въ январѣ 1825 г., опять-таки на кievской ярмаркѣ, въ квартирѣ князя Волконскаго состоялось свиданіе Пестеля и Волконскаго, со стороны русскихъ, и кн. Антона Ябло-

будетъ увѣдомлять другое, или чего одно Общество отъ другого потребуетъ.

2. Польскіе уполномоченные будутъ увѣдомлять русское Общество о всѣхъ европейскихъ событіяхъ.

3. Уполномоченнымъ строго запрещается называть фамилии или требовать, чтобы имъ были названы фамилии тѣхъ или другихъ членовъ Общества.

4. Русскій уполномоченный въ разговорахъ съ членами русскаго Общества ни подъ какимъ видомъ не долженъ сообщать имъ о томъ, что оба Общества находятся другъ съ другомъ въ сношеніяхъ.

5. Всѣ сношенія между Уравами будутъ производиться черезъ посредство уполномоченныхъ.

6. Уполномоченные не могутъ ничего обѣщать и ни на что соглашаться, безъ разрѣшенія на то ихъ Уравъ.

Со стороны поляковъ:

1. Поляки обязуются употреблять всѣ средства къ тому, чтобы Великій Князь Константинъ не могъ вернуться въ Россію.

2. Поднять возстаніе одновременно съ нами.

3. Дѣйствовать силою оружія противъ Литовскаго Корпуса, если бы онъ выступилъ противъ насъ.

4. Оказывать намъ всяческую помощь, какая только будетъ въ ихъ силахъ.

5. Установить сношенія между нами и другими политическими Обществами, существующими въ Европѣ.

6. Увѣдомлять насъ о всѣхъ наиболѣе важныхъ событіяхъ въ тотъ самый моментъ, когда извѣстія о нихъ дойдутъ до поляковъ.

7. Во время возстанія дѣйствовать такъ, какъ имъ укажетъ наше Общество, верховенство котораго они надъ собою признаютъ.

8. Принять республиканскую форму правленія.

...«Пунктъ (о границахъ) не былъ доведенъ до конца. Я совѣщался съ Кшижановскимъ, а потомъ съ Гродецкимъ въ Кіевѣ.

новскаго и украинскаго помѣщика Гродецкаго, со стороны Патріотическаго Общества. Яблоновскій оказался гораздо менѣе выдержаннымъ и осторожнымъ, чѣмъ Кшижановскій. Правда, до письменнаго договора дѣло и на этотъ разъ не дошло, но все же русскіе узнали о польской организаціи слишкомъ многое, что не замедлило роковымъ образомъ отразиться на судьбѣ Патріотическаго Общества. Последнее свиданіе представителей обѣихъ организацій состоялось въ Житомирѣ. Тамъ польскій делегатъ, Мошинскій, встрѣтился съ Муравьевымъ-Апостоломъ, который обѣщалъ вызвать бунтъ въ 3-мъ и 4-мъ русскомъ корпусѣ и требовалъ отъ поляковъ немедленно начать возстаніе въ Царствѣ Польскомъ и убить Константина. Въ минуту, когда велись эти переговоры, несчастное возстаніе декабристовъ въ Петербургѣ было уже подавлено.

Надъ Царствомъ Польскимъ со всѣхъ сторонъ надвигались тучи — и только во внутреннемъ его управленіи въ это время произошла одна счастливая переменѣна.

Въ 1821 году, почти въ то же время, когда дѣло просвѣщенія понесло большую потерю, благодаря уходу Потоцкаго, во главѣ министерства финансовъ сталъ Любец-

Пестель тоже видѣлся тамъ съ Яблоновскимъ, а Волконскій съ этимъ послѣднимъ видѣлся въ Бердичевѣ... Пестель, видя полную бездѣятельность польскаго Общества, пришелъ къ заключенію, что это Общество легко можетъ насъ предать и, начнись у насъ революція, помочь В. Князю Константину вступить на Россійскій престолъ, чтобы впослѣдствіи получить отъ него въ благодарность независимость Польши, или же провозгласить его польскимъ королемъ на основаніяхъ, изложенныхъ въ конституціи 3 мая, къ которой поляки очень привязаны. Поводомъ къ такому заключенію и къ такимъ опасеніямъ для Пестеля явился также отвѣтъ Кшижановскаго, что ни одинъ полякъ не пятналъ рукъ кровью монарховъ.

кій—единственный человекъ, который могъ спасти и дѣйствительно спасъ пошатнувшіеся финансы страны, устранивъ этимъ серьезную угрозу, нависшую надъ конституціоннымъ устройствомъ Царства Польскаго. Любецкій рядомъ удачныхъ и энергичныхъ мѣропріятій поднялъ доходы казны, реализировалъ огромныя недоимки (свыше 72 милл.), покрылъ 20-милліонный дефицитъ, привелъ въ равновѣсіе бюджетъ, который къ концу, по смѣтѣ 1830—31 года, сводился къ 80 милліонамъ доходовъ и 79 милліонамъ расходовъ. Въ кассахъ казначейства, которыя въ минуту его вступленія въ должность были пусты, онъ, покидая свой постъ при взрывѣ ноябрьской революціи, оставилъ свыше 30 милліоновъ злот. польск. свободной наличности (8 милліоновъ въ Польскомъ Банкѣ, 6 милліоновъ депозита въ Петербургѣ и милліонъ талеровъ въ Берлинѣ).

Для достиженія такихъ результатовъ Любецкій въ средствахъ не разбирался, проявляя при этомъ огромную безпощадность и даже произволь; поэтому онъ не пользовался популярностью и зачастую подвергался ожесточеннымъ нападкамъ оппозиціи Сейма и страны. Но на самомъ дѣлѣ, казенные налоги, которыми онъ обложилъ Царство Польское, если къ нимъ подойти съ болѣе широкой сравнительной мѣркой и взять огуломъ цифры доходности и количества населенія, были не такъ ужъ обременительны: въ послѣдній годъ его хозяйства (1830) на каждого жителя Царства Польскаго приходилось въ среднемъ 26¼ франка, въ то время какъ во Франціи приходилось 33, а въ Англии даже 65 фр. Конечно, сравненіе зажиточности этихъ странъ не въ пользу Царства Польскаго, но все же можно утверждать (какъ это нѣкогда дѣлалъ Сташицъ въ Княжествѣ Варшавскомъ, на основаніи аналогичныхъ сравнительныхъ расчетовъ), что жалобы на непомѣрность фискальныхъ поборовъ Любецкаго, исходившія главнымъ образомъ отъ шляхты, были сильно преувеличены, но крайней мѣрѣ, въ количествен-

номъ отношеніи: критикѣ подлежала скорѣе качественная сторона его административныхъ манипуляцій.

Но есть еще одно обстоятельство, которое необходимо поставить въ заслугу Любецкому. Министерскій постъ онъ занялъ благодаря протекціи Новосильцева, съ которымъ раньше велъ не слишкомъ лестную дружбу. Сдѣлавшись министромъ, онъ не только сумѣлъ освободиться отъ его вліянія, но даже наоборотъ—опираясь на реальные успѣхи своего финансоваго управленія, которые съ неопровержимостью показывали, насколько онъ необходимъ на посту министра финансовъ, онъ сталъ вести съ Новосильцевымъ упорную борьбу, какъ съ самымъ опаснымъ врагомъ народа. Боролся онъ съ нимъ вездѣ—и въ Административномъ Совѣтѣ и въ докладахъ Великому Князю Константину и въ докладахъ монарху. И надо отдать справедливость: борьбу въ защиту Царства Польскаго онъ велъ до конца съ необыкновенной ловкостью, силой и успѣхомъ.

Весною 1825 Александръ I въ послѣдній разъ пріѣхалъ въ Варшаву, на открытіе третьяго Сейма. Пріѣзду его предшествовало опубликованіе законодательнаго акта огромной государственной важности. Вмѣстѣ съ указомъ о созывѣ Сейма, 13 февраля 1825 г. была издана такъ называемая Дополнительная Статя, уничтожавшая гласность дебатовъ Сейма, за исключеніемъ лишь двухъ засѣданій—при открытіи и закрытіи Сейма. Статя эта, являвшаяся осуществленіемъ проекта Новосильцева, выработаннаго имъ еще въ іюнѣ 1824 г., была самымъ чувствительнымъ ограниченіемъ конституціи изъ всѣхъ, какія имѣли мѣсто раньше, и равнялась въ сущности отмѣнѣ конституціоннаго строя.

Кромѣ того, былъ предпринятъ цѣлый рядъ репрессивныхъ мѣръ, имѣвшихъ цѣлью предупредить выступленіе оппозиціи, проявившей себя на прошломъ Сеймѣ. Такъ на примѣръ, Викентій Немоевскій, которому запрещенъ былъ

въѣздъ въ Варшаву, все же демонстративно пріѣхалъ на Сеймъ въ качествѣ депутата отъ калишскаго воеводства. У вольской заставы онъ былъ арестованъ и отосланъ въ свое имѣніе, гдѣ содержался подъ домашнимъ арестомъ. Этимъ была нарушена еще одна конституціонная гарантія—неприкосновенности депутатовъ во время засѣданій Сейма. Выборы въ калишскомъ воеводствѣ были отмѣнены.

Самыя засѣданія Сейма протекали въ совершенно исключительныхъ условіяхъ: та часть королевскаго замка, гдѣ находился Залъ Засѣданій, была окружена войскомъ, всюду сновали русскіе чиновники и шпионы.

Императоръ открылъ засѣданіе холодной тронной рѣчью, въ которой лишь между прочимъ упомянулъ о Дополнительной Статѣ, какъ о простомъ восполненіи конституціи. Избѣгая всякихъ вопросовъ общаго характера, онъ особенно подчеркивалъ улучшеніе матеріальнаго положенія страны, указывалъ на успѣхи въ экономической и особенно финансовой жизни Царства Польскаго. Отсюда онъ дѣлалъ выводы, что Сеймъ долженъ безусловно довѣрять правительству и принять его законопроекты. И Сеймъ дѣйствительно послѣдовалъ его указаніямъ. Онъ сознательно отложилъ въ сторону критику дѣйствій правительства, для которой имѣлись болѣе чѣмъ достаточныя основанія; онъ отказался даже отъ протеста противъ Дополнительной Статии, отказался и отъ готоваго уже адреса на имя монарха, въ которомъ просилъ объ отмѣнѣ этой статьи. Оставлены были и всѣ непріятныя правительству запросы, въ томъ числѣ и запросъ Комаровскаго о насиліи надъ Немоевскимъ. Маршалъ Сейма, Пивницкій, нарочно положилъ его подъ сукно и доложилъ Сейму уже въ самомъ концѣ, послѣ чего онъ и былъ отклоненъ. Сеймъ ограничился лишь нѣсколькими замѣчаніями, сдѣланными въ самыхъ воздержанныхъ выраженіяхъ, относительно докладной записки Совѣта Царства, въ частности—о томъ плачев-

номъ положеніи, въ какомъ находились дѣла министерства просвѣщенія, благодаря его реакціонной политикѣ. Зато всѣ безъ исключенія правительственные законопроекты были приняты. Прошла, хотя и не безъ нѣкотораго сопротивленія, книга I гражданскаго кодекса, т.-е. новое личное право, которое должно было замѣнить собою положенія I и III книги кодекса Наполеона. Въ сравненіи съ неудачнымъ проектомъ 1818 г. о дѣлахъ брачныхъ, новое право являлось нѣсколько улучшеннымъ компромиссомъ между французскимъ законодательствомъ и желаніями духовенства, причемъ уважено было отчасти и мнѣніе нижней палаты, возставшей противъ чисто-духовной регламентаціи. Принято было новое чиншевое право, увеличивавшее число чиншевикомъ, нѣкоторыя второстепенныя уголовноправовыя новеллы и, наконецъ, уставъ Земскаго Кредитнаго Общества.

Это послѣднее учрежденіе, къ основанію котораго правительство приступило съ капиталомъ въ 50 милліоновъ злот. польск., возникло по инициативѣ Любецкаго. Задолженность земельныхъ имуществъ, благодаря отсутствію нормальнаго сельско-хозяйственнаго кредита, была огромна. Въ по-австрійскихъ воеводствахъ *) она составляла болѣе 50% (114 милліоновъ долга при 230 милліонахъ стоимости), въ по-пруссскихъ—свыше 66% (390 м. долга при 588 м. стоимости)—въ среднемъ это давало 62%, т.-е. задолженность равнялась полу-милліарду, а стоимость—818 милліонамъ. Кредитное Общество должно было удовлетворить эту неотложную необходимость дешеваго кредита. И дѣйствительно, оно оказало огромную услугу въ дѣлѣ улучшенія обще-экономическихъ условій, такъ какъ подняло сель-

*) Т.-е. въ воеводствахъ послѣ Вѣнскаго Конгресса отошедшихъ къ Царству Польскому отъ Австріи. *Прим. перев.*

ское хозяйство—главный источникъ благополучія страны въ то время. Общество это существуетъ и нынѣ, являясь единственнымъ наслѣдіемъ законодательной дѣятельности Царства Польскаго.

Вообще, Сеймъ 1825 года, всей своей дѣятельностью старался показать, что онъ помнитъ незаслуженный упрекъ монарха о «тяжелой отвѣтственности», который онъ высказалъ депутатамъ при закрытіи предыдущаго Сейма. И онъ поставилъ своей цѣлью—устранить всѣ препятствія къ осуществленію монаршихъ обѣщаній о расширеніи конституціонныхъ и территоріальныхъ правъ Царства Польскаго—и смотрѣлъ на это какъ на вопросъ чести. Во всякомъ случаѣ, Сейму приходилось очень считаться со злою волей нѣкоторыхъ лицъ, окружавшихъ монарха, которыя только и ждали подходящаго случая, чтобы окончательно раздѣлаться съ конституціей. Кромѣ того, къ молчанію были вынуждены и оппозиціонные элементы. Старикъ Солтыкъ, глава патріотическаго Общества, хотя и считался съ возможностью возстанія, но былъ убѣжденъ, что страна ни въ коемъ случаѣ не возьмется за оружіе противъ Александра, создателя Царства Польскаго. Это заставляло его всячески сдерживать оппозиціонныя выступленія чтобы усыпить подозрительность правительства и имѣть время сдѣлать всѣ необходимыя приготовленія.

Императоръ былъ очень доволенъ: въ поведеніи сейма онъ видѣлъ доказательство покорности и довѣрія къ коронѣ, хотя это нисколько не отвѣчало дѣйствительности. И онъ счелъ своимъ долгомъ поблагодарить депутатовъ. Его рѣчь при закрытіи Сейма (13 іюня) была составлена въ очень теплыхъ выраженіяхъ: «Вы осуществили желанія вашей отчизны и оправдали мое довѣріе. Моя задача теперь—убѣдить васъ, какое вліяніе будетъ имѣть образъ вашихъ дѣйствій на ваше будущее».

Этимъ многообѣщающимъ словамъ—послѣднимъ сло-

вамъ Александра, обращеннымъ къ Сейму Царства Польскаго—никогда не суждено было осуществиться. Но несомнѣнно одно: въ дни своего послѣдняго свиданія съ Великимъ Княземъ Константиномъ, Александръ не разъ говорилъ ему, что остается при своемъ прежнемъ намѣреніи—присоединить Литву къ Царству Польскому; въ эти же дни онъ выказывалъ исключительную сердечность въ своихъ отношеніяхъ съ домомъ Чарторыйскихъ.

На слѣдующій же день послѣ закрытія Сейма, Александръ въ послѣдній разъ простился съ Варшавой и Царствомъ Польскимъ: уѣхалъ, чтобы больше не возвращаться, сначала въ Петербургъ, а потомъ въ Таганрогъ, гдѣ его ожидала преждевременная кончина.

ПЕРІОДЪ КРИЗИСА.

1825—1830.

Вступленіе на престолъ императора Николая I въ той исключительной обстановкѣ, которая была создана споромъ о престолонаслѣдіи и заговоромъ декабристовъ, должно было сильно отразиться на Царствѣ Польскомъ. Правда, на первыхъ порахъ, во время слѣдствія надъ декабристами, Николай обратился къ Царству Польскому съ манифестомъ (25 декабря 1825), въ которомъ, ссылаясь на 1 и 5 параграфы конституціи, заявлялъ, что царствованіе его будетъ продолжать завѣты Александра.

Предпринимая этотъ шагъ Николай прежде всего стремился къ тому, чтобы не создавать себѣ новыхъ затрудненій и устранить всякій поводъ для взрыва въ Польшѣ: подавить этотъ взрывъ силой русскаго оружія онъ бы въ данную минуту не смогъ—армія была охвачена заговоромъ. Кроме того, ему хотѣлось предстать передъ общественнымъ мнѣніемъ Польши въ выгодномъ свѣтѣ, по сравненію съ Великимъ Княземъ Константиномъ, считавшимся наслѣдникомъ обѣихъ коронъ—россійской и польской.

Между обоими братьями, Константиномъ и Николаемъ, сразу создались совершенно особенныя отношенія, скры-

вавшія подъ видомъ дружбы и взаимнаго расположенія, взаимное недовѣріе.

Но одно уже то, что Константинъ отказался отъ власти сыграло огромную роль въ его отношеніяхъ къ Царству Польскому. Отнынѣ Константинъ чувствовалъ съ нимъ болѣе крѣпкую связь и изъ Царства Польскаго, соединеннаго съ Литвой, думалъ создать для себя нѣчто въ родѣ удѣла.

Николай же, наоборотъ, съ самой минуты своего вступленія на престолъ рѣшилъ безусловно порвать съ намѣреніями Александра о присоединеніи Литвы къ Царству Польскому, и западныя губерніи въ административномъ, военномъ, религіозномъ и національномъ смыслѣ рѣшилъ сравнять съ остальными губерніями имперіи. Кромѣ того, предполагалось подорвать исключительное положеніе Константина въ Польшѣ и утвердить въ ней верховный монаршій авторитетъ *).

Обстоятельства измѣнились кореннымъ образомъ: въ царствованіе Александра, при явномъ нарушеніи конституціи, поляки все же до конца могли мечтать о расширеніи предѣловъ Царства Польскаго со стороны Литвы, теперь же, при внѣшнемъ соблюденіи конституціоннаго устава, съ этой мечтой надо было разстаться навсегда. Константинъ какъ прежде, такъ и теперь суровый диктаторъ Царства Польскаго, являлся хранителемъ первоначальныхъ расширительныхъ намѣреній Александра, уже въ собственныхъ интересахъ. Находясь въ постоянномъ подозрѣніи у брата и постоянно попадая въ самые острые конфликты съ польскимъ обществомъ, Константинъ въ то же время

*) Взаимныя отношенія Николая и Константина Павловича въ эту эпоху подробно освѣщены въ ихъ перепискѣ, обнародованной въ сборникѣ Императорскаго Русскаго Историческаго Общества, тт. 131 и 132. *Прим. перев.*

являлся какъ бы представителемъ самыхъ жизненныхъ польскихъ интересовъ.

Вмѣстѣ съ переменною на престолѣ въ политической жизни Царства Польскаго обнаружались очень острыя и опасныя осложненія. Частью это были старые вопросы, которые тщательно затушевывались при Александрѣ, частью—новые.

Николай немедленно приступилъ къ обрусенію какъ гражданской администраціи Литвы, такъ и Отдѣльнаго Корпуса литовскихъ войскъ. Это дало поводъ къ первому серьезному столкновенію между государемъ и цесаревичемъ. Съ другой стороны, процессъ декабристовъ раскрылъ ихъ связь съ тайными организаціями Царства Польскаго.

Константинъ уже нѣсколько мѣсяцевъ (съ октября 1825) былъ прекрасно освѣдомленъ о существованіи Патриотическаго Общества—частью изъ показаній Лукасинскаго, частью изъ разслѣдованія, предпринятаго по этому поводу. Но онъ не пожелалъ воспользоваться своими свѣдѣніями и не произвелъ ни одного ареста. Между тѣмъ, декабристы на допросахъ въ Петербургѣ, сообщили Николаю о кievскихъ совѣщаніяхъ въ 1824 и 1825 годахъ; въ довершеніе всего, привезенный изъ Кіева Яблоновскій, спасая себя, открылъ государю все, что зналъ о Польскомъ Обществѣ. Константинъ противился перенесенію работъ Слѣдственной Комиссіи въ Царство Польское,—онъ не хотѣлъ компрометировать польскую армію и обострять польско-русскія отношенія. Николай, наоборотъ, настаивалъ на этомъ.

Онъ официально предоставилъ Константину въ этомъ дѣлѣ диктаторскую власть (*«pouvoir discrétionnaire»*). Тѣмъ самымъ онъ связалъ его по рукамъ и по ногамъ: переноса на него всю отвѣтственность, онъ заставлялъ его дѣйствовать со всею безпощадностью, подъ страхомъ быть заподозрѣннымъ въ единомысліи съ членами Общества. Но этимъ дѣло не ограничилось.

Въ іюлѣ 1826 г. умеръ намѣстникъ Заіончекъ. Николай не назначалъ новаго намѣстника, хотя Константинъ предлагалъ на этотъ постъ генерала Гауке, и власть намѣстника передалъ Административному Совѣту. До сихъ поръ поляки хотя бы часть своего негодованія на произволъ властей направляли противъ намѣстника, теперь оно цѣликомъ падало на великаго князя, такъ какъ Административный Совѣтъ былъ абстрактнымъ понятіемъ.

Немедленно были пущены въ ходъ репрессивныя мѣры противъ Патриотическаго Общества. Главный доносчикъ Яблоновскій, вмѣстѣ съ Мошинскимъ и другими арестантами изъ западныхъ губерній, былъ привезенъ въ Варшаву, гдѣ начался цѣлый рядъ арестовъ. 19 февраля 1826 г. царскимъ рескриптомъ въ Варшавѣ учреждалась неконституціонная слѣдственная коммиссія, состоявшая изъ 10 человекъ—5 поляковъ и 5 русскихъ, подъ предсѣдательствомъ Замоискаго, который былъ въ то же время первоприсутствующимъ въ Сенатѣ*). Коммиссія проработала около года и закончила свои работы подробнымъ докладомъ, составленнымъ ея членомъ-секретаремъ, генераломъ Раутенштраухомъ. Докладъ предлагалъ отдать подъ судъ восемь обвиняемыхъ: Кшижановскаго, Солтыка, Плихту, Гжималу, Залускаго, Заблоцкаго, Маевскаго и ксендза Дембека. Царскими указами 18 и 19 апрѣля 1827 г. созывался Сеймовый судъ Сената, предсѣдателемъ котораго былъ назначенъ Петръ Бѣлинскій, а въ случаѣ его болѣзни (на которую рассчитывали, такъ какъ былъ старъ и хворъ)—генераль Викентій Красинскій**), извѣстный своимъ по-

*) Замоискій приходился шуриномъ Чарторыйскому, но очень отличался отъ него характеромъ. Онъ былъ склоненъ къ уступкамъ правительству и своимъ поведеніемъ скомпрометировалъ какъ свое положеніе, такъ и свое имя. А.

**) Отецъ гениальнаго поэта. *Прим. перев.*

слушаніемъ правительству. (Замоискій былъ освобожденъ отъ обязанности предсѣдательствовать на судѣ, благодаря его прежней участию въ слѣдственной Коммиссіи; но зато имъ постоянно пользовались, когда на судей нужно было произвести давленіе въ угодномъ Николаю смыслѣ).

Сеймовый Судъ началъ свои засѣданія въ Сенатской залѣ, въ Замкѣ. Не считая возможнымъ признать законность дѣйствій не-конституціонной слѣдственной Коммиссіи, онъ отрядилъ изъ своего состава новую слѣдственную Делегацию, состоявшую изъ 5 сенаторовъ, и впредь до окончанія ея работы отложилъ разбирательство дѣла.

Во время этого перерыва, въ Варшаву прибыла отправленная Николаемъ депутация Россійскаго Сената, въ лицѣ Трубецкаго, Ставискаго, Васильчикова и обер-прокурора Кайзарова. Она привезла съ собой изъ Имперіи 27 арестантовъ, русскихъ и поляковъ, обвинявшихся въ государственномъ преступленіи, которымъ депутация готовила рядъ очныхъ ставокъ съ польскими обвиняемыми, особенно съ Кшижановскимъ. Депутация эта, являвшаяся новымъ нарушеніемъ конституціи, функционировала въ Варшавѣ около года (до іюля 1828).

Когда слѣдственная Делегация Сеймоваго Суда закончила свои работы, Судъ собрался во Дворцѣ Красинскихъ (9 января 1828), гдѣ и происходили теперь его засѣданія, начавшіяся чтеніемъ доклада Делегации и распорядительными дѣйствіями.

Засѣданія эти, въ противоположность исключительной обстановкѣ петербургскаго суда надъ декабристами, были гласны, и обвиняемымъ были представлены всѣ средства законной защиты. Весь процессъ носилъ на себѣ печать строгой легальности, тщательно оберегаемой Бѣлинскимъ, или вѣрнѣе Чарторыйскимъ, который былъ главнымъ руководителемъ процесса и только теперь снискалъ общее довѣріе Царства Польскаго. Но не обошлось и безъ стѣсне-

ній. Такъ напримѣръ, число мѣстъ для публики было ограничено—въ залу впускали не болѣе 100 лицъ. Рѣчь прокурора Вычеховскаго была отпечатана въ 1000 экземпляровъ и ревностно распространялась въ публикѣ, въ то время какъ рѣчи защиты разрѣшено было отпечатать всего лишь въ 50 экземплярахъ, и то подъ наблюдениемъ полиціи.

Послѣ новаго перерыва, вызваннаго подготовкой репликъ, судъ перешелъ къ разбору дѣла по существу, въ присутствіи обвиняемыхъ. 19 мая судебное слѣдствіе по дѣлу было закончено, и судъ занялся обсужденіемъ и составленіемъ приговоровъ.

Почти единогласно (за исключеніемъ Красинскаго и Чарнецкаго, которые подали голосъ за государственное преступленіе, т.-е. за смертную казнь) подсудимые были освобождены отъ главныхъ пунктовъ предъявленнаго къ нимъ обвиненія, приписывавшихъ имъ государственное преступленіе первой степени. Имъ вѣнялась въ вину лишь принадлежность къ запрещеннымъ тайнымъ обществамъ. Нѣкоторые изъ нихъ были приговорены къ сравнительно мягкимъ наказаніямъ (Кшижановскій—къ заключенію въ тюрьмѣ на три года, другіе—на болѣе короткій срокъ), а трое (Солтыкъ, Заблоцкій, Залускій) совсѣмъ оправданы.

Приговоръ этотъ шелъ въ разрѣзъ съ желаніями Николая. Въ его глазахъ онъ былъ тѣмъ болѣе нежелателенъ, что не выдерживалъ никакого сравненія съ суровымъ приговоромъ петербургскаго суда надъ декабристами. Но главное значеніе этого приговора заключалось въ слѣдующемъ: судъ высказывалъ совершенно открыто, что обвиняемые въ своихъ стремленіяхъ, направленныхъ къ возстановленію Польши и расширенію территоріи Царства Польскаго, руководствовались обѣщаніями Императора Александра и тѣмъ, что съ ихъ стремленіями солидарно все польское общество.

По приказанію Николая, заранѣе предупрежденнаго объ

исходѣ процесса, Константинъ на послѣднемъ (59-мъ) засѣданіи суда приостановилъ объявленіе приговора, а вмѣстѣ съ тѣмъ и его исполненіе на неопредѣленное время. Засѣданія суда были отсрочены, а судьи задержаны въ Варшавѣ. Предсѣдатель суда, Бѣлинскій, представилъ Николаю обширную докладную записку (черновикъ ея былъ составленъ Чарторыйскимъ собственноручно), излагавшую мотивы приговора. Со стороны политической эти мотивы сводились къ тому, что какъ судъ, такъ и подсудимые, прежде всего имѣли въ виду положенія Финальнаго Акта Вѣнскаго Конгресса о дальнѣйшемъ расширеніи границъ Царства Польскаго, неоднократныя обѣщанія Императора Александра и, наконецъ, фактическія распоряженія правительства, вводившія польскій элементъ въ гражданское и военное управленіе большей части Литвы. Николай отвѣтилъ на это указомъ Административному Совѣту и Совѣту Царства: представить ему мнѣнія о приговорѣ и высказаться по вопросу о томъ, не проявилъ ли Сеймовый Судъ «склонности къ поощренію преступныхъ намѣреній».

Но здѣсь въ защиту осужденныхъ, суда и всей страны выступилъ Любецкій, (какъ разъ въ это время [1828] оказавшій Царству Польскому новую, огромную услугу созданіемъ Польскаго Банка съ капиталомъ въ 50 м. злот. польск.).

Благодаря его вліянію, и Административный Совѣтъ и Совѣтъ Царства въ своихъ мнѣніяхъ, представленныхъ монарху въ ноябрѣ и декабрѣ 1828 г., принципиально стали въ защиту суда, сдѣлавъ лишь нѣкоторыя оговорки юридическаго характера.

Наконецъ, 8 марта 1829 г. Императоръ Николай особымъ рескриптомъ утвердилъ приговоръ, сдѣлавъ при этомъ строгій выговоръ Суду. И вотъ, почти черезъ годъ по постановленіи, приговоръ этотъ былъ объявленъ (16 марта). Въ исполненіе онъ былъ приведенъ лишь частью, такъ какъ осужденные уже раньше были увезены въ Петропавловскую крѣпость.

Дембекъ умеръ въ тюрьмѣ, Кшижановскій и Маевскій, какъ уроженцы имперіи, продолжали содержаться въ заключеніи; Кшижановскій впослѣдствіи былъ сосланъ въ Березовъ, гдѣ умеръ сумасшедшимъ (1839).

Во всякомъ случаѣ, утвержденіе приговора давало хотя бы принципиальное удовлетвореніе. Опустѣли и варшавскія тюрьмы, гдѣ до сихъ поръ подъ замкомъ сидѣло множество косвенно замѣшанныхъ лицъ, которыя теперь получили свободу.

Все это дѣло имѣло огромное нравственное значеніе, и было, въ сущности, прелюдией къ революціи.

На уступчивость Николая въ этомъ дѣлѣ очень сильно повліяла тогдашняя война съ Турціей. Первая половина этой кампаніи была болѣе чѣмъ неудачна и даже связана съ угрозой австро-англійскаго вмѣшательства противъ Россіи. Николай намѣревался использовать въ этой войнѣ польскую армію, чему, однако, рѣшительно воспротивился Константинъ, который согласился лишь на то, чтобы послать нѣсколькихъ польскихъ штабныхъ офицеровъ въ качествѣ инструкторовъ въ главную квартиру Дибича, на фронтъ военныхъ дѣйствій.

Желая сгладить впечатлѣніе, оставленное исторіей съ Сеймовымъ судомъ, Николай, послѣ взятія Варны отправилъ въ подарокъ польской арміи 12 отнятыхъ у турокъ пушекъ въ память того, что «король Владиславъ, одинъ изъ его предшественниковъ, палъ въ славной борьбѣ». Въ костелѣ варшавскихъ Капуциновъ онъ велѣлъ на свои средства выстроить часовню, гдѣ должно было храниться сердце короля Яна Собѣскаго, побѣдителя турокъ. Послѣ заключенія адрианопольскаго мира онъ велѣлъ поставить часть завоеванныхъ знаменъ и бунчуковъ въ кафедральномъ соборѣ св. Яна. Наконецъ, послѣ сложныхъ переговоровъ съ Константиномъ, Императоръ рѣшилъ исполнить, согласно конституціи, обрядъ коронаціи и,

послѣ изданія коронаціоннаго манифеста (17 апрѣля) лично пріѣхалъ въ Варшаву, 17 мая 1829 года. Актъ коронаціи королемъ польскимъ долженъ былъ произойти независимо отъ помазанія на царство въ Москвѣ.

Онъ привезъ съ собою сына-наслѣдника (впослѣдствіи Императора Александра II). Наслѣдникъ былъ въ мундирѣ польскихъ гвардейскихъ стрѣлковъ, недурно говорилъ по-польски и Николай, представляя его, говорилъ: «ручаюсь, что онъ добрый полякъ, ибо такъ воспитанъ».

Коронаціонный обрядъ былъ совершенъ 24 мая съ огромной пышностью въ Сенатскомъ залѣ Королевскаго Замка. Николай самъ возложилъ на свою голову корону, скипетръ и державу принялъ изъ рукъ примаса Воронича, потомъ опустился на колѣни и произнесъ на французскомъ языкѣ конституціонную присягу. Изъ Замка онъ направился въ соборъ св. Яна слушать мессу.

Въ Варшавѣ онъ пробылъ больше мѣсяца—до конца іюня. Все его поведеніе тогда доказывало, что онъ хочетъ добиться симпатій и довѣрія польскаго общества, и носило даже нѣкоторый характеръ соперничанія съ Константиномъ. Онъ демонстративно оказывалъ знаки вниманія польскимъ сановникамъ и особенно офицерамъ, по городу ходилъ безъ конвоя и т. д. Уѣхалъ онъ 25 іюня обѣщая скорый созывъ Сейма.

И, дѣйствительно, уже въ январѣ слѣдующаго года были составлены указы, назначившіе созывъ четвертаго (и послѣдняго) Сейма на конецъ мая мѣсяца. Николай, пріѣхалъ въ Варшаву 20 мая и открылъ Сеймъ пространной и милостивой рѣчью. Онъ ссылаясь на выполненіе § 45 конституціи актомъ коронаціи, убѣждалъ принять правительственные законопроекты, оправдывалъ поздній созывъ Сейма внутренними и внѣшними осложненіями, упомянулъ о турецкой войнѣ, превозносилъ заслуги польской арміи—«авангарда, охраняющаго безопасность Импе-

ria», что было угрозой по адресу Австрии. Но онъ умолчалъ о Сеймовомъ судѣ, не упомянулъ о прежнихъ обѣщаніяхъ Александра и этимъ молчаніемъ давалъ понять, что литовскій вопросъ, основной вопросъ расширенія границъ Царства Польскаго, слѣдуетъ считать исключеннымъ разъ навсегда.

Дѣятельность Сейма 1830 года, по сравненію съ предыдущимъ Сеймомъ, была менѣе плодотворна въ смыслѣ законодательномъ. Зато на немъ гораздо явственнѣе обнаружился разладъ съ правительствомъ: тѣхъ причинъ, съ которыми приходилось считаться оппозиціи на Сеймѣ 1825 г. и которыя заставляли его сдерживать себя по отношенію къ императору Александру, болѣе не существовало.

Приняты были мелкія законодательныя новеллы объ ипотечныхъ порядкахъ, о сервитутахъ и т. д., принять былъ и новый налогъ въ 6 милліоновъ злот. польск. на постановку памятника Александру I, какъ обновителю Царства Польскаго. Преніями по этому вопросу и воспользовался Чарторыйскій, чтобы въ присутствіи Николая сказать рѣчь, превознесившую широкія намѣренія покойнаго монарха, касавшіяся возстановленія Польши.

Зато огромнымъ большинствомъ голосовъ нижняя палата отвергла рядъ правительственныхъ проектовъ—объ измѣненіи нѣкоторыхъ статей гражданскаго кодекса (о лѣсныхъ угодьяхъ, о правѣ брачномъ и т. д.).

Въ сеймовыхъ комиссіяхъ подверглись жестокой критикѣ не только административныя, но—что хуже—конституціонныя дѣйствія правительства. Въ длинномъ рядѣ петицій, числомъ около 100, Сеймъ выразилъ пожеланія объ отмѣнѣ Дополнительной статьи, о помилованіи Лукасинскаго, и затронулъ множество другихъ острыхъ вопросовъ.

Короткая прощальная рѣчь Монарха при закрытіи

Сейма (28 іюня) выказывала (впрочемъ, въ очень сдержанной формѣ) неудовольствіе монарха, который обращался съ благодарностью исключительно къ Сенату (гдѣ постоянное правительственное большинство одобрило все проекты правительства) и ни словомъ не упомянулъ про дѣятельность Палаты Депутатовъ.

На слѣдующій день Императоръ Николай, какъ конституціонный Царь Польскій, въ послѣдній разъ покинулъ Варшаву.

ПОЛЬСКІЯ ГУБЕРНІИ ИМПЕРІИ.

Западныя губерніи Россійской имперіи, образованныя изъ прежнихъ польскихъ владѣній, присоединенныхъ къ Россіи въ эпоху раздѣловъ, 1772—1795 гг., вмѣстѣ съ Бѣлостокскимъ округомъ, составляли такъ называемый Сѣверо- и Юго-Западный край. Онѣ обнимали около полу-милліона квадратныхъ километровъ съ населеніемъ въ 8 милліоновъ. Почти половину этого населенія составляли православные, около 40%—латинскіе католики и униаты, около 10%—евреи (больше всего ихъ было въ губерніяхъ Могилевской и Подольской), 5%—протестанты. Было и нѣсколько тысячъ магометанскихъ татаръ (главнымъ образомъ въ Гродненской, Минской и Виленской губерніяхъ).

Вильна насчитывала тогда около 30.000 жителей (приблизительно столько же насчитывалъ и Кіевъ). Изъ остальныхъ городовъ наиболѣе значительными были Житомиръ и Бердичевъ (по 20.000).

Край этотъ въ первые 2 пятилѣтія описываемой нынѣ эпохи (1815—1825), въ царствованіе Александра I, въ смыслѣ административной политики раздѣлялся на двѣ совершенно различныя части. Первая обнимала 5 такъ называемыхъ чисто-литовскихъ губерній и Бѣлостокскій округъ, вторая—3 остальные (не считая Курляндской губерніи и части Херсонской). Различіе политики опре-

дѣлялось тѣмъ, что въ первой части, предназначенной къ возможному слиянію съ Царствомъ Польскимъ, польскій элементъ въ гражданскомъ и военномъ управленіи былъ не только сохраненъ, но въ первое время даже усиленъ. Во второй же части, которая должна была войти въ простое національно-общественное слияніе съ имперіей, этотъ элементъ по возможности устранялся и замѣнялся русскимъ и православнымъ элементомъ.

Виленской и Гродненской губерніями, въ это пятнадцатилѣтіе, управлялъ Литовскій генераль-губернаторъ, генераль Римскій-Корсаковъ — администраторъ, лишенный всякой личной инициативы, но человекъ не безъ достоинствъ. На фонѣ тогдашней русской администраціи онъ безусловно выдѣлялся, но былъ не совсѣмъ свободенъ отъ ненависти къ полякамъ. Виленскимъ полицмейстеромъ былъ тоже русскій, генераль Шлыковъ, но гражданскимъ губернаторомъ былъ полякъ, Друцкій-Любецкій, вице-губернаторомъ опять-таки полякъ—Зиберкъ-Плятеръ. Чиновники Губернскаго Правленія, Казенной Палаты, губернскіе прокуроры, судебныя пристава, стряпчие—были исключительно поляки. То же самое было въ Виленскомъ главномъ судѣ: мѣста председателей обоихъ департаментовъ, совѣтниковъ, ассесоровъ и канцелярскихъ чиновниковъ были заняты сплошь поляками. Исключительно польскій элементъ былъ представленъ и въ судахъ низшей инстанціи—межевыхъ, земскихъ и городскихъ—и въ Опекунскомъ Совѣтѣ, и на должностяхъ по уѣздному шляхетству.

Совершенно такое же положеніе было въ Гродненской губерніи, гдѣ губернаторомъ было полякъ Анджейковичъ, и въ Минской, гдѣ гражданскимъ губернаторомъ былъ полякъ Сулистровскій

Волынской губерніей управлялъ русскій, Комбурлей, грабитель и взяточникъ, но къ полякамъ настроенный

не враждебно;—мѣста гражданскаго губернатора и вице-губернатора занимали поляки—Гижницкій и Плятеръ.

Подольской губерніей управлялъ военный губернаторъ Бахметьевъ; гражданскимъ губернаторомъ былъ Павловскій, вице-губернаторомъ Грохольскій—оба поляки. И въ Волынской и въ Подольской губерніяхъ почти всѣ правительственныя должности тоже были заняты поляками.

Бѣлостоцкій округъ находился подъ управленіемъ губернатора Волловича, поляка. Административныя посты въ Окружномъ Управленіи занимали поляки вмѣстѣ съ русскими и нѣсколькими прежними прусскими чиновниками. То же было и въ Главномъ Бѣлостокскомъ Судѣ. Но въ городскихъ и гражданскихъ судахъ—Бѣлостокскомъ, Сокольскомъ, Бѣльскомъ и Дрогочинскомъ—всѣ мѣста были заняты исключительно поляками.

Совершенно другія условія были въ трехъ остальныхъ губерніяхъ.

Въ Витебской губерніи, подчиненной Бѣлорусскому военному губернатору, принцу Виртембергскому, гражданскимъ губернаторомъ былъ русскій, Тормасовъ. Полицейстеры въ Витебскѣ и Полоцкѣ, городничіе въ менѣе значительныхъ городахъ, губернское правленіе, казенная Палата—были исключительно изъ русскихъ.

Въ Могилевской губерніи, тоже подчиненной Бѣлорусскому генералъ-губернатору, гражданскимъ губернаторомъ былъ Толстой. Совершенно то же самое было и въ Кіевской губерніи. Военными губернаторами поочередно были—Милорадовичъ, Желтухинъ и Княжнинъ—и гражданскіе губернаторы, и весь составъ администраціи состоялъ почти исключительно изъ русскихъ, или обрусѣвшихъ иностранцевъ.

Обѣщанія Александра относительно первыхъ шести литовскихъ губерній косвеннымъ образомъ осуществились

въ Высочайшемъ Указѣ 13 іюля 1817 года. Указъ предписывалъ сформировать Отдѣльный Корпусъ Литовскихъ Войскъ изъ 27-ой и 28-ой пѣхотныхъ дивизій и 29-ой артиллерійской бригады. Слѣдующій указъ (14 октября) опредѣлялъ составъ этого корпуса: 2 полка лейбъ-гвардіи, литовскій и волынскій, кирасирскій подольскій полкъ, уланскій полкъ, 1-ый и 2-ой литовскіе гренадерскіе полки и литовскій стрѣлковой полкъ. Командованіе литовскимъ корпусомъ поручалось великому князю Константину, какъ главнокомандующему польской арміей.

Корпусъ этотъ отнынѣ долженъ былъ набираться исключительно въ пяти литовскихъ губерніяхъ—Виленской, Гродненской, Минской, Волынской, Подольской—и въ Бѣлостокскомъ Округѣ, при чемъ это правило соблюдалось настолько строго, что уроженцы литовскихъ губерній, уже состоявшіе на службѣ въ разныхъ русскихъ полкахъ, не исключая петербургской гвардіи, были оттуда перечислены въ Литовскій корпусъ.

Кромѣ нѣкоторыхъ измѣненій въ обмундированіи литовскихъ полковъ, по прежнему польскому образцу, Литовскому корпусу былъ данъ особый гербъ:—государственный гербъ Литвы—«Литовская Погоня» на груди двуглаваго Россійскаго орла (вмѣсто св. Георгія-Побѣдоносца), который помѣщался на полковыхъ знаменахъ и значкахъ.

Итакъ, литовскій корпусъ составлялъ какъ бы самостоятельную единицу, обособленную отъ русской арміи и предназначенную къ слиянію съ войсками Царства Польскаго. Насчитывая въ своемъ составѣ 40.000 человекъ, изъ которыхъ 7.000 (гвардейскіе полки, три пѣхотныхъ и 2 кавалерійскихъ) стояли постоянно въ Царствѣ Польскомъ, литовскій корпусъ долженъ былъ болѣе чѣмъ вдвое увеличить численность польскихъ войскъ.

Въ то же время указомъ, даннымъ Правительствующему Сенату 11 іюля 1819 г., Александръ предоставилъ великому

князю Константину въ литовскихъ губерніяхъ власть главнокомандующаго регулярной арміей. На дѣлѣ это свелось къ тому, что все верховное управленіе Литвы перешло въ руки великаго князя. Даже по гражданскимъ и административнымъ дѣламъ мѣстныя власти обращались уже не въ Петербургъ, а прямо къ нему въ Варшаву, гдѣ и сосредоточились теперь все литовскія дѣла. Литовскимъ гражданскимъ чиновникамъ положено было носить мундиръ польскаго образца съ малиновымъ воротникомъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ въ области общественнаго просвѣщенія началось энергичное движеніе въ чисто-польскомъ духѣ. Въ движеніи этомъ принимало участіе само литовское общество, во главѣ съ попечителемъ округа Чарторыйскимъ. Впрочемъ, Чарторыйскій, который большую часть времени проводилъ теперь вдали отъ Литвы—въ Сенявѣ, въ Пулавахъ, въ Варшавѣ, или за границей,—скорѣе придавалъ лишь общее направленіе этому движенію, не принимая личнаго участія въ его подробностяхъ. (Его несомнѣнныя заслуги въ области просвѣщенія во всякомъ случаѣ не должны затемнять заслугъ его скромныхъ, но дѣльныхъ сотрудниковъ).

Новое просвѣтительное движеніе сосредоточилось въ Виленскомъ университетѣ, который расцвѣлъ во время ректорства Снядецкаго и его преемниковъ. Такъ какъ литовскія и бѣлорусскія гимназіи въ смыслѣ надзора были подчинены тому же Снядецкому, то движеніе проникло и въ гимназіи, распространяясь отсюда уже и на начальныя школы, уѣздныя и народныя.

Національно-культурныя цѣли этого движенія вызвали къ нему глубокое сочувствіе общества, а образцовое хозяйство Просвѣтительныхъ Комиссій давало имъ возможность поддерживать его матеріально.

Виленскому Университету пришлось вести жестокую

борьбу съ полоцкой іезуитской Академіей, подъ надзоромъ которой находились бѣлорусскія школы. Борьба эта кончилась, правда, пораженіемъ Академіи (1820) и удаленіемъ іезуитовъ изъ Россіи, но все же имѣла въ будущемъ нѣкоторыя неприятыя для университета послѣдствія.

Виленскій Учебный Округъ, который въ просвѣтительномъ смыслѣ занималъ первое мѣсто среди всехъ другихъ округовъ имперіи, въ 1820 году насчитывалъ 430 учебныхъ заведеній, 1000 учителей и свыше 21.000 учениковъ. Но уже съ 1822 года просвѣтительная дѣятельность округа стала встрѣчать на своемъ пути нѣкоторыя затрудненія. Затрудненія эти свидѣтельствовали о томъ, что Александръ какъ бы остановился въ осуществленіи своихъ польско-литовскихъ намѣреній и даже повернулъ назадъ. Это совпало какъ разъ съ той реакціонной перемѣной, которая произошла въ его отношеніяхъ къ Россіи и Царству Польскому.

Тутъ и началась работа Новосильцева. Въ Варшавѣ уже велось разслѣдованіе по дѣлу Лукасинскаго. Какъ бы въ дополненіе къ нему, Новосильцевъ, воспользовавшись незначительнымъ инцидентомъ, происшедшимъ въ Виленской гимназіи въ годовщину конституціи 3 мая 1791 года, раздулъ ее до чудовищныхъ размѣровъ. Онъ сумѣлъ настроить великаго князя Константина противъ Чарторыйскаго, который находился въ это время въ Варшавѣ, и добился отъ него не только спеціальнаго назначенія—произвести въ Вильнѣ разслѣдованіе, но и самыхъ широкихъ полномочій. Слѣдствіе онъ повелъ такимъ образомъ, что вынудилъ Чарторыйскаго покинуть постъ попечителя. Свою полицейскую дѣятельность Новосильцевъ распространилъ на Виленскій университетъ и на все учебныя заведенія Литвы. Школьные безпорядки были пристегнуты имъ къ дѣлу тайныхъ политическихъ обществъ и для разслѣдованія безпорядковъ, имѣвшихъ мѣсто въ

Виленскомъ университетѣ и учебныхъ заведеніяхъ Виленскаго округа, былъ назначенъ спеціальный Комитетъ (во главѣ съ Новосильцевымъ и Шишковымъ.) Подъ давленіемъ Новосильцева, Комитетъ представилъ государю докладъ, въ которомъ находилъ необходимымъ къ 20 обвиняемымъ (изъ 108) примѣнить тюремное заключеніе и высылку—въ Уфу, Оренбургъ и Архангельскъ. Въ то же время приговоромъ Военнаго Суда, утвержденнымъ великимъ княземъ Константиномъ 11 марта 1824 г., нѣсколько учениковъ крожской и кейданской гимназій были приговорены къ 10-лѣтнему заключенію въ крѣпости и затѣмъ къ ссылкѣ въ Сибирь, съ отдачею въ солдаты. (Нѣкоторые изъ нихъ первоначально были приговорены къ смертной казни).

Утвержденный государемъ докладъ Виленскаго Комитета положилъ начало цѣлому ряду радикальныхъ мѣръ реакціоннаго характера. Всѣ онѣ имѣли одну цѣль—измѣнить систему преподаванія въ Литвѣ, всѣ были направлены противъ «безразсудной польской національности» и усиливали школьный и цензурный надзоръ. Отнынѣ національно-культурное дѣло, столь успѣшно развивавшееся въ Литвѣ, было подрублено въ самомъ корнѣ.

Все же русско-литовская политика приняла рѣшительно неблагопріятный для Литвы оборотъ только послѣ восшествія на престолъ императора Николая. Онъ сразу вступилъ на путь постепеннаго объединенія всѣхъ польскихъ владѣній Россіи и включенія ихъ въ составъ имперіи. Тѣмъ самымъ безповоротно порывалось съ прежней двойственной политикой, ставившей собственно-литовскія губерніи въ особое положеніе.

Уже въ 1827 году, несмотря на энергичный протестъ Константина, Николай издалъ законъ, по которому Отдѣльный Корпусъ Литовскихъ войскъ набирался изъ рекрутовъ Гродненской, Минской, Волынской губерній и Вѣлосток-

скаго Округа; рекруты губерній Виленской и Подольской отсылались во внутрь имперіи и замѣщались въ Литовскомъ Корпусѣ рекрутами коренныхъ русскихъ губерній—Псковской и Тверской.

Точно такъ же и въ гражданскую администрацію Литвы стали систематически фильтровать русскій элементъ. Уже въ 1828 году гражданскими губернаторами Гродненской и Виленской губерній были назначены русскіе, русскими же стали замѣщать и второстепенныя административныя должности, вплоть до канцелярскихъ чиновниковъ.

Наконецъ, обрусительная политика проникла и въ церковную жизнь: православіе ополчилось противъ литовской и бѣлорусской уни.

Еще во времена Павла I, буллой папы Пія VI «*Maximi unidique pressi*» (15 ноября 1798) здѣсь были учреждены 6 римско-католическихъ епархій: могилевская, виленская, луцкая, каменецкая, минская и жмудская, и три униатскихъ: полоцкая, брестская и луцкая. Центральнымъ административно-церковнымъ органомъ являлась Римско-Католическая Коллегія, учрежденная 13 ноября 1801 г. въ Петербургѣ. Она раздѣлялась на 2 департамента: латинскій и униатскій, и была подчинена II Отдѣленію иностранныхъ исповѣданій министерства просвѣщенія и духовныхъ дѣлъ.

Послѣ религіозныхъ гоненій Екатерины II, униаты могли нѣсколько передохнуть въ царствованіи Павла I и Александра. Но и тогда на дѣла римско-католической церкви стало сильно сказываться разлагающее вліяніе митрополита могилевскаго, Сестренцевича, ренегата въ душѣ. Послѣ его смерти (1826) кафедру митрополита занялъ Цецишовскій, человекъ старый и болѣзненный, котораго въ Римско-Католической Коллегіи всегда замѣнялъ коадьюторъ Пивницкій. Съ этого времени и началась энергичная работа, направленная противъ уни. Главное участіе въ

ней принимали четыре лица: министр Шишковъ, его товарищъ, необычайно ловкій человекъ, графъ Блудовъ, начальникъ Отдѣленія инославныхъ исповѣданій—Карташевскій и членъ Коллегіи—Иосифъ Семашко. Въ подробномъ и тщательно продуманномъ проектѣ, Семашко предложилъ цѣлый рядъ радикальныхъ мѣръ, направленныхъ къ уничтоженію униі. Проектъ этотъ осуществился, и 22 апрѣля 1828 г. былъ опубликованъ составленный Блудовымъ Высочайшій Указъ, которымъ лужская латинская епархія упраздняялась, униатскій департаментъ отдѣлялся отъ Римско-Католической Коллегіи и развитію ордена Базилианцевъ ставился рядъ существенныхъ препятствій. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ Петербургѣ былъ основанъ Тайный Комитетъ по униатскимъ дѣламъ, въ который вошли—митрополитъ Филаретъ, оберъ-прокуроръ Синода, Мещерскій, Голицынъ и Кочубей. Фактическое руководство дѣлами Комитета находилось въ рукахъ Блудова и Семашко *).

Работа, направленная противъ униі, свелась теперь къ систематическому сближенію ея съ православіемъ въ литургическомъ и обрядовомъ смыслѣ. Былъ изданъ специальный правительственный катехизисъ, въ Москвѣ были отпечатаны новые молитвенники и обиходъ. Униатскія семинаріи, послѣ ихъ ревизіи, произведенной Семашко, были обращены въ православно-русскія.

Дѣлу униі, которое такъ сильно подвинулось впередъ, черезъ нѣсколько лѣтъ былъ положенъ конецъ: это случилось послѣ подавленія ноябрьской революціи (1831), безповоротно рѣшившей участь польскихъ губерній имперіи.

*) Семашко былъ первоначально приставленъ въ качествѣ викарія къ архіепископу полоцкому, Мартушевичу, для наблюденія за его дѣятельностью, а впоследствии занялъ кафедру епископа брестскаго.

КРАКОВЪ.

Созданная Вѣнскимъ Конгрессомъ Краковская республика состояла изъ города Кракова и его округа. По пространству она занимала около 1.000 квадратныхъ километровъ съ населеніемъ въ 95.000 (при чемъ одинъ только Краковъ насчитывалъ первоначально 23.000 жителей, а къ 1830 г.—35.000).

Еще на Вѣнскомъ Конгрессѣ (3 мая 1815 г.) Россіей, Австріей и Пруссіей была подписана особая конституція для Краковской республики. Согласно конституціоннаго устава, правительствомъ республики являлся Сенатъ, состоявшій изъ 12 членовъ (половина изъ нихъ были пожизненные) и президента. 8 сенаторовъ и президентъ на каждое трехлѣтіе избирались съѣздомъ выборщиковъ, остальные четверо—каедральнымъ капитуломъ и Краковской Академіей. Палата представителей, состоявшая изъ депутатовъ отъ гминъ, 3 сенаторовъ, 3 прелатовъ, 3 делегатовъ университета и 6 мировыхъ судей, собиралась каждый годъ въ декабрѣ на четырехнедѣльную сессію для законодательныхъ работъ.

Въ силѣ оставался прежній гражданскій Кодексъ Наполеона и Австрійское уголовное уложеніе.

Крестьяне краковского округа, хотя и не были освобождены отъ крѣпостной зависимости, все же пользовались косвеннымъ избирательнымъ правомъ: отъ каждой

деревни, насчитывавшей свыше десяти крестьянских домовъ, они посылали одного полномочнаго выборщика въ гминныя избирательныя собранія. Это было очень важное нововведеніе, хотя и сдѣланное въ болѣе чѣмъ осторожной формѣ: польскому крестьянству впервые предоставлялись политическія права. Новшество это имѣло тѣмъ большее принципиальное значеніе, что конституціонный уставъ Царства Польскаго лишалъ крестьянъ политическихъ правъ, какъ не-собственниковъ, и что оно само было введено не первоначальнымъ текстомъ краковской конституціи 1815 года, а расширеннымъ конституціоннымъ уставомъ, даннымъ республикѣ въ 1818 году. Слѣдовательно, оно явилось отголоскомъ тѣхъ помысловъ объ освобожденіи крестьянъ, которые въ то время занимали Александра.

Крестьянская Комиссія, подъ предѣдательствомъ Мартина Бадени, провела очиншеваніе крестьянъ въ казенныхъ земляхъ и земляхъ принадлежавшихъ различнымъ учрежденіямъ. Евреи въ Краковѣ были устранены отъ участія въ политической жизни.

Первымъ президентомъ Сената, по совѣту Чарторыйскаго, былъ назначенъ (непосредственно Александромъ) Станиславъ Водзицкій, бывший префектъ Краковскаго департамента временъ Княжества Варшавскаго.

Надзоръ надъ правительствомъ республики поручался тремъ комиссарамъ-резидентамъ, по одному отъ каждой изъ державъ, подъ протекторатомъ которыхъ находился Краковъ.

Въ общемъ, въ политической жизни республики создались такія условія, что шляхта и духовенство и руководимый ими Краковскій Сенатъ тяготѣли къ Россіи и отдавались подъ покровительство Александра и Николая, имѣя въ виду соединеніе Кракова съ Царствомъ Польскимъ. Австрія и Пруссія, чтобы противодействовать этому тяготѣнію, старались заручиться симпатіями краковского

мѣщанства и палаты депутатовъ. Особенно успѣшно дѣйствовалъ въ этомъ направленіи прусскій уполномоченный Рейбнитцъ. Его орудіемъ сталъ Литвинскій, ректоръ Краковскаго университета, который въ то время находился въ совершенномъ упадкѣ по сравненію съ его конкурентами—университетами въ Варшавѣ и Вильнѣ. Официальнымъ «покровителемъ» университета былъ Александръ, потомъ Николай. Званіе «консерватора Краковской Академіи»—носилъ варшавскій Новосильцевъ, котораго на мѣстѣ замѣнялъ профессоръ Марковскій, исполнявшій по его порученію полицейско-сыскныя функціи.

Послѣ безпорядковъ, имѣвшихъ мѣсто въ университетѣ въ іюлѣ 1820 г., начались репрессіи, которыми, по указаніямъ изъ Варшавы, руководилъ русскій резидентъ въ Краковѣ Зажецкій, при чемъ университетскія власти сыграли здѣсь очень нелестную роль. Чувствительнымъ ударомъ для университета была потеря имъ большихъ собственныхъ средствъ, составлявшихъ около 15.000.000 злот. польск. въ деньгахъ и недвижимыхъ имуществахъ. Средства эти были частью конфискованы Пруссіей и Австріей, частью, какъ это было съ имѣніями, находившимися въ Царствѣ Польскомъ и стоявшими около 6 милліоновъ, были включены Любецкимъ въ составъ національныхъ имуществъ. На содержаніе Краковскаго университета и подчиненныхъ ему школъ, на новодворскую гимназію, школы св. Варвары и начальныя школы предназначалось ежегодно 400.000 злот. польск.

Краковская республика была постоянной ареной упорной внутренней борьбы то личнаго, то сословнаго характера, въ которую всегда приходилось вмѣшиваться резидентамъ. Послѣдствіемъ одного изъ такихъ столкновеній, имѣвшаго мѣсто на первомъ Краковскомъ Сеймѣ въ 1817 году—между Палатой депутатовъ и Сенатомъ изъ-за бюджета, явился новый актъ опубликованный русско-австро-

прусской Организационной Комиссией и пополнявшей конституцію 1815 г. въ томъ смыслѣ, что въ бюджетныхъ вопросахъ Палата депутатовъ не можетъ выходить изъ рамокъ предложеній Сената.

Во времена Николая на Краковъ было обращено особое вниманіе, какъ на одинъ изъ опорныхъ пунктовъ патриотическихъ стремленій поляковъ и, главное, какъ на очагъ тайныхъ организацій. Поэтому политическія и полицейскія репрессіи были перенесены и сюда. Декларация трехъ резидентовъ 25 февраля 1828 года объявила всѣ акты послѣдней Палаты депутатовъ недѣйствительными («illegum et nullum»). Простою нотой резидентовъ на имя Водзицкаго (19 марта 1828) былъ учрежденъ Комитетъ изъ резидентовъ и преданныхъ Россіи сенаторовъ, обладавшій неограниченною властью въ дѣлѣ измѣненія конституціи, которую отнынѣ нужно было считать фактически отмѣненной. Вообще необходимо замѣтить, что организація внутренняго устройства Краковской республики, съ самаго начала своего существованія находившаяся подъ постоянной угрозой отмѣны, держалась лишь благодаря австро-прусскому соперничеству и преобладающему вліянію Россіи,—въ частности же она зависѣла отъ участи Царства Польскаго.

ГАЛИЦІЯ.

Вѣнскій Конгрессъ вернулъ Австріи Тарнопольскій округъ, отнятый у Россіи, и Привислинскій округъ съ Величскими соляными копами, отнятый у прежняго Княжества Варшавскаго, такъ что за исключеніемъ этихъ двухъ округовъ почти вся доля Австріи въ третьемъ раздѣлѣ Польши и часть доли—въ первомъ (т.-е. краковскій, сандомирскій, люблинскій и замойскій округа) остались за Царствомъ Польскимъ. Изъ остатка этихъ обѣихъ долей, почти полвѣка находившихся въ исключительномъ обладаніи Австріи и подъ гнетомъ ея культурно-государственнаго хозяйничанья, было создано Королевство Галиціи и Лодомеріи (Володимиріи). Оно обнимало около 77.000 квадратныхъ километровъ, и населеніе его въ 1815 г. составляло около 3½ миллионовъ, а въ 1830 г.—около 4.200.000; населеніе здѣсь въ общемъ было въ 1½ раза гуще, чѣмъ въ Царствѣ Польскомъ, опустошенномъ послѣдними войнами. Въ общее число населенія входило нѣсколько тысячъ армянъ, нѣсколько десятковъ тысячъ лютеранъ, главнымъ образомъ пришлыхъ австрійскихъ нѣмцевъ, свыше 250.000 евреевъ; почти половину всего населенія составляли чистокровные поляки, римско-католики, (около 1.700.000—заселявшіе преимущественно западныя области),—почти такую же цифру составляли русины-уніаты, заселявшіе восточныя области—долю Австріи въ первомъ раздѣлѣ.

Вся страна, находившаяся подъ высшимъ управленіемъ львовскаго губернатора, общностью управленія была формально соединена съ Буковиной, которая, впрочемъ, составляла отдѣльную провинцію. Это искусственное соединеніе, допущенное еще Іосифомъ II, должно было устранить національную обособленность польскихъ владѣній Австріи.

Въ административномъ отношеніи Галиція (безъ Буковины) дѣлилась на 18 участковъ (округовъ): львовскій (наименьшій по пространству), бжезанскій (наибольшій), бохенскій, чортковскій, ясельскій, колумыйскій, пшемыскій, жешовскій, самборскій, сандецкій, саноцкій, станиславовскій, стрыйскій, тарнопольскій, тарновскій, вадовицкій, злочовскій и жолкевскій. Начальниками округовъ были исключительно нѣмцы или онѣмѣченные чехи.

Все управленіе Галиціи было чисто-нѣмецкое, точно отвѣчавшее тогдашней полицейски-бюрократической модѣ меттерниховской эпохи. Сосредоточивалось оно въ Вѣнѣ. Начальникъ мѣстной администраціи, т.-е. президентъ губерніи, по всѣмъ вопросамъ управленія находился въ непосредственной зависимости не только отъ царствовавшего тогда монарха, Франца I, но и отъ трехъ великихъ вѣнскихъ бюрократовъ: канцлера двора, кн. Меттерниха, президента Соединенной Австрійской Придворной Канцеляріи, гр. Миттровскаго и президента Главнаго Отдѣленія придворной полиціи и цензуры, гр. Шедльницкаго. Самъ императоръ Францъ, охотно допуская чеховъ наряду съ нѣмцами къ управленію, и считаясь съ венграми и итальянцами (впрочемъ, притѣснять ихъ онъ не переставалъ никогда), къ своей польской провинціи выказывалъ полнѣйшее равнодушіе и пренебреженіе, считая ее лишь источникомъ доходовъ и рекрутскихъ наборовъ. А между тѣмъ, огромная Галиційская провинція по населенію составляла $\frac{1}{7}$, а по пространству $\frac{1}{8}$ часть тогдашней Австріи.

Несмотря на строго-опредѣленные конституціонно-національныя гарантіи, обѣщанныя Финальнымъ Актомъ Вѣнскаго Конгресса всему населенію Польши, отходившему во власть трехъ различныхъ монархій, Галиція подпала подъ власть германизаторскаго абсолютизма. Императоръ Францъ I никогда не думалъ серьезно объ осуществленіи этихъ гарантій 1815 года по отношенію къ Галиціи. Чтобы выполнить, хотя бы формально, тѣ международныя обязательства, которыя Конгрессъ возложилъ на Австрію, наравнѣ съ Россіей и Пруссіей, а главное, чтобы не отставать отъ императора Александра и хотя бы до нѣкоторой степени сгладить то впечатлѣніе, которое произвела на поляковъ либеральная конституція Царства Польскаго, въ Вѣнѣ, года черезъ два послѣ конгресса, рѣшились дать Галиціи фикцію законодательныхъ учрежденій.

Сжатый императорскій патентъ, отъ 13 апрѣля 1817 года, состоявшій всего лишь изъ 12 параграфовъ, давалъ галичанамъ, «какъ вѣрнѣйшее ручательство Нашей отеческой заботливости и милости, а также въ знакъ особаго довѣрія къ ихъ вѣрности и покорности»—такъ называемый Сеймъ Сословій Королевства Галиціи и Лодомеріи *) вмѣстѣ съ Буковиной. Патентъ ни единымъ словомъ не упоминалъ о тѣхъ постановленіяхъ Вѣнскаго Конгресса, которыя имѣли для Австріи обязательную силу.

Самый же Сеймъ сословій былъ, въ сущности, возобновленіемъ прежняго галиційскаго постулатнаго Сейма времени Іосифа II (1775—1782) и не имѣлъ не только никакой законодательной власти, но даже никакого морально-политическаго авторитета. Согласно патенту 1817 года, Сеймъ представлялъ 4 сословія:

1) *духовенство*; на Сеймѣ засѣдали 3 львовскихъ архіепископа—римско-католическій, униатскій и армяно-гре-

*) Sejm Stanowy Królestwa Galieyi i Lodomeryi.

горіанскій, епископы и депутаты отъ кафедральныхъ капитуловъ (2 каноника отъ львовскаго римско-католическаго капитула, имѣвшіе всего одинъ голосъ, и по одному депутату отъ униатскаго и армяно-грегоріанскаго капитуловъ).

2) *магнатское сословіе*; оно состояло изъ князей, графовъ и бароновъ, имѣвшихъ права галиційскаго шляхетства, при чемъ лишь нѣсколько фамилій (Оссолинскіе, Яблоновскіе и др.) принадлежали лицамъ старинныхъ магнатскихъ родовъ, — остальные были новоспеченные магнаты австрійской фабрикаціи.

3) *рыцарское сословіе*; представителями его являлись земельные собственники, наследственные обладатели родовыхъ имѣній, оплачивавшіе по прежней расцѣнкѣ 1782 г. не менѣе 75 злот. рейнскихъ поземельнаго налога. (Фактически, въ переводѣ на современныя (1817) деньги это составляло около 500 злот. польск. и являлось, слѣдовательно, непомерно высокимъ цензомъ. Къ тому же надо замѣтить, что право пріобрѣтать родовыя имѣнія являлось привилегіей магнатскаго-рыцарскаго сословія и мѣщанъ города Львова, изъ числа которыхъ исключались еще евреи, совершенно устраненные отъ участія въ представительствѣ).

4) *королевскіе города*, при чемъ одинъ только Львовъ посылалъ 2-хъ депутатовъ съ правомъ одного голоса. Впослѣдствіи, Императорскимъ рескриптомъ 1820 г. право засѣдать на Сеймѣ было предоставлено еще ректору Львовскаго университета.

Сеймы такого состава являлись чѣмъ-то необычайно жалкимъ уже по одному числу представителей: духовенство и магнаты насчитывали 10—15 депутатовъ, рыцарское сословіе—40—50; въ общемъ это давало 50—70 депутатовъ, то-есть какъ разъ въ три раза меньше, чѣмъ далъ первый Сеймъ при Іосифѣ II (въ 1782), гдѣ было 230 депутатовъ.

Компетенція Сейма была сведена къ минимуму, или

вѣрнѣе сказать—къ нулю. Патентъ 1817 года былъ составленъ такъ, что предоставлялъ Сейму право дѣйствовать «поскольку мѣстныя власти потребуютъ у него объясненій, или поскольку сословія..... найдутъ необходимымъ свои заключенія и представленія, служащія общественному благу, направлять мѣстнымъ влაცямъ, или же черезъ ихъ посредство—Намъ».

Это сводило всю компетенцію Сейма исключительно къ исполнительнымъ функціямъ и къ праву подавать петиціи. Правда, Сейму предоставлялось еще право заниматься распредѣленіемъ земельныхъ повинностей и налоговъ, но единственно «согласно началамъ, Нами установленнымъ». Кромѣ того особая (восьмая) статья патента предупреждала, что «право устанавливать налоги Мы въ полной мѣрѣ оставляемъ за Собой». Впрочемъ, одновременно съ изданіемъ патента 1817 г. Вѣнская Придворная Канцелярія секретнымъ образомъ предписывала Галиційскому губернатору всячески избѣгать всего, «что могло бы привести Сословія къ заблужденію (Wahn), будто установленіе налоговъ нуждается въ ихъ согласіи».

А внѣ этого, за Сеймомъ оставалась лишь такая дѣятельность, какъ завѣдываніе квартирнымъ довольствіемъ войскъ и убогими мѣстными государственными имуществами, выдача дворянскихъ грамотъ (но единственно лицамъ, уже принадлежащимъ къ магнатскому или рыцарскому сословію Австрійской имперіи), замѣщеніе должностей по службѣ сословіямъ, раздача казенныхъ стипендій (такихъ стипендій, предоставленныхъ галичанамъ въ германизаторскихъ цѣляхъ, было 10 въ Вѣнскомъ университетѣ и нѣсколько десятковъ въ военныхъ училищахъ въ Вѣнѣ и Нейштадтѣ).

Но чѣмъ-то похожимъ на особую награду являлся послѣдній параграфъ патента: «въ знакъ особой милости Нашей, мы даруемъ Сословіямъ право.... носить національ-

ную одежду національныхъ цвѣтовъ». (Въ дѣйствительности же странный костюмъ членовъ Сейма не имѣлъ ничего общаго съ національной польской одеждой; по свидѣтельству современника, члены сословій походили въ немъ «на французскихъ генераловъ, или англійскихъ адмираловъ». Онъ состоялъ изъ синяго фрака съ краснымъ воротникомъ и золотыми погонами и изъ бѣлаго жилета съ золотыми пуговицами.)

Для подготовительныхъ работъ и для надзора надъ распределеніемъ денежныхъ повинностей при Сеймѣ учреждалось постоянное Отдѣленіе Сословій *), состоявшее изъ 7 депутатовъ: шестеро являлись представителями первыхъ трехъ сословій, съ жалованьемъ въ 1000—2000 злот. рейнск. и одинъ города Львова—съ жалованьемъ въ 900 злот. рейнск.

На Сеймѣ, какъ и въ Отдѣленіи Сословій, председательствовалъ по назначенію президентъ губерніи, котораго временно замѣщаль «архисановникъ» (arcydignitarz), тоже назначаемый монархомъ. Между 1815 г. и 1830 г. такимъ архисановникомъ на первыхъ Сеймахъ былъ королевскій ловчій Стадницкій.

Съ момента открытія Сейма приступали къ исполненію своихъ обязанностей и такъ называемые «королевскіе комиссары», назначаемые монархомъ изъ среды мѣстныхъ обывателей. Они докладывали сословіямъ предложенія правительства.

Сеймъ собирался ежегодно во Львовѣ, большею частью осенью, и заседалъ нѣсколько дней въ тѣсной университетской библіотекѣ, такъ какъ собственнаго зданія у него не было. Собирался онъ номинально для «обсужденія»

*) Wydzia Stanowy.

правительственныхъ предложеній, а фактически только для подчиненія монаршимъ повелѣніямъ или указамъ, въ которыхъ Сеймъ не могъ измѣнить ни одной буквы и которыя печатались въ правительственныхъ органахъ еще до «утвержденія» ихъ Сеймомъ Сословій.

Первый галиційскій сеймъ былъ открытъ губернаторомъ Гауеромъ при участіи Императорскаго комиссара Ржевусскаго, 16 іюня 1817 года. Наиболѣе важными моментами въ дѣятельности сейма были: составленіе благодарственнаго адреса монарху, ассигнованіе 15.000 дукатовъ на свадебный подарокъ новой императрицѣ Каролинѣ, четвертой женѣ императора Франца, врученіе дворянской грамоты Гауеру и т. д.

Дѣятельность всѣхъ слѣдующихъ 13 галиційскихъ сеймовъ, собиравшихся въ описываемую нами эпоху, 1815—1830, въ октябрѣ cadaго года, тоже сводилась къ простому принятію правительственныхъ распоряженій. Сеймъ выслушивалъ и доклады Отдѣленія Сословій, вначалѣ—пустые, впоследствии—болѣе содержательные, но всегда остававшіеся платоническими пожеланіями лучшаго будущаго. Сеймъ составлялъ еще петиціи и жалобы, которыя направлялись или высшимъ мѣстнымъ властямъ, или (съ 1820 г.) подъ видомъ сеймоваго адреса непосредственно монарху. Всѣ эти петиціи и жалобы были напрасной потерей времени, такъ какъ неизмѣнно возвращались въ Сеймъ ни съ чѣмъ. Даже тѣ петиціи Сейма, которыя составлялись имъ въ самыхъ униженныхъ выраженіяхъ и касались наиболѣе животрепещущихъ практическихъ вопросовъ, безъ тѣни намека на политическую подкладку—всегда разрѣшались въ Вѣнѣ въ отрицательномъ смыслѣ. Такъ, напримеръ, за все это время Сеймъ ни разу не могъ добиться у правительства разрѣшенія на открытіе Земскаго Кредитнаго Общества по примѣру тѣхъ кредитныхъ учрежденій, которыя существовали уже въ Познани и въ Царствѣ Поль-

скомъ. Не добился Сеймъ удовлетворенія и многихъ другихъ неотложныхъ нуждъ: учрежденія прилично обставленнаго медицинскаго факультета при университетѣ, упрядоченія цѣнъ на соль, пониженія стѣснительныхъ налоговъ, при взиманіи которыхъ лишь изрѣдка, и то временно, давались кое-какія льготы.

И когда австрійское правительство послѣ октябрьскаго Сейма 1830, придравшись къ революціоннымъ событіямъ въ Варшавѣ, на нѣсколько лѣтъ (до 1833 г.) отмѣнило созывъ фиктивнаго галиційскаго сейма, Галиція отъ этого ничего не потеряла.

Первоначально, въ 1815 году, императоръ Францъ рѣшилъ поручить высшее управленіе Галиціей принцу Фердинанду Виртембергскому и сдѣлать изъ нея свое намѣстничество, по примѣру Княжества Познанскаго и Царства Польскаго. Но онъ не осуществилъ этого намѣренія, и во главѣ управленія Галиціей сталъ обыкновенный губернаторъ, президентъ Львовской губерніи. Первымъ губернаторомъ Галиціи былъ назначенъ Гауеръ (1815—1823), человѣкъ, не лишенный нѣкоторыхъ администраторскихъ талантовъ и ловкости, но въ общемъ черствый вѣнскій бюрократъ, прошедшій къ тому же хорошую школу. За всѣ восемь лѣтъ своего управленія онъ съ хладнокровной неукоснительностью проводилъ порученную ему программу: фискальнаго гнета, полицейскаго режима и германизаторской работы.

Его преемникъ, гр. Тааффе (1823—1826), продолжалъ идти по его стопамъ, но уже безъ его чиновничьей ловкости. Отличился онъ тѣмъ, что первый изъ галиційскихъ губернаторовъ сталъ проводить въ жизнь идею использования русинскаго населенія Галиціи въ правительственныхъ видахъ, путемъ систематическаго натравливанія его на польское населеніе. Эта идея—такъ сказать, огосударствленія русинскаго элемента въ Галиціи и внесенія въ

Галицію національной распри, путемъ правительственной агитаціи, въ позднѣйшее время (въ губернаторство Стадіона) была значительно усовершенствована.

Послѣдній губернаторъ описываемой эпохи, кн. Лобковитцъ, былъ человѣкъ необыкновенно обходительный, покладистый и искренно расположенный къ полякамъ, но легкомысленный, нерѣшительный и не пользовавшійся влияніемъ въ Вѣнѣ; самъ онъ былъ лишь орудіемъ временныхъ (1826—1831) вѣнскихъ интересовъ. Онъ всячески старался привлечь къ себѣ симпатіи польскаго населенія, въ частности—мѣстной аристократіи и шляхты, а это было дѣломъ очень подходящимъ именно тогда, во время русско-турецкой войны 1828 года. Австрія, въ соглашеніи съ Англійей, стала подумывать о вооруженномъ вмѣшателствѣ противъ Россіи и ей, естественно, надо было считаться съ настроеніемъ польскаго населенія Галиціи—этого ближайшаго предполагаемаго театра военныхъ дѣйствій.

Фискальная политика Австріи за это пятнадцатилѣтіе (1815—1830) сказывалась въ Галиціи особенно чувствительно. Простымъ циркуляромъ губернатора Гауера, въ октябрѣ 1817 года, земельныя подати были увеличены на 100% и на 50% увеличенъ былъ такъ называемый класный налогъ—являвшійся чѣмъ-то въ родѣ подоходнаго налога и отнимавшій у населенія въ пользу государства 20% дохода. Сдѣлано это было тотчасъ послѣ перваго сейма, у котораго даже не спросили согласія на проведеніе такой важной реформы.

Вслѣдъ за нѣкоторыми платежными льготами, допущенными въ 1818 году, въ маѣ 1819 года императорскимъ указомъ вводилось такъ называемое временное земельное обложеніе, которое, согласно правительственнымъ предложеніямъ, внесеннымъ на сеймъ 1820 г., повышалось до 3.800.000 злотыхъ рейнскихъ звонкою монетой. Обложеніе это по сравненію съ его первоначальными размѣрами, когда

оно составляло всего 900.000 злот. рейн. было увеличено болѣе чѣмъ въ четыре раза.

Несмотря на постоянныя жалобы и петиціи Сейма, лишь въ 1825 г. земельное обложеніе было нѣсколько понижено—съ 3.800.000 на 3.100.000, но на этомъ уровнѣ, который все же превышалъ платежную способность страны, оно уже оставалось неизмѣннымъ. Вообще, судя по отчету, составленному въ свое время Отдѣленіемъ Сословій, опись всѣхъ налоговъ и пошлинъ, которыми была обложена тогда Галиція, обнимала 50 различныхъ фискальныхъ категорій. Галиційскій обыватель, если счесть всѣ виды обложенія, платилъ налоговъ въ 16 разъ больше, чѣмъ обыватель Царства Польскаго.

Очень сильно отражалась на населеніи и эксплуатація табачной и соляной монополіи (въ Величскихъ копяхъ)—отъ нея страдали наиболѣе бѣдные классы.

Страна постепенно бѣднѣла, фискальныя же требованія оставались прежними. И вотъ, несмотря на всю ту строгость и беспощадность, съ которой производилось взысканіе налоговъ, недоимки по платежамъ въ Галиціи въ четыре раза превосходили недоимки Царства Польскаго. А между тѣмъ казенные налоги составляли въ Галиціи къ 1830 году въ общемъ около 43 милліоновъ злот. польск. (включая сюда и разницу монетнаго курса), между тѣмъ какъ въ Царствѣ Польскомъ, которое было даже менѣе заселено, казенные налоги въ этомъ году составили 80 милліоновъ. Кромѣ того, весь безъ исключенія притокъ денежныхъ средствъ въ казначейство Царства Польскаго оставался внутри страны и расходовался на мѣстныя нужды,—въ то время какъ въ Галиціи по крайнѣй мѣрѣ 8—10 милліоновъ злот. польск., то-есть около 25% этого притока, уплывало въ Вѣнское казначейство.

Наборъ рекрутовъ въ австрійскія войска, десятилѣтній срокъ службы въ пѣхотѣ и 14-лѣтній въ артиллеріи—

все это было очень тяжелымъ бременемъ для галиційскаго населенія, откуда австрійское правительство выбирало для себя лучшую пѣхоту. Но даже это было относительнымъ облегченіемъ для галичанъ, по сравненіи съ предыдущимъ двадцатипятилѣтіемъ (1788—1815)—эпохою постоянныхъ австрійскихъ войнъ.

Въ національно-культурномъ смыслѣ въ Галиціи по-прежнему продолжалась анти-польская германизаторская работа. Правда, она велась теперь не такъ стремительно, какъ при Іосифѣ II, но съ неменьшей принципиальной послѣдовательностью. Въ львовскомъ университетѣ имени императора Франца I, основанномъ, или вѣрнѣе восстановленномъ въ 1817 году, на всѣхъ трехъ факультетахъ: теологическомъ, философическомъ и юридическомъ,—какъ и въ медико-хирургическомъ институтѣ,—преподаваніе велось на латинскомъ языкѣ, но впоследствии на философическомъ факультетѣ введенъ былъ нѣмецкій языкъ.

Національный польскій элементъ систематически искоренялся и въ среднихъ и въ низшихъ школахъ. Впрочемъ, послѣ конфискаціи тѣхъ значительныхъ суммъ, которыми располагало прежде вѣдомство просвѣщенія въ Галиціи, теперь на содержаніе вѣдомства отпускались болѣе чѣмъ скромныя средства.

Такъ называемыхъ «нормальныхъ» городскихъ школъ въ Галиціи было около 30, преподаваніе въ нихъ велось на нѣмецкомъ языкѣ и директорами были нѣмцы; такъ называемыхъ «тривиальныхъ» и приходскихъ школъ въ небольшихъ городахъ и деревняхъ было около 1000—онѣ находились въ вѣдѣніи епископовъ.

Болѣе счастливый поворотъ въ дѣлѣ культуры и просвѣщенія Галиціи намѣчался, правда, въ 1817 году. Вмѣстѣ съ опубликованіемъ Сеймоваго Статута и восстановленіемъ Львовскаго Университета былъ открытъ цѣлый рядъ учебныхъ заведеній: національная школа имени Оссолинскихъ,

основанная ученым коллекционером Иосифом Максимilianом Оссолинским, реальная гимназия во Львовѣ, философическій институтъ въ Перемышлѣ, гимназиі въ Бохнѣ и въ Сончѣ. Но этотъ поворотъ былъ временнымъ и скорѣе кажущимся. Онъ былъ вызванъ вынужденнымъ соревнованіемъ Австріи съ Царствомъ Польскимъ, гдѣ императоръ Александръ, наканунѣ открытія перваго Сейма, открылъ Варшавскій Университетъ.

Смертельнымъ врагомъ національной мысли и всякой духовной дѣятельности вообще—была необычайная строгость австрійской цензуры. Она сосредоточивалась въ рукахъ такъ называемыхъ книжно-ревізійныхъ управленій при мѣстной полиціи, при чемъ эти управленія были непосредственно подчинены главному отдѣленію полицейской цензуры въ Вѣнѣ и вдохновлялись драконовскими инструкціями Шедльницкаго, не допускавшими въ печати даже самаго слова: «полякъ».

Гражданское правосудіе отправлялось тремя шляхетскими судами—во Львовѣ, Станиславовѣ и Тарновѣ, шестюдесятью съ лишнимъ магистратскими судами и 2½ тысячами доминикальныхъ судовъ для крестьянъ. Кромѣ того, во Львовѣ и въ Бродахъ были еще вексельно-торговые суды.

Уголовныхъ судовъ было 6, кромѣ спеціального военнаго суда (*judicium delegatum mixtum*) во Львовѣ.

Апелляціонныя жалобы направлялись во Львовскій Апелляціонный Судъ. Высшей судебной инстанціей была Высшая Судебная Палата въ Вѣнѣ.

Обязательнымъ было всеобщее австрійское гражданское право (1811 г.), дѣйствовавшее вмѣстѣ съ уставомъ гражданскаго процесса временъ Иосифа II, нѣсколько пополненнымъ. Уставъ этотъ открывалъ широкую возможность всячески затягивать дѣла, такъ что, по мнѣнію юристовъ-практиковъ того времени, обыкновенное гражданское дѣло

въ галиційскихъ судахъ тянулось въ 5 разъ дольше, чѣмъ въ судахъ Царства Польскаго, гдѣ дѣйствовалъ французскій процессъ.

Обязательнымъ было и необычайно строгое австрійское Уголовное Уложеніе (1803) съ его инквизиціоннымъ процессомъ, допускавшимъ самое широкое примѣненіе тѣлесныхъ наказаній во время предварительнаго слѣдствія. Все обыкновенное судопроизводство велось на латинскомъ языкѣ. Въ составѣ судей оставалось все же много поляковъ, которые зачастую (какъ это было во время львовскихъ политическихъ процессовъ 1825—1826 г.) выказывали похвальную независимость и вели судебныя слѣдствія въ строго-легальномъ духѣ, который такъ выгодно отличался отъ безчеловѣчной обстановки тогдашнихъ политическихъ допросовъ въ другихъ провинціяхъ монархіи (напримѣръ, въ Миланѣ).

Церковь въ Галиціи 1815—1830 г. не избѣгла растлѣвающего вліянія господствовавшей тогда правительственной системы, и даже больше—оно сказалось на церкви съ исключительною силой. По мнѣнію вполне компетентнаго судьи, ксендза-историка, церковь того времени «унизила до чиновнаго положенія, стала какъ бы дополненіемъ къ губернской полиціи, частью той арміи, которая поддерживала императорскій тронъ, помощницей фискальныхъ чиновниковъ и военныхъ властей».

Въ Галиціи было три римско-католическихъ епархіи—львовская (архіепископская), перемышльская и тарновская. (Та часть тарновскій епархіи, которая входила нѣкогда въ составъ краковской епархіи, до 1846 оставалась въ подчиненіи краковскому апостольскому викарію). Всѣ три епархіи насчитывали около 700 приходовъ и 900 костеловъ. Львовскимъ римско-католическимъ архіепископомъ съ титуломъ Примаesa Галиціи (который былъ данъ ему съ единственной цѣлью—сгладить исключительность

сана Примааса Царства Польскаго въ Варшавѣ)—былъ Скарбекъ-Анквичъ. Отецъ его въ 1794 году былъ присужденъ къ повѣшенію—это наполнило сердце сына горечью къ родному народу. Не чувствуя никакихъ нравственныхъ обязательствъ по отношенію къ нему, онъ всецѣло предоставилъ себя къ услугамъ императорскаго правительства.

Не только безъ всякаго сопротивленія со стороны Анквича, но даже при его дѣятельномъ участіи, правительство стало проводить программу германизации и бюрократизации мѣстнаго духовенства.

Въ духовныхъ семинаріяхъ во Львовѣ, Перемышлѣ и Тарновѣ насаждались профессора-нѣмцы, наиболѣе способные изъ клериковъ-кандидатовъ переводились въ Вѣну въ правительственное заведеніе для блага духовенства. Не закрытыхъ въ царствованіе Іосифа II монастырей въ Галиціи осталось: около 50 мужскихъ и 15 женскихъ, съ общимъ штатомъ въ 500 монаховъ и монахинь.

Иезуиты, изгнанные изъ Литвы и Россіи, были приняты въ Галиціи съ распростертыми объятіями. И опытный львовскій администраторъ, Гауеръ, и центральныя власти въ Вѣнѣ считали ихъ очень подходящимъ элементомъ въ дѣлѣ религіознаго воспитанія Галиціи. Пользуясь сильной поддержкой правительства, помощью Артура Потоцкаго и другихъ вліятельныхъ галиційскихъ магнатовъ, иезуиты вскорѣ захватили въ свои руки нѣсколько десятковъ вакантныхъ приходовъ, открыли шляхетскій пансіонъ въ Тарнополь, коллегіи въ Тынецъ и Сончѣ. Несмотря на изданный еще при Іосифѣ II законъ, который порывалъ связь всѣхъ монашескихъ орденовъ въ Австріи съ ихъ римскимъ начальствомъ и подчинялъ ихъ непосредственному надзору мѣстныхъ епископовъ, иезуиты какими-то исключительными путями добились возможности сносятся непосредственно съ генераломъ ихъ Ордена въ Римѣ.

Словомъ, они положили прочное основаніе тому огром-

ному вліянію, которое имъ суждено было играть въ Галиціи впоследствии, хотя и съ нѣкоторыми перерывами.

Были еще въ Галиціи двѣ греко-католическія (уніатскія) епархіи: архіепископская во Львовѣ, занятая митрополитомъ Галицкимъ, и епископская въ Перемышлѣ. Онѣ насчитывали свыше 2000 приходовъ и около 3000 церквей. Если принять во вниманіе, что численность католическаго и уніатскаго населенія въ Галиціи выражалась почти въ равныхъ цифрахъ, то число уніатскихъ приходовъ и церквей, по сравненію съ числомъ католическихъ церквей и приходовъ было почти въ три раза больше. Таково же приблизительно было и соотношеніе уніатскаго и католическаго блага духовенства. Зато въ 12—15 уцѣлѣвшихъ базилианскихъ монастыряхъ оставалось всего нѣсколько десятковъ монаховъ.

Уніатская церковь въ тогдашней Галиціи играла первостепенную политическую роль. Въ ея рукахъ находились всѣ нити національнаго русинскаго движенія, направленаго къ постепенному выявленію национальной самобытности русинъ, къ постепенному освобожденію ихъ отъ русскихъ и польскихъ вліяній. Въ Австріи на это движеніе смотрѣли какъ на очень цѣнный и очень полезный факторъ, вполне отвѣчающій видамъ австрійской политики по отношенію къ Польшѣ и Россіи. Мысль о немъ зародилась впервые въ головѣ Іосифа II, въ концѣ XVIII вѣка, навѣянная великорусско-казаческими замыслами Потемкина (въ 1789 г.). Затѣмъ, уже въ царствованіе Франца I, въ началѣ XIX, в., эта идея ожила вновь, подъ вліяніемъ того поворота въ сторону терпимости, который произошелъ въ русско-уніатской политикѣ при Александрѣ I. Наконецъ, когда польскій вопросъ опять былъ поставленъ на очередь—сначала въ эпоху Наполеона, создавшаго Княжество Варшавское, потомъ на Вѣнскомъ Конгрессѣ, основавшемъ Царство Польское, національное русинское дви-

женіе въ Австріи вылилось уже во вполне конкретныя формы. Но австрійское правительство постаралось придать ему теперь новое направленіе—и оно устремилось уже не противъ Россіи и православія, а главнымъ образомъ противъ Польши и католичества.

Въ 1806 году была основана митрополія Галицкая. Ея основаніе при такихъ условіяхъ имѣло двойное значеніе: съ одной стороны оно освобождало галиційскихъ униатовъ отъ подчиненія полоцкому униатскому митрополиту и парализовало вліяніе на нихъ униатскаго департамента Римско-Католической Коллегіи въ Петербургѣ; съ другой стороны, оно давало вѣнскому правительству возможность вести совершенно самостоятельную и независимую политику по отношенію къ униатамъ.

Очень подходящимъ для этихъ цѣлей человекомъ явился первый же Галицкій митрополитъ Ангелловичъ (до 1814 г.). Воспитанный въ іезуитской академіи и русинской семинаріи (Вагбагаеш) въ Вѣнѣ, онъ оказался не только образцовымъ пастыремъ, но и образцовымъ (по тогдашнимъ понятіямъ) администраторомъ. Основная черта его дѣятельности—была ненависть къ полякамъ. Когда въ 1809 году въ Галицію входили польскія войска кн. Іосифа Понятовскаго, онъ призывалъ свою паству встрѣтить ихъ съ оружіемъ въ рукахъ. Авторъ изданныхъ въ то время пламеннolойальныхъ «Замѣчаній австрійскаго патріота», создатель моднаго тогда оффиціального взгляда на русинъ, какъ на «тирольцевъ востока» *), Ангелловичъ явился первымъ носителемъ антипольскихъ тенденцій на галицкомъ архипастырскомъ престолѣ.

*) Ангелловичъ проводилъ параллель между русинами и поляками, какъ союзниками Наполеона—съ одной стороны и тирольцами и баварцами—съ другой.

Въ томъ же направленіи дѣйствовали и окружавшій Ангелловича синклитъ духовныхъ сановниковъ.

Особое мѣсто среди нихъ занималъ митрополитный викарій Гарасевичъ. Онъ воспитывался сначала у о.о. Пріоровъ, потомъ, какъ и Ангелловичъ, въ вѣнской Вагбагаеш. Человѣкъ недюжиннаго ума, нѣкогда издатель «Ежедневника политиковъ - патріотовъ», онъ впоследствии всецѣло отдался той русинско-униатской политикѣ, которую австрійское правительство проводило въ Галиціи. Пожалованный титуломъ барона von Neustern, который такъ удивительно отвѣчалъ характеру его духовной дѣятельности, онъ послѣ смерти Ангелловича нѣсколько лѣтъ завѣдывалъ Галицкой митрополіей и уже до самой смерти (1836) оставался неизмѣнно-вліятельнымъ, хотя и менѣе виднымъ, руководителемъ униатской церковной политики. Главнымъ образомъ благодаря его вліянію, второй Галицкій митрополитъ, архіепископъ Левицкій, управлявшій митрополіей съ 1818 года, оставался на посту до конца описываемой нами эпохи.

Значить уже тогда (—и, странно, какъ не дооцѣнили этого обстоятельства!) начали зрѣть въ тишинѣ, подъ благосклонными взорами австрійскаго правительства, тѣ первыя сѣмена русинско-польской распри въ Галиціи, которыя только въ послѣдующую эпоху дали осязаемые плоды.

До какихъ размѣровъ уже тогда выросла эта распря, показываетъ нагляднѣе всего тотъ фактъ, что во время ноябрьской революціи, лѣтомъ 1831 года, во Львовѣ возникъ тайный «Русинскій Комитетъ», который рѣшилъ бороться съ польскимъ революціоннымъ движеніемъ и оказывать активную помощь русскимъ войскамъ. Во главѣ этого комитета стоялъ митрополитъ Левицкій; кромѣ Гарасевича, въ немъ принимали участіе всѣ выдающіеся представители мѣстнаго духовенства и русинскаго общества.

Но если національныя взаимоотношенія въ Галиціи приняли такую уродливую форму, то въ этомъ въ значительной мѣрѣ было повинно само польское общество.

Не отдавая себѣ отчета въ тѣхъ теченіяхъ, которыя давно уже бурлили въ мѣстномъ русинскомъ обществѣ, отмежевываясь отъ него гранью равнодушія и даже презрѣнія, поляки потеряли всякое болѣе глубокое сопросношеніе съ русинами и не сумѣли надлежащимъ образомъ использовать по отношенію къ нимъ связующей силы польской культуры, пока еще было время.

Очень простыя въ этомъ смыслѣ политическія указанія нѣсколько цозже (въ 1833 г.) преподаль своимъ «галиційскимъ друзьямъ» Адамъ Мицкевичъ: «Нужно особенно имѣть въ виду русинское духовенство, избѣгать всякихъ столкновеній съ попами и главнымъ образомъ процессовъ... прежніе предразсудки относительно нѣкоторыхъ классовъ населенія,—напримѣръ, нѣкоторое презрѣніе къ дѣтямъ греческаго духовенства,—это великій политическій грѣхъ, особенно опасный для нашего дѣла». И дѣйствительно, все эти грѣхи, которые были такъ присущи тогдашнему польскому обществу въ Галиціи и которые содѣйствовали успѣху вредоносной русинской политики австрійскихъ властей, тяжко отомстили за себя въ будущемъ.

Что касается львовскаго армяно-грегоріанскаго архіепископства, то оно состояло всего лишь изъ нѣсколькихъ приходоу и существовало на болѣе чѣмъ скромныя средства—6.000 злот. рейнск. Армянскимъ архіепископомъ былъ престарѣлый Симоновичъ.

Галиційскіе евреи оставались подѣ безпросвѣтной эксплуатацией кагальнаго хозяйства и были обложены непомерными тяжелыми налогами въ пользу государства. Особенно тяжелой повинностью былъ для нихъ такъ называемый кошерно-свѣчной налогъ, взимавшійся прославленной: «K. - k. Koscher fleischverzehrungsundlichterzündungsaufschlagsgefä-

Administration»; налогъ этотъ обычно сдавался въ аренду богатымъ еврейскимъ предпринимателямъ и взымался на наиболѣе немущее населеніе. Все еврейскіе налоги давали государству въ общемъ около 1½ милліона злот. рейнск. ежегодно, такъ что на каждую отдѣльную еврейскую семью приходилось около 40 злот. рейнск. Слѣдовательно, евреи платили теперь австрійскому правительству въ 14 разъ больше, чѣмъ во времена Рѣчи Посполитой.

И все же, несмотря на весь этотъ экономическій гнетъ галиційскіе евреи безъ труда подчинялись германизаторской политикѣ правительства, и онѣмеченіе дѣлало здѣсь быстрые успѣхи, особенно среди богатаго и образованнаго еврейства. (Для евреевъ, между прочимъ, было основано нѣсколько спеціальныхъ, чисто - нѣмецкихъ городскихъ школъ.) Въ этомъ смыслѣ въ Галиціи наблюдалось явленіе совершенно обратное тому, которое наблюдалось въ Царствѣ Польскомъ, гдѣ среди тѣхъ же классовъ еврейскаго населенія успѣшно подвигалась колонизация.

Условія крестьянскаго быта въ тогдашней Галиціи являли плачевную картину. Экономическое разореніе мѣстныхъ земельныхъ собственниковъ, хищническая распродажа правительствомъ національныхъ и государственныхъ имуществъ въ руки спекулянтонъ, упадокъ сельскаго хозяйства, отсутствіе побочныхъ источниковъ заработка, благодаря австрійскому засилью, захватившему въ свои руки всю мѣстную промышленность—все эти обстоятельства должны были самымъ ужаснымъ образомъ отразиться на судьбѣ галиційскаго крестьянства.

Правительство не предпринимало коренной крестьянской реформы, уже осуществленной въ то время въ Познани. Не рѣшаясь отмѣнить крѣпостное право, не оказывая галиційскимъ крестьянамъ никакой реальной помощи, оно старалось использовать ихъ бѣдственное положеніе въ своихъ политическихъ видахъ, ставя себя и свою бюрократ-

тію между ними и помѣщиками и систематически подготавливая внутренній соціальный разрывъ.

Секретнымъ циркуляромъ львовскаго губернатора, изданнымъ уже давно (въ 1813 г.), мѣстнымъ галиційскимъ властямъ предоставлялось право разрѣшать споры между крестьянами и помѣщиками. Правда, въ августѣ 1817 года вѣнскимъ министромъ юстиціи былъ изданъ новый указъ, согласно которому всѣ эти споры представлялись на разрѣшеніе земельныхъ судовъ. Но уже въ сентябрѣ того же года знаменитый циркуляръ Гауера (16 сент. 1817) сохранялъ за мѣстными окружно-административными властями временное право рѣшенія земельныхъ споровъ, и право это фактически превратилось въ право администраціи безапелляціонно рѣшать дѣла о барщинѣ и сервитутахъ. Въ довершеніе всего циркуляръ Гауера узаконялъ полнѣйшій произволъ въ представленіи крестьянскими сходами доказательствъ о размѣрахъ лѣсныхъ и пастбищныхъ угодій. Галиційскій окружной начальникъ являлся такимъ образомъ какъ бы защитникомъ и опекуномъ крестьянства противъ польскихъ помѣщиковъ, т.-е. роль его совершенно совпадала съ ролью крестьянскаго комиссара въ Царствѣ Польскомъ.

Въ то же время необходимо замѣтить, что и галиційскіе помѣщики того времени не сдѣлали ровно ничего, чтобы улучшить положеніе своихъ крестьянъ, ибо тѣ филантропическія пожеланія, которыя высказывались на Сеймѣ Сословій, не могутъ итти въ счетъ.

И вообще, настроеніе тѣхъ классовъ галиційскаго общества, которые должны были бы стоять во главѣ національно-общественной инициативы, было во всѣхъ отношеніяхъ безотраднымъ. Культурный уровень ихъ былъ значительно ниже, чѣмъ въ тогдашнемъ Царствѣ Польскомъ и даже въ Познани. Магнаты по большей части блистали своимъ отсутствіемъ; такіе люди, какъ Константинъ Чарторыйскій,

Людвигъ Яблоновскій, Альфредъ Потоцкій, далеко не лишены личные достоинства, сидѣли въ Вѣнѣ, сложили руки, и не желали рисковать своимъ придворнымъ вліяніемъ въ интересахъ страны. Среди мѣстныхъ обывателей тоже преобладалъ духъ апатіи и равнодушія къ общественнымъ дѣламъ. Счастливымъ исключеніемъ изъ этого правила являлись лишь отдѣльныя единицы.

Даже галиційская молодежь была сравнительно инертной; основанный въ 1817 г. во Львовѣ тайный Академическій Союзъ, къ которому принадлежали Бѣлевскій и Набѣлякъ, просуществовалъ очень недолго. Всѣ, у кого была возможность, отправлялись получать образованіе въ Варшаву. Этимъ между прочимъ и объясняется тотъ ничтожный успѣхъ; или вѣрнѣе—полнѣйшій неуспѣхъ Варшавскаго Патріотическаго Общества въ Галиціи и та жалкая роль, которую сыгралъ въ революціонной борьбѣ галиційскій отдѣлъ Союза.

Политика вѣнскаго правительства по отношенію къ Галиціи, какъ мы указывали выше, въ значительной степени зависѣла отъ отношеній къ Россіи вообще и къ Царству Польскому въ частности.

Францъ I, по примѣру Александра, дважды лично посѣтилъ свои польскія владѣнія, пріѣхавши во Львовъ въ іюлѣ 1817 и сентябрѣ 1823 г. Подобно Александру, давшему рядъ первоначальныхъ обѣщаній, столь знаменательныхъ для будущности Царства Польскаго, Францъ пообѣщавъ на словахъ рядъ милостей и для Галиціи. Черезъ нѣсколько лѣтъ, когда въ Варшавѣ начались политическія слѣдствія и аресты, такіе же аресты начались и во Львовѣ.

Новый поворотъ въ тактикѣ Вѣнскаго правительства по отношенію къ Галиціи произошелъ при восшествіи на престолъ Николая I, въ связи съ обостреніемъ восточнаго кризиса и послѣдовавшимъ за нимъ взрывомъ русско-

турецкой войны. Одно уже междуцарствіе послѣ смерти Александра I было неприятной неожиданностью для Вѣны: правительство не располагало достаточной осведомленностью о тайныхъ распоряженіяхъ, касавшихся русскаго престола (о которыхъ давно уже было прекрасно осведомлено берлинское правительство).

Въ Вѣнѣ ожидали вступленія на престолъ Константина, извѣстнаго своими симпатіями къ Австріи и любовью къ Пруссіи. И потому провозглашеніе императоромъ Николая I, настроеннаго совершенно иначе, и къ тому же — зятя прусскаго короля, было встрѣчено въ Вѣнѣ съ тревогой. Вѣнское правительство успѣло даже до нѣкоторой степени скомпрометировать себя въ глазахъ Николая въ самый щекотливый моментъ междуцарствія: австрійскій посоль въ Петербургѣ, шурина диктатора-декабриста Трубецкаго, долженъ былъ быть отозванъ.

Напряженность въ отношеніяхъ между Россіей и Австріей, все возрастающая подъ влияніемъ вызывающей политики Россіи въ восточномъ вопросѣ, должна была косвеннымъ образомъ отразиться и на политикѣ Австріи по отношенію къ полякамъ. Подъ угрозой нарушенія самыхъ жизненныхъ своихъ интересовъ, которую Австрія видѣла въ завоевательныхъ стремленіяхъ Николая, вѣнскому правительству пришлось поневолѣ подумать о необходимости поставить этимъ стремленіямъ вооруженныя преграды. И теперь ему пришлось болѣе чѣмъ когда-либо считаться съ Галиціей.

Чѣмъ болѣе острую форму принимало столкновение Николая съ Царствомъ Польскимъ изъ-за процесса Лукасинскаго въ Сеймовомъ Судѣ, тѣмъ лихорадочнѣе старалась Австрія привлечь на свою сторону симпатіи польскаго галиційскаго населенія.

Подъ давленіемъ всѣхъ этихъ обстоятельствъ, въ галиційской политикѣ Австріи наступила новая эра: эра со-

ревнованія съ Россіей. Свелась она, впрочемъ, къ дешевенькимъ любезностямъ правительства по отношенію къ Галиціи. При львовскомъ университетѣ была основана кафедра польскаго языка и польской литературы, дано было разрѣшеніе на торжественную закладку національной школы имени Оссолинскихъ (1827). Было издано особое постановленіе, налагавшее на мѣстныхъ административныхъ чиновниковъ обязанность знать польскій языкъ (1828), дано было согласіе на открытіе Сельскохозяйственнаго Общества (1829). Самъ губернаторъ Лобковитцъ показывался въ публичныхъ мѣстахъ въ польскомъ костюмѣ, открывалъ засѣданія Сейма рѣчью на польскомъ языкѣ и т. д.

Въ то же время, послѣ коронаціи Николая I въ Варшавѣ, подъ давленіемъ угрозы нападенія на Галицію со стороны Россіи, въ Вѣнѣ стали поситься съ планомъ при соединенія Галиціи къ королевству Венгерскому. По случаю коронованія наслѣдника Австрійскаго престола, эрцгерцога Фердинанда, королемъ венгерскимъ, венгерскій Сеймъ въ Пресбургѣ въ своей петиціи выразилъ пожеланіе о соединеніи Галиціи съ Венгріей. Для разрѣшенія этого вопроса въ Вѣнѣ была даже учреждена смѣшанная галиційско-венгерская коммиссія. Въ коронаціонномъ шествіи передъ Фердинандомъ, новымъ королемъ венгерскимъ, несли знамя съ гербомъ Галиціи. Но когда въ Царствѣ Польскомъ вспыхнула ноябрьская революція, и когда исчезли всѣ поводы къ опасеніямъ со стороны Николая, мысль эта была оставлена.

АВСТРИЙСКАЯ СИЛЕЗИЯ.

Между 1815 и 1830 годомъ въ этой провинціи жило около 100.000 поляковъ, которые составляли здѣсь свыше 30%, а въ самомъ Княжествѣ Цешинскомъ даже большинство мѣстныхъ жителей. И хотя Силезія нѣсколько вѣковъ оставалась въ разлукѣ съ Польшей, испытывая на себѣ сначала усиленную чехизацію, а потомъ, съ Иосифа II, германизацію, она все же сохранила свой національный обликъ. Мѣстное населеніе, убогое и темное, крѣпко держалось своего языка, испорченнаго, правда, но не совсемъ еще запыленного чешскимъ и нѣмецкимъ. Оно пользовалось этимъ языкомъ не только въ разговорномъ обиходѣ, но и при заключеніи частныхъ письменныхъ договоровъ.

Польскія начала поддерживались здѣсь близостью Кальваріи Зебжидовской, Ченстохова и Кракова и опирались главнымъ образомъ на религіозную почву.

Среди цешинскихъ силезцевъ находились въ постоянномъ обращеніи польскіе молитвенники и сборники польскихъ церковныхъ нѣсенъ, попадавшіе сюда изъ Ченстохова, даже изъ Ополя и Бреславля (Вроцлава). То невольное нѣмеченіе, которое вносилось въ мѣстное польское населеніе, благодаря его принадлежности къ бреславльской католической епархіи, уравновѣшивалось вліяніемъ ксендзовъ-поляковъ, мѣстныхъ уроженцевъ.

Въ самомъ Цешинѣ печатались польскія религіозныя книжки, въ 1823 году изданъ былъ польскій молитвенникъ, въ 1825—католическіе акаѳисты, въ 1826—лютеранскій катехизисъ. Хотя всѣ эти книги и были отпечатаны готическимъ шрифтомъ, но написаны онѣ были на хорошемъ польскомъ языкѣ.

Въ народныхъ школахъ (а ихъ къ 1828 году въ Княжествѣ Цешинскомъ было болѣе 70, въ томъ числѣ и нѣсколько лютеранскихъ) дѣти попрежнему начинали ученіе съ чешскаго букваря. Но второй учебной книгой для дѣтей былъ польскій катехизисъ и учебникъ Новаго Завѣта. Этотъ порядокъ особенно соблюдался среди мѣстныхъ польскихъ лютеранъ, которые, несмотря на полное отсутствіе специфическаго религіознаго подъема, необычайно стойко держались родныхъ національныхъ традицій.

Ксендзы, въ вѣдѣніи которыхъ находились народныя школы, поскольку они происходили изъ мѣстныхъ силезскихъ поляковъ, поддерживали этотъ школьный порядокъ, установившійся не столько сознательной тенденціей, сколько естественными побужденіями родителей и дѣтей.

Въ нѣкоторыхъ школахъ, какъ, напримѣръ, въ Мазановицахъ и въ Лыготѣ подъ Бѣльскомъ, преподаваніе уже и тогда велось исключительно на польскомъ языкѣ. Особенно услуги этому дѣлу оказалъ льготскій приходской священникъ, ксендзь Олеякъ, который въ описываемую нами эпоху былъ въ княжествѣ Цешинскомъ первымъ предшественникомъ тѣхъ выдающихся общественныхъ дѣятелей, которые впоследствии, въ половинѣ XIX вѣка, подняли дѣло польскаго національнаго возрожденія въ Силезіи на значительную высоту.

ПОЗНАНЬ.

Великое Княжество Познанское возникло из той части прежняго Великаго Княжества Варшавскаго, которая Вѣнскимъ конгрессомъ была отдана Пруссiи. Это былъ познанскій и быдгоскiй департаментъ Варшавскаго Княжества и часть калишскаго департамента. Другими словами, Пруссiя въ 1815 году получила почти все то, что ей досталось по II раздѣлу Рѣчи Посполитой, да еще нѣкоторое закругленiе въ районѣ Нотеци и маленькiе кусочки Мархiи и Силезiи.

Великое Княжество Познанское занимало площадь въ 29.000 квадратныхъ километровъ съ населенiемъ около 850.000, которое къ 1830 году возросло до 1.100.000. Населенiе это составляли 680.000 католиковъ, свыше 300.000 лютеранъ и 70.000 евреевъ. Въ описываемую нами эпоху приростъ лютеранскаго населенiя, при все продолжавшейся иммиграци, былъ выше, чѣмъ приростъ католическаго населенiя приблизительно на 15% (хотя въ позднѣйшую эпоху притѣсненiй, начиная съ 1831 года приростъ этотъ сократился на 25%). Приростъ еврейскаго населенiя держался на уровнѣ 10%, хотя впоследствии онъ опять-таки сократился чуть не наполовину: германизаторская политика Пруссiи вызвала усиленную эмиграцию.

Уже въ оккупационномъ актѣ короля Фридриха-Вильгельма III (15 мая 1815 г.), устанавливавшемъ Великое

Княжество Познанское, отъ него были отторгнуты 2 повѣта—хелминскiй и михаловскiй, которые вмѣстѣ съ городомъ Торномъ вошли въ составъ Западной Пруссiи. Правда, тотъ же оккупационный актъ содержалъ въ себѣ нѣкоторый родъ компенсацiи: въ немъ было обѣщано, что два повѣта—каменецкiй и валецкiй отойдутъ отъ Западной Пруссiи къ Княжеству Познанскому,—но это обѣщанiе, никогда не было приведено въ исполненiе.

Оккупациа началась немедленно (24 мая) и была проведена съ помощью вооруженной силы, безъ легальнаго оправданiя, прусскимъ генераломъ Тюменомъ. Послѣ занятiя Познани (28 мая) здѣсь, въ присутствiи воеводъ Выбицкаго и Дзялынскаго былъ торжественно снятъ польскiй національный гербъ. На его мѣсто былъ повѣшенъ новый гербъ Великаго Княжества Познанскаго, по образцу Царства Польскаго: черный прусскiй «королевско-прусскiй-великокняжескiй» Орелъ, съ бѣлымъ польскимъ орломъ на груди.

15 мая 1815 года была издана королевская прокламацiя, въ которой Фридрихъ-Вильгельмъ гарантировалъ жителямъ Княжества Познанскаго участiе въ общихъ конституционныхъ учрежденiяхъ, обѣщанныхъ монархiи, наравнѣ со всеми другими провинцiями. Прокламацiя гарантировала также примѣненiе польскаго языка (на ряду съ нѣмецкимъ) «во всехъ общественныхъ дѣлахъ», какъ гарантировала полякамъ и доступъ ко всемъ должностямъ и званiямъ, безъ всякихъ ограниченiй.

Какъ бы отвѣчая на созданiе Царства Польскаго, Фридрихъ Вильгельмъ говорилъ: «И вы также получили отечество... вы войдете въ слиянiе съ моею монархiей безъ всякаго ущерба для вашей національности».

И дѣйствительно, въ текстѣ присяги на вѣрность, которую жители Княжества Познанскаго принесли 3 августа въ познанскомъ кафедральномъ соборѣ, было такое вы-

раженіе: «признаю часть Польши, которая... вновь принадлежит королю прусскому, своей отчизной». Тѣмъ самымъ Познань въ національномъ отношеніи официально выдѣлялась изъ состава остальной Пруссіи.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, королевскій кабинетный приказъ, данный на имя канцлера Гарденберга и министра юстиціи Кирхейзена, 3 мая, гарантировалъ права польскаго населенія въ организациі судовъ и ставилъ непремѣнное требованіе, чтобы предсѣдатели земскихъ и апелляціонныхъ судовъ, какъ и всѣ ихъ члены, выбирались изъ поляковъ. Для проведенія въ жизнь этого указа были изданы «Общія основанія судебной и административной организациі» (12 іюля 1815), которыя опять вводили въ дѣйствіе мѣстное прусское право (Landrecht) взамѣнъ кодекса Наполеона и сохраняли употребленіе польскаго языка въ судопроизводствѣ съ той лишь оговоркой, что въ повѣтахъ съ преобладающимъ нѣмецкимъ населеніемъ судебные протоколы могли вестись и на нѣмецкомъ языкѣ.

Организациа мѣстнаго суда была поручена Шенермарку, назначенному вице-предсѣдателемъ апелляціоннаго суда въ Познани, и была проведена имъ въ общемъ удачно и безпристрастно. Вся страна была раздѣлена на два округа: познанскій, обнимавшій около 60 % всего Княжества, съ преобладающимъ исконно-польскимъ населеніемъ, и быдгоскій, гдѣ преобладалъ нѣмецкій элементъ.

Королевскимъ намѣстникомъ Великаго Княжества Познанскаго, съ резиденціей въ Познани, (насчитывавшей въ 1816 году около 22.000 жителей) былъ назначенъ полякъ, князь Антоній Радзивиллъ, женатый на принцессѣ прусской Луизѣ Гогенцолернъ и потому имѣвшій личную близость къ королю. Онъ долженъ былъ быть посредникомъ между короной и страной и «увѣдомлять короля о желаніяхъ и нуждахъ» поляковъ. Будучи не плохимъ полякомъ въ душѣ, Радзивиллъ все же не отличался твердостью

характера, питалъ склонность къ дипломатическимъ интригамъ, а, главное, долженъ былъ постоянно имѣть въ виду свои родственныя связи со дворомъ. И за пятнадцать лѣтъ своего намѣстничества онъ до крайности сузилъ порученную ему посредническую роль.

Оберъ-президентомъ провинціи былъ назначенъ Цербони ди Спосетти, прежде обыватель Царства Польскаго, а теперь крупный земельный собственникъ въ Познани. Это былъ передовой, просвѣщенный нѣмецъ, искренно расположенный къ полякамъ.

Можно сказать больше: въ эти первые годы благоприятное для поляковъ направленіе берлинской политики, вызванное соревнованіемъ съ политикой Александра въ Царствѣ Польскомъ, дошло до того, что въ Берлинѣ возникъ серьезный проектъ ввести въ Познани, по примѣру Царства Польскаго, отдѣльный корпусъ линейныхъ войскъ. Съ этой цѣлью Фридрихъ-Вильгельмъ, при посредствѣ военнаго министра Бойена, въ 1816 г. сталъ вести переговоры съ польскимъ генераломъ Косинскимъ, принятымъ на прусскую службу въ чинѣ генераль-поручика. Эти переговоры, въ которые старались втянуть Домбровскаго и Держаповскаго, были впоследствии оставлены.

Знаменательнымъ являлся и еще одинъ проектъ, съ которымъ тоже очень серьезно носились въ Берлинѣ: предполагался бракъ между младшимъ принцемъ прусскимъ (впоследствии Вильгельмомъ I) и дочерью намѣстника Элизой Радзивиллъ. Главнымъ препятствіемъ къ этому браку было сопротивленіе Александра, который уклонился отъ сдѣланнаго ему изъ Берлина предложенія—усыновить княжну Радзивиллъ. Этимъ шагомъ думали заручиться въ томъ, что Александръ признаетъ бракъ.

Но та благоприятная обстановка, въ которой протекали первые годы Великаго Княжества Познанскаго, смѣнилась замѣтнымъ ухудшеніемъ отношеній.

Уже 9 февраля 1817 года был опубликован новый устав познанского судопроизводства, который вводил некоторые ограничения в германизаторском духе. Ограничения эти стали применяться все шире и шире, особенно в быдгоском округе, где суды обязаны были сноситься исключительно на немецком языке не только с властями, но даже с ксендзами, как с хранителями книги гражданского состояния. Точно также, односторонне-немецкое толкование получила и ст. 143 нового Устава, считавшая оба языка, польский и немецкий, одинаково официальными в суде и разрешавшая пользоваться тем или другим «принимая в соображение стороны» (в оригинальном тексте было двусмысленное выражение: «nach dem Bedürfniss der Parteien»).

Несколько позже аналогичные стремления стали сказываться и в области просвещения. Правда, первоначально, в подтверждение королевских гарантий, преподавание и в средних школах (гимназиях в Познани, Быдгоще, Рыдзыне, прогимназиях во Всове и Пакосце) и в начальных училищах разрешено было вести на польском языке. Даже больше, в ответ на запрос познанского округа относительно распространения немецкого языка, из Берлина был получен необычайно важный либеральный циркуляр министра народного просвещения Алтенштейна (13 декабря 1822 г.), утверждавший буквально следующее:

«Конечно, правительство заинтересовано в том, чтобы польское население знало немецкий язык и могло пользоваться благами государственных учреждений; но отсюда еще совершенно не следует, что полков необходимо немечить... Ибо воспитание как человека, так и народа, может упрочить только родной язык; отнять его у него... и стараться искусственно привить ему чуждый язык,—такой путь неправилен даже по

отношении к отдельному человеку, не говоря уже о целом народе, будь у него даже не столь богатый, не столь самостоятельно выработанный и законченный язык, каким является польский... Власть, которая признает, уважает и защищает религию народа и его язык, две величайшие его святыни, может быть уверена в том, что привлечет к себе сердца подданных. Если же власть равнодушна к ним, или больше того—налагает на них руку, она оскорбляет и раздражает народ и вместе с тем готовит себе неверных и озлобленных подданных».

Но вскоре эти либеральные принципы на практике стали нарушаться; шаг за шагом, особенно с 1825 года, школьное дело в Познани стала подрывать подпольная анти-польская работа; некоторые чисто-польские учебные заведения закрывались (в Рыдзыне, Пакосце) и вместо них открывались немецкие (в Лешне). Польский язык в гимназиях и начальных школах постепенно вытеснялся и медленно подготовлялась почва для германизации всего познанского школьного дела.

Этот неблагоприятный поворот в настроении правительства по времени совпал с таким же поворотом в Царстве Польском, но кроме того он находился в непосредственной связи с теми репрессиями в области общественного воспитания, которые стали особенно усиленно применяться и прусским и австрийским правительствами, начиная с 1824 года, и были вызваны так называемыми «демагогическими увлечениями» в немецких университетах.

Вопрос об открытии университета в Познани поднимался несколько раз, но всегда решался в отрицательном смысле; местная польская молодежь была вынуждена за получением университетского образования отправляться в Бреславль, Крулевец (Кенигсберг) и Берлин.

Въ годъ присоединенія Княжества Познанскаго къ Пруссіи (1815) въ Познани было всего около 540 учебныхъ заведеній, 890 учителей и 31.000 учениковъ. Особенно значительные успѣхи были здѣсь сдѣланы въ области элементарнаго обученія; однихъ начальныхъ католическихъ училищъ было открыто около 400. Слабой стороной школьнаго дѣла было слишкомъ мизерное матеріальное обезпеченіе учителей (часто оно составляло всего нѣсколько талеровъ въ годъ).

Огромнымъ благодѣніемъ для страны было, съ одной стороны, открытіе Земскаго Кредитнаго Учрежденія (15 декабря 1821 г.), созданнаго по образцу существовавшаго въ Силезіи Кредитнаго Общества, съ другой—усовершенствованіе ипотечныхъ порядковъ (примѣру Познани черезъ нѣсколько лѣтъ послѣдовало Царство Польское).

Вмѣстѣ съ введеніемъ мѣстнаго прусскаго права (Landrecht) въ іюль 1815 года были изданы общія законоположенія, подтвержденныя впослѣдствіи королевскимъ указомъ 9 ноября 1816 г., которыя оставляли въ силѣ наполеоновскій Кодексъ Царства Польскаго въ части касавшейся крѣпостной зависимости крестьянъ. Крестьяне признавались свободными пользовладельцами земли, предоставленной имъ помѣщиками за опредѣленный оброкъ деньгами, или натурой. Спеціальныи кабинетный указъ, 6 мая 1819 г., предусматривалъ даже возможный обходъ помѣщиками законоположеній Наполеоновскаго Кодекса: помѣщикамъ запрещалось выселять крестьянъ съ ихъ земли, на основаніи яко бы состоявшагося между ними договорнаго соглашенія.

Наконецъ, закономъ 8 апрѣля 1823 года, познанскіе крестьяне были освобождены отъ крѣпостной зависимости за сравнительно умѣренный выкупъ, который въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ устанавливался спеціальными ликвидационными правительственными комиссіями. Принципы

развертки, установленныя этимъ освободительнымъ закономъ для Познани, блюли интересы крестьянъ гораздо энергичнѣе, чѣмъ въ другихъ провинціяхъ прусской монархіи, гдѣ прежде всего считались съ интересами дворянства. Относительно Познани Берлинъ, изъ политическихъ соображеній, рѣшилъ сдѣлать исключеніе и взять подъ свое покровительство польскихъ крестьянъ, поставивъ между ними и помѣщиками стѣну правительственной опеки. Это сразу привело къ огромному множеству судебныхъ процессовъ помѣщиковъ съ крестьянами, а въ будущемъ сказалось въ томъ, что крестьянство оставалось совершенно равнодушнымъ ко всѣмъ повстанческимъ попыткамъ шляхты.

Въ концѣ концовъ, этотъ законъ явился благодѣтельнымъ для страны: упрочивъ матеріальное благополучіе познанскаго крестьянства, онъ далъ ему возможность впослѣдствіи, когда оно дошло до полнаго національнаго самосознанія, вести вполне успѣшную борьбу съ экономической и культурной германизацией.

Католическая церковь привлекала къ себѣ особое вниманіе прусскаго правительства, такъ какъ католики составляли цѣлую третью населенія монархіи, и половина изъ нихъ были поляки. Пруссія съ недовольствомъ смотрѣла на учрежденіе Варшавскаго примасата, которое все же совершилось, несмотря на самое энергичное сопротивленіе прусскаго посла при Ватиканѣ, историка Нибура, и преданнаго правительству архіепископа гнѣзненскаго Рачинскаго. Въ силу конкордата между Пруссіей и Римомъ, заключеннаго Нибуромъ и кардиналомъ Консальви, папа Пій VII издалъ буллу «De salute animarum» (14 августа 1821), нормировавшую организацію католической церкви въ Пруссіи. Гнѣзненская архіепископская кафедра была перенесена въ Познань. Послѣ отреченія (1818) гнѣзненское архіепископство три года оставалось вакантнымъ и

только въ 1821 году было занято сначала Гоженскимъ, а послѣ его смерти почтеннымъ Волицкимъ (1829) и, наконецъ, Дунинымъ. Этотъ послѣдній, въ моментъ вспышки ноябрьской революціи, уступая давленію правительства, выступилъ съ рѣзкимъ архипастырскимъ воззваніемъ (9 декабря 1830 г.), направленнымъ противъ возстанія. Подъ угрозой земныхъ и небесныхъ каръ онъ предавалъ церковному проклятію всѣхъ «зломыслящихъ» нарушителей государственнаго порядка. Но угодничанье митрополитовъ передъ прусскимъ правительствомъ не могло предупредить того мощнаго церковно-политическаго взрыва, который, возникши по вопросу о смѣшанныхъ бракахъ, уже въ ближайшую эпоху, принялъ особенно непримиримую форму въ гнѣзненско-познанской метрополіи и самого Дунина сдѣлалъ жертвой самыхъ суровыхъ правительственныхъ гоненій.

Вообще, въ политикѣ прусскаго правительства этой эпохи по отношенію къ познанскимъ полякамъ ясно различимы два основныхъ момента, находящіеся въ непосредственной зависимости отъ польской политики Россіи: сначала—соревнованія, въ первые годы, когда развитіе конституціонныхъ учрежденій Царства Польскаго и проектъ расширенія его территоріи, создавали опасность, что польское населеніе Пруссіи будетъ постоянно тяготѣть въ ту сторону; потомъ—провокаціонный, когда въ русско-польскихъ отношеніяхъ стала сказываться возможность катастрофы.

Одновременно съ репрессивными мѣрами, принятыми русскимъ правительствомъ противъ тайныхъ организацій, такія же мѣры были приняты и въ Познани. Послѣ изданія королевскаго кабинетнаго приказа 10 ноября 1821 года, здѣсь начались политическія слѣдствія, которыя обнаружили принадлежность познанцевъ, съ Уманскимъ во главѣ, къ варшавскому Патріотическому Обществу. Но приговоръ

познанскаго суда по этому дѣлу (1 октября 1827 г.) былъ сравнительно мягкимъ: одинъ только Уманскій былъ приговоренъ къ нѣсколькимъ годамъ заключенія въ крѣпости, а другіе обвиняемые (Мельжинскій и Юзефъ Кшижановскій) были оправданы.

Послѣ ухода Цеброни (оберъ-президента Княжества Познанскаго, въ 1825 г.) его преемникомъ былъ назначенъ Бауманъ чиновникъ прежняго прусскаго правительства въ Варшавѣ, человекъ крутого нрава, но вполне порядочный. Онъ старался хотя бы до нѣкоторой степени смягчить послѣдствія того реакціоннаго поворота, который произошелъ въ отношеніяхъ берлинскаго правительства къ Княжеству Познанскому. Но теперь эти отношенія приняли уже слишкомъ прямолинейное и опредѣленное направленіе, и, не смотря на всѣ временныя уклоненія и даже перемѣны къ лучшему, которыя вызывались преходящими политическими конъюнктурами, оставляли тяжелый слѣдъ въ жизни Познани.

Если Пруссія по отношенію къ Княжеству Познанскому, хотя бы до нѣкоторой степени, выполнила національныя санкціи Вѣнскаго конгресса и во всякомъ случаѣ дѣлала это гораздо охотнѣе, чѣмъ Австрія по отношенію къ Галиціи, особенно въ началѣ описываемой нами эпохи, то осуществленія конституціонныхъ обѣщаній, хотя бы даже частичнаго, Познани пришлось ждать очень долго.

Это было сдѣлано уже послѣ изданія общаго закона, вводившаго во всей прусской монархіи провинціальныя сеймы (5 іюня 1823 г.). Для Княжества Познанскаго 27 марта 1824 г. къ этому закону были изданы особыя приложенія. Наконецъ, дополнительная королевская инструкция 1826 года ввела въ Княжествѣ Познанскомъ сеймовое управленіе на слѣдующихъ основаніяхъ:

Сеймъ состоитъ изъ 4 пановъ съ удѣльнымъ голосомъ (князя—Радзивилль, Сулковскій, Турнь-Таксисъ и графъ

Рачинскій) и представителей 3 сословій: 22 депутатовъ отъ рыцарства, 16—отъ городовъ (Познань—2, Быдгощъ, Лешно, Мендзыжець, Равичъ, Вхова по 1, остальные города выбирали депутатовъ совмѣстно, по 2—4) и 8 отъ сельскихъ гминъ. Въ рыцарскомъ сословіи и 6 указанныхъ городахъ выборы производятся непосредственно, въ остальныхъ городахъ, какъ и въ сельскихъ гминахъ—выборы двустепенные. Активный избирательный цензъ требуетъ: достиженія 24-лѣтняго возраста и обладанія земельной собственностью, цѣнностью въ 300 талеровъ (для выборщиковъ второй степени—500 талеровъ). Пассивный цензъ требуетъ: 30-лѣтняго возраста, 10-лѣтняго обладанія на правахъ собственности наслѣдственнымъ (а для представителей рыцарскаго сословія—родовымъ) недвижимымъ имуществомъ, цѣнность котораго опредѣляется: для городскихъ одностепенныхъ выборщиковъ—6.000 талеровъ, двустепенныхъ—2.000, для сельскихъ выборщиковъ—1.500. Депутаты избираются на 6 лѣтъ, съ переизбраніемъ на 3 года черезъ каждое трехлѣтіе. Евреи къ пользованію политическими правами не допускаются. Сеймъ, въ видѣ первоначальнаго опыта, созывается каждые два года. Продолжительность сессіи зависитъ отъ усмотрѣнія короля (на дѣлѣ сеймы засѣдали около 2 мѣсяцевъ). Дебаты сейма не гласны; въ залъ засѣданій никто изъ публики не допускается. Протоколы засѣданій ведутся на 2 языкахъ—польскомъ и нѣмецкомъ и подлежатъ огласкѣ лишь въ сокращеніи. Маршалъ сейма, назначаемый исключительно изъ лицъ перваго сословія, организуетъ составъ отдѣловъ (комиссій) сейма. Для дѣйствительности рѣшеній сейма по болѣе важнымъ вопросамъ требуется большинство $\frac{2}{3}$ и даже $\frac{3}{4}$ голосовъ.

Отсюда ясно само собою, насколько организація народнаго представительства въ Княжествѣ Познанскомъ была выше той фикціи сословнаго сейма, которая существо-

вала въ Галиціи. Но все же и эта организація слишкомъ отставала отъ конституціоннаго права Царства Польскаго.

Послѣ долгихъ колебаній, когда всѣ другіе провинціальныя прусскіе сеймы были уже официально открыты, правительство приступило напослѣдокъ къ созыву познанскаго сейма. Онъ былъ открытъ во дворцѣ намѣстника въ Познани, 21 октября 1827 года, оберъ-президентомъ Бауманомъ, въ качествѣ королевскаго комиссара. Маршаломъ былъ назначенъ генераль Антоній Сулковскій. Депутатовъ отъ шляхты было только 21. Недоставало депутата отъ кробскаго повѣта; этотъ повѣтъ избралъ депутатомъ Кшижановскаго, осужденнаго за участіе въ Патриотическомъ Обществѣ и тѣмъ самымъ потерявшаго право на избраніе. За это весь повѣтъ, лишался избирательнаго права, какъ это было съ калишскимъ повѣтомъ Царства Польскаго, избравшимъ Немоевскаго на третій сеймъ. Среди депутатовъ отъ шляхты было только 4 нѣмца, зато среди городскихъ депутатовъ было только 2 поляка, а среди сельскихъ—ни одного. Ненормальность этого послѣдняго обстоятельства объяснялась тѣмъ, что пассивный избирательный цензъ требовалъ десятилѣтняго владѣнія землею на правахъ собственности, а такъ какъ освобожденіе крестьянъ совершилось лишь недавно, то польскіе крестьяне, естественно, не могли входить въ расчетъ и замѣнялись нѣмецкими колонистами, издавна владѣвшими землей.

Главное мѣсто въ дѣятельности перваго сейма заняли жалобы на преслѣдованіе польскаго языка въ школьно-судебной области. Особенно энергично поддерживалъ эти жалобы оборницкій депутатъ Неголевскій. Въ общемъ сеймъ принялъ двадцать съ лишнимъ петицій, какъ по этому вопросу, такъ и по другимъ важнымъ практическимъ вопросамъ, касавшимся работы ликвидаціонныхъ комиссій, земскаго кредитнаго общества, положенія евреевъ и т. д.

Послѣ закрытія сейма (22 декабря) его маршалъ, Сул-

ковской, отправился въ Берлинъ, чтобы лично поддержать ходатайство сейма. Помимо этого, пользуясь своими симпатіями при дворѣ и особенно расположеніемъ наследника престола (впослѣдствіи Фридриха-Вильгельма IV) Сулковскій старался добиться государственно-правовой самостоятельности Великаго Княжества Познанскаго путемъ учрежденія намѣстническаго совѣта при Радзивиллѣ въ Познани и статсъ-секретаріата по дѣламъ Великаго Княжества при особѣ короля, въ Берлинѣ. Свои хлопоты, хотя и безрезультатно, Сулковскій возобновлялъ нѣсколько разъ между 1827 и 1829 годомъ. Онъ даже находили извѣстную поддержку въ нѣкоторыхъ придворныхъ берлинскихъ кругахъ, стремившихся использовать политическую конъюнктуру, созданную осложнениями въ Турціи и въ Царствѣ Польскомъ. Какъ разъ въ это время великій князь Константинъ, получивъ отъ Ружнецкаго рядъ тайныхъ донесеній, со свойственной ему подозрительностью, сталъ предостерегать Николая о мобилизаціонныхъ приготвленіяхъ 5-го, 1-го, 2-го и 6-го прусскихъ корпусовъ, расположенныхъ въ Познани, Торнѣ, Данцигѣ и Кенигсбергѣ, и указывалъ на связь этой мобилизаціи съ замыслами Берлина—использовать поляковъ въ войнѣ съ Россіей.

Отвѣтъ Фридриха-Вильгельма III на петиціи сейма былъ данъ только черезъ годъ (20 декабря 1828 г.). Составленный въ милостивомъ и примирительномъ духѣ, онъ по вопросу о польскомъ языкѣ содержалъ въ себѣ кое-какія уступки, которыя были приведены въ исполненіе лишь отчасти.

Слѣдующій сеймъ, открытый 10 января 1830 года почти въ томъ же составѣ что и первый, по характеру своихъ работъ протекалъ совершенно такъ же. На немъ опять были затронуты тѣ же вопросы, опять были приняты тѣ же петиціи, съ тою лишь разницей, что безрезультатность прежнихъ ходатайствъ, вливая теперь въ эти петиціи

тонъ раздраженія и горечи. Кромѣ того, маршалъ доложилъ сейму статистическую выкладку, изъ которой явствовало, что изъ 7 предсѣдателей земельныхъ судовъ только одинъ былъ полякъ, изъ 41 судебныхъ совѣтниковъ—7, изъ 12 ассессоровъ—5 поляковъ; въ обоихъ округахъ предсѣдатели и высшіе судебные чины были исключительно нѣмцы, изъ 20 совѣтниковъ судебныхъ округовъ только трое были поляки, изъ 10 ассессоровъ—2 поляка. Сеймъ открыто напомнилъ королю его «обѣщаніе утвердить Отчизну и поручить исполненіе своей воли чиновникамъ, знающимъ оба языка».

Между тѣмъ, послѣ смерти Баумана (въ октябрѣ 1830) власть перешла къ новому оберъ-президенту—Флотвелю. Нѣкогда совѣтникъ при президентѣ Западно-Восточной Пруссіи, Шёнѣ, онъ прошелъ хорошую бюрократическую школу и сталъ типичнымъ бюрократомъ-дѣльцомъ. Съ первыхъ же шаговъ своей дѣятельности, соединившись съ самымъ заклятымъ врагомъ поляковъ, генераломъ Грольманомъ, командовавшимъ познанскими войсками, онъ съ неумолимой послѣдовательностью проводилъ планъ постепеннаго уничтоженія національно-конституціонныхъ гарантій Великаго Княжества Познанскаго, открывая этимъ новую эру—усиленной германизации. И эта эра наступила очень скоро—лишь только было подавлено ноябрьское возстаніе.

ЗАПАДНАЯ ПРУССІЯ.

Западная Пруссія впервые подпала подъ владычество прусской монархіи послѣ перваго раздѣла Польши въ 1772 году. Въ 1807 году она была нѣсколько урѣзана, такъ какъ часть ея отошла къ Княжеству Варшавскому. Вѣнскій конгрессъ вновь цѣликомъ вернулъ Пруссіи ея долю въ первомъ раздѣлѣ, т. е. вмѣстѣ съ повѣтами Хелминскимъ и Михаловскимъ (которые насчитывали тогда 150.000 жителей), какъ вернулъ ей и часть доли во второмъ раздѣлѣ, т. е. городъ Торнъ (10 тысячъ жителей) и вольный городъ Гданскъ (Данцигъ) съ его окрестностями (80 тысячъ жителей). Въ 1815 году Западная Пруссія обнимала около 25 тысячъ квадратныхъ километровъ съ населеніемъ въ 700 тысячъ человѣкъ, половину котораго, приблизительно 350 тысячъ, составляли поляки, половину—нѣмцы и 20 тысячъ—евреи. Эта провинція, или по крайней мѣрѣ большая ея часть, находилась подъ постояннымъ ассимиляторскимъ, правительственнымъ и культурнымъ, вліяніемъ Пруссіи. Вліяніе это было особенно сильно, такъ какъ относилось еще ко временамъ Фридриха II, и особенно продолжительно, такъ какъ было прервано лишь однажды—военными событіями 1806—7 г. Правда, еще въ моментъ созданія Великаго Княжества Варшавскаго старикъ Малаховскій всячески убѣждалъ Наполеона (въ письмѣ отъ 3 іюня 1807 г.) «вернуть часть воеводствъ—Хелминскаго,

Поморскаго и Мальборгскаго *), вошедшихъ въ составъ Кенигсбергскаго и Мальборгскаго департаментовъ, на лоно стародревней отчизны»; Наполеонъ одну только эту провинцію совершенно освободилъ отъ той тяжелой контрибуціи, которая была наложена имъ на всю Пруссію, тѣмъ самымъ подчеркивая свои особые виды на нее въ будущемъ. Но фактически она почти цѣликомъ и безъ перерыва оставалась во владѣніи Прусскаго королевства.

Въ описываемую нами эпоху, въ своемъ расширенномъ составѣ Западная Пруссія дѣлилась на два округа: Гданскій и Мальборгскій, при чемъ административной столицей считался Гданскъ. Управление ею досталось одному изъ самыхъ энергичныхъ прусскихъ дѣятелей и администраторовъ, оберъ-президенту Шенъ (съ 1816 г.).

Человѣкъ очень образованный, необычайно энергичный и честолюбивый, онъ держался передовыхъ хотя и ультрапрусскихъ взглядовъ. Во многихъ отношеніяхъ Шенъ явился духовнымъ отцомъ позднѣйшаго прусскаго національ-либеральнаго направленія, въ частности—нынѣшняго крайняго націонализма. Онъ поставилъ своею цѣлью—совершенно онѣмечить и опрусчить Западную Пруссію—но старался достигнуть этого не только путемъ неумолимой культурной борьбы, но и путемъ созидательной культурной работы. Необыкновенно дѣятельный въ обоихъ направленіяхъ, онъ оказалъ огромныя услуги въ дѣлѣ поднятія экономического благосостоянія страны и въ то же время явился въ ней самымъ опаснымъ врагомъ польскаго дѣла.

Въ теченіе первыхъ четырехъ лѣтъ своей дѣятельности онъ успѣлъ уже открыть новую гимназію, нѣсколько городскихъ училищъ и около четырехсотъ начальныхъ чисто-нѣмецкихъ школъ—и сдѣлалъ это безъ всякаго участія

*) Мариенбургскаго.

казны, главнымъ образомъ на средства польскаго сельскаго населенія.

Видя плачевное положеніе мѣстныхъ помѣщиковъ, онъ добился у правительства вспомогательнаго фонда въ 3 милліона талеровъ, который былъ предоставленъ въ его личное распоряженіе, и раздѣливъ его между восемьюстами землевладѣльцами, въ одно и то же время—поправилъ ихъ дѣла и сдѣлалъ ихъ лично ему обязанными.

Такую же помощь онъ оказалъ гданскому рынку, которому грозило совершенное разореніе послѣ всѣхъ экономическихъ испытаній, вызванныхъ военными событіями, континентальной блокадой и долгой осадой (1813). Этимъ путемъ, какъ и личнымъ своимъ вліяніемъ, онъ сдѣлалъ первый проломъ въ той стѣнѣ антипатіи, которою жители Гданска ограждались отъ пруссаковъ, сумѣлъ уравновѣсить ихъ постоянное тяготѣніе ко всему польскому и въ значительной мѣрѣ содѣйствовалъ тому, что Гданскъ изъ стариннаго польскаго города превратился въ прусскій торговый портъ.

Въ то же время Шёнъ предпринялъ возстановленіе Мальборгскаго замка (въ 1813 г.), этого видимаго символа возрождающейся мощи меченосцевъ. Въ строительный комитетъ на ряду съ нѣмцами (Дономъ и Тидеманомъ) онъ пригласилъ и поляковъ по происхожденію (Закжевскаго и Денгофа).

По инициативѣ жены познанскаго намѣстника, княгини Радзивиллъ, среди польскаго населенія для этой цѣли стали даже собирать пожертвованія—якобы на возстановленіе мальборгской католической часовни.

Въ то же время дѣятельный оберъ-президентъ началъ яростную борьбу съ католическимъ духовенствомъ. Она привела его даже къ острому столкновенію съ епископомъ варминскимъ, принцемъ Іосифомъ Гогенцоллерномъ. А между тѣмъ, епископъ, связанный тѣсными родственными

узлами съ царствующимъ домомъ, стоялъ, конечно, внѣ всякихъ подозрѣній въ особыхъ симпатіяхъ къ полякамъ. Съ цѣлью скорѣйшаго уничтоженія національной обособленности Западной Пруссіи, въ 1824 г. произошло соединеніе ея съ Восточной Пруссіей (которая съ 1815 по 1824 г. управлялась оберъ-президентомъ Ауэрсвальдомъ) въ одну провинцію—Западно-Восточную Пруссію, общимъ оберъ-президентомъ которой и сталъ Шёнъ, перенесшій свою резиденцію въ Кенигсбергъ.

Здѣсь, въ Восточной Пруссіи, среди общей массы населенія въ милліонъ человекъ, жило 200 тысячъ поляковъ и нѣсколько десятковъ тысячъ литвинъ. При дѣятельной поддержкѣ кенигсбергскаго лютеранскаго епископа Боровскаго, Шёнъ дѣятельно занялся онемеченіемъ мѣстныхъ поляковъ-лютеранъ; получивъ отъ казны значительную денежную помощь, онъ основалъ въ Западно-Восточной Пруссіи 24 новыхъ лютеранскихъ прихода.

Сеймы соединенной Западной и Восточной провинцій собирались попеременно то въ Кенигсбергѣ, то въ Гданскѣ; въ ихъ составѣ не было даже намека на польскій элементъ, составлявшій по крайней мѣрѣ четвертую часть населенія. Этотъ элементъ, особенно въ помѣщичьемъ и мѣщанскомъ классахъ, терялся среди окружающаго нѣмецкаго моря, и только простой народъ, несмотря на самыя благоприятныя условія, одной лишь силой врожденной инерціи сумѣлъ сохранить въ неприкосновенности свой національно-польскій обликъ.

ПРУССКАЯ СИЛЕЗИЯ.

Эта огромная, богатѣйшая прусская провинція, завоеванная Фридрихомъ II у Австріи въ первой половинѣ XVIII вѣка, насчитывала въ составѣ своего населенія приблизительно 30% поляковъ, составлявшихъ въ 1815 г. около полумилліона человѣкъ. На населеніе этой старинной окраины Рѣчи Посполитой, на національныя права на нее Польши уже при основаніи Княжества Варшавскаго обратилъ вниманіе знаменитый политическій дѣятель, Колонтай. Даже самъ Наполеонъ носился съ мыслью отнять Силезію у Пруссіи и присоединить ее къ Княжеству Варшавскому. По этому поводу велись даже дипломатическіе переговоры, но вопросъ оказался настолько же труднымъ, насколько и важнымъ. По утвержденію одного наполеоновскаго дипломата, Пруссія «скорѣй согласилась бы уступить Берлинъ». И этому плану не суждено было осуществиться.

Положеніе польскаго населенія, въ описываемую нами эпоху, было здѣсь въ общемъ сходно съ положеніемъ поляковъ въ австрійской Силезіи. Но была и огромная разница. Прусская Силезія находилась подъ гораздо болѣе послѣдовательнымъ и энергичнымъ давленіемъ германизации. Въ то же время, являясь самымъ бѣднымъ, чернорабочимъ и безземельнымъ классомъ, польское населеніе прусской Силезіи не получило никакихъ выгодъ отъ блестящаго экономическаго расцвѣта этой провинціи.

Его безчеловѣчно эксплуатировали, и правительство не приходило къ нему на помощь. Это былъ попросту низшій рабочій матеріалъ въ силезской промышленности. А между тѣмъ эта промышленность, особенно въ ткацкой и суконной области, дѣлала такіе успѣхи, что для огражденія польской промышленности отъ ея убійственной конкуренціи, князю Варшавскому пришлось въ 1811 году принять спеціальныя таможенныя мѣры. Такіе же блестящіе успѣхи дѣлала горная и добывающая промышленность.

Главное управленіе прусской Силезіей сосредоточивалось во Вроцлавѣ (Бреславлѣ) въ рукахъ оберъ-президента Меркеля, недюжиннаго администратора, по духу своей дѣятельности родственнаго Шёну.

Политика берлинскаго правительства по отношенію къ этой провинціи основывалась на томъ, что оно старалось привлечь къ себѣ крупныхъ земельныхъ собственниковъ и промышленниковъ, связать ихъ съ Пруссіей узами реальныхъ экономическихъ интересовъ—въ то же время затереть слѣды прежняго австрійскаго владычества.

Поэтому и самое освобожденіе крестьянъ въ Прусской Силезіи было проведено совершенно иначе, чѣмъ въ Познани; оно было сопряжено со всевозможными стѣсненіями и клонилось къ огромному матеріальному ущербу крестьянства. И, несмотря на освобожденіе, силезскіе крестьяне продолжали влечить самое нищенское существованіе (неурожай картофеля всякій разъ грозилъ имъ голодной эпидеміей)—а крупныя помѣстія въ Силезіи все росли.

По примѣру Шёна, Меркель и у себя сталъ вести упорную борьбу съ католическимъ духовенствомъ, не выходя изъ конфликта съ епископомъ вроцлавскимъ Гогенлоэ, а послѣ его смерти (1817) съ его преемникомъ, отѣмеченнымъ полякомъ, епископомъ Шамоньскимъ.

При поддержкѣ Меркеля два брата Тейнеры—Антонъ

(профессоръ вѣдлавакаго университета) и Августинъ—явились инициаторами реформаторскаго движенія среди духовенства, требовавшаго совершеннаго измѣненія литургии, допущенія нѣмецкаго языка въ богослуженіи и церковныхъ нѣспонѣнїяхъ и т. д. Движеніе это было рассчитано на расколъ среди духовенства. Возставшій противъ этого движенія епископъ Шимонскій во всемъ остальномъ, и особенно въ дѣлѣ духовнаго воспитанія, оказывалъ полное содѣйствіе германизаторской работѣ вице-президента. А эта послѣдняя область была цѣлью вождедѣній какъ высшаго правительства, такъ и мѣстныхъ властей.

Первоначально, послѣ изданія Школьнаго Регламента Фридриха II (1763), вводившаго принудительное обученіе и устанавливавшаго образовательный цензъ для учителей, въ Верхней Силезіи правительству пришлось остановиться на народныхъ учителяхъ полякахъ, несмотря на существованіе чисто нѣмецкихъ высшихъ учебныхъ заведеній—вѣдлавакаго университета и католическихъ гимназій въ Ополѣ и Глоговѣ, находившихся въ рукахъ іезуитовъ. (Іезуиты были оставлены здѣсь, какъ и въ Бѣлоруссіи, послѣ закрытія ихъ ордена Апостольской столицей). Но вслѣдъ за изданіемъ кабинетнаго приказа Фридриха—Вильгельма II (1789) рядъ школьныхъ ревизій установилъ такой порядокъ, что польскихъ учителей перемѣщали отсюда въ Нижнюю Силезію, а въ Верхней насаждали сначала такъ называемыхъ «утраквистовъ», т. е. владѣвшихъ и нѣмецкимъ, и польскимъ языкомъ, а потомъ—исключительно нѣмцевъ.

Частныя польскія школы, возникавшія самостоятельно, въ силу простой потребности народа и, конечно, безъ всякой политической подкладки, о которой тогда вообще не могло быть рѣчи (въ одномъ только Ополѣ уже въ 1792 г. существовали три такія школы), были закрыты, какъ «подпольныя» (Winkelschulen).

Проводить эту политику безусловно правительству мѣшало сначала то обстоятельство, что деканства—бытомское и пщинское—принадлежали къ краковской епархіи и потому получали оттуда ксендзовъ, воспитанныхъ по польски въ краковской семинаріи. Но прусскому правительству удалось добиться отъ епископа краковскаго, Гавронскаго, добровольной уступки этихъ двухъ деканствъ и онѣ были присоединены къ вѣдлавакаго епархіи (1811). Благодаря этой фатальной уступкѣ, подтвержденной впоследствии конкордатомъ 1821 года, Силезію отнынѣ стали заполнять нѣмецкыя ксендзы, воспитанники вѣдлавакаго семинаріи.

Польскій народъ въ прусской Силезіи, въ дѣлѣ сохраненія своей національности, былъ такимъ образомъ предоставленъ исключительно самому себѣ.

И такъ, если взять цѣликомъ двѣ польскія провинціи Прусской монархіи—Познань и Западную Пруссію, польскій элементъ въ описываемую нами эпоху составлялъ приблизительно $\frac{1}{4}$ всего населенія Пруссіи, а если принять въ расчетъ исключенное коренное польское населеніе— $\frac{1}{6}$. Въ настоящее время это соотношеніе примѣнилось въ отрицательную сторону и поляки составляютъ не больше $\frac{1}{10}$ населенія Пруссіи—а все же польскій вопросъ имѣетъ для Пруссіи исключительно важное значеніе. Отсюда можно заключить, каково было его значеніе тогда, между 1815 и 1830 годомъ, и какой огромный ущербъ былъ нанесенъ польскому дѣлу въ то время, когда оно было еще совершенно незащитно, когда поляки не дошли еще до надлежащаго національнаго самосознанія и когда польскій вопросъ получалъ неизмѣнно—одностороннее разрѣшеніе—въ сторону ассимиляторской и объединительной политики Пруссіи.

ПРИЧИНЫ РЕВОЛЮЦИИ.

Двѣ основныхъ причины, силою вещей, вели Царство Польское къ ноябрьской революціи: одна изъ нихъ носила историко-политическій характеръ, другая—государственно-правовой. Первая порождалась тѣми требованіями, которыя ставили государственныя задачи Польши, вторая вытекала изъ свободы Царства Польскаго. Первая причина имѣла тогда особенно важное значеніе, хотя скорѣе инстинктивно ощущалась, чѣмъ сознавалась польскимъ обществомъ: это былъ территоріальный вопросъ, неосуществленное дѣло соединенія Литвы съ Царствомъ Польскимъ. Въ этомъ смыслѣ ноябрьская революція была прежде всего войной Польши съ Россіей изъ-за Литвы. Вторая причина, хотя она ощущалась явственнѣе, такъ какъ лежала на поверхности общественнаго самосознанія, имѣла сравнительно меньшее значеніе: это былъ конституціонный вопросъ, постоянное нарушеніе конституціоннаго устава.

На ряду съ этими основными причинами—такъ всегда бываетъ въ явленіяхъ столь сложныхъ, какъ всякая великая революція—извѣстную роль, иногда очень вліятельную, играли причины второстепеннаго значенія. Такой причиной былъ антагонизмъ между царственными братьями, такой причиной была Турецкая война, сулившая удачу возстанію, такой причиной были западныя революціи, подавшія сигналъ къ взрыву.

Но существовали и побочныя причины уже другого—провокаціоннаго характера. Онѣ исходили, съ одной стороны, отъ такихъ людей, какъ Новосильцевъ, издавна стремившихся къ уничтоженію конституціонной обособленности Царства Польскаго и поглощенію его Имперіей, отъ такихъ людей, какъ Ружнецкій, для которыхъ возстаніе въ Польшѣ отвѣчало ихъ временнымъ интересамъ. Исходили онѣ, съ другой стороны, и отъ Пруссіи, для которой разрушеніе Царства Польскаго, возможность поживиться его остатками, пользуясь затруднительнымъ положеніемъ Николая, было въ глазахъ берлинскаго правительства дѣломъ не только желательнымъ, но и существенно-необходимымъ.

Варшавское Патріотическое Общество, уничтоженное слѣдствіемъ и процессомъ Сеймоваго Суда 1826—1828 г., все же не было уничтожено совершенно. Члены его, частью необнаруженные слѣдствіемъ, частью оправданные Сеймовымъ Судомъ, старались продолжать свою дѣятельность, которая потеряла лишь свой прежній обобщенный и организованный характеръ. Они собирались попеременно въ разныхъ мѣстахъ страны, на примѣръ—въ Хлевискахъ у Романа Салтыка (сына осужденнаго Сеймовымъ Судомъ руководителя Общества), и въ Варшавѣ. Они поддерживали нѣкоторыя отношенія и съ другими польскими провинціями, поддерживали ихъ съ Вѣной и Парижемъ, имѣли, между прочимъ, сношенія и съ Чарторыйскимъ.

Они обсуждали вопросъ возстанія, но лишь отвлеченно, и старались главнымъ образомъ придумать для своего выступленія легальную форму. Нѣкоторое время они носились съ намѣреніемъ представить монарху коллективную петицію Сейма объ отмѣнѣ Дополнительной Статьи и другихъ нарушеній конституціи.

Они предполагали выступить съ такой петиціей сначала во время коронаціи, въ 1829 году, потомъ при открытіи

сейма 1830 года. Въ случаѣ, если бы монархъ, въ отвѣтъ на петицію, прибѣгнулъ къ репрессивнымъ мѣрамъ, они рѣшили немедленно начать возстаніе, но не дѣлали для него никакихъ реальныхъ приготовленій и не составили никакого болѣе или менѣе опредѣленнаго плана дѣйствій въ подобномъ случаѣ.

Лѣтомъ 1830 года они насчитывали въ своемъ кругу: Густава и Юлія Малаховскихъ, находившихся въ непосредственныхъ сношеніяхъ съ Чарторыйскимъ, Теофиля Моравскаго, представителя калишской оппозиціонной партіи, Чиховскаго—представителя первыхъ творцовъ тайной организаціи, Лелевеля, Свидзинскаго и Ледуховаго и многихъ другихъ лицъ, имѣвшихъ большое вліяніе не только въ Царствѣ Польскомъ, но и за границей.

Независимо отъ Патріотическаго Общества, которое занималось теперь дебатами на очень широкія темы, но не подавало никакихъ признаковъ активной дѣятельности, въ болѣе тѣсныхъ, чисто-варшавскихъ кругахъ, возникла другая самостоятельная организація, совершенно незрѣлая въ политическомъ смыслѣ, но воодушевленная жаждой подвижничества и самопожертвованія.

Ядромъ ея была школа подхорунжихъ (прапорщиковъ) въ Варшавѣ, и возникла она въ случайномъ кругу нѣсколькихъ юношей, готовыхъ сложить свою голову за отчизну. Собираясь въ квартирѣ инструктора этой школы, подпоручика гвардейскихъ гренадеръ, Петра Высоцкаго, члены новой организаціи составили нѣчто въ родѣ союза (15 декабря 1828), спаяннаго общей присягой, въ которой говорилось лишь о «защитѣ нарушенной конституціи» и ни словомъ не упоминалось о Литвѣ.

Въ январѣ слѣдующаго 1829 года въ союзъ вошло нѣсколько штатскихъ лицъ, большинство которыхъ не пользовались никакимъ значеніемъ, и среди нихъ—только одинъ недюжинный человекъ, съ пылкой головой—Маври-

кій Мохнацкій. Въ февралѣ союзъ обратился къ Роману Солтыку съ вопросомъ, не является ли наиболѣе подходящимъ моментомъ для возстанія теперешняя русско-турецкая война и не представляется ли цѣлесообразнымъ начать его во время коронаціи. Участіе въ этихъ переговорахъ, въ слѣдующіе мѣсяцы (мартъ и апрѣль) приняли нѣкоторые депутаты сейма—Густавъ Малаховскій, Звѣрковскій и Тжцинскій. Зналъ о нихъ и Чарторыйскій. Въ концѣ концовъ мысль эта была оставлена и самый вопросъ отложенъ.

Къ такимъ же отрицательнымъ результатамъ привели и переговоры во время сейма 1830 года. Остатки Патріотическаго Общества все не предпринимали опредѣленнаго рѣшенія, союзъ подхорунжихъ не пользовался никакимъ самостоятельнымъ вліяніемъ—и дѣло это заглохло.

Отношенія Константина съ Николаемъ съ самого начала приняли ненормальный и враждебный характеръ—теперь они портились все больше и больше. Яблокомъ раздора между обоими братьями былъ польскій вопросъ вообще и литовскій въ частности.

Константинъ, которому въ моментъ вступленія на престолъ Николая было всего 46 лѣтъ, смотрѣлъ на свое положеніе въ Варшавѣ и въ Вильнѣ какъ на право пожизненнаго управленія Царствомъ Польскимъ и Литвою. Въ его глазахъ это была какъ бы компенсація за уступку имъ Россійскаго престола младшему брату. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ считалъ себя какъ бы правопреемникомъ тѣхъ расширительныхъ замысловъ Александра, которые покойный монархъ связывалъ съ Польшей и Литвой.

А между тѣмъ Николай съ первыхъ же шаговъ рѣшилъ безповоротно порвать съ этими замыслами, не только въ обще-государственной сферѣ, но и въ области военнаго управленія, къ которому такъ ревниво относился Цесаревичъ.

Въ отношеніяхъ Константина къ Николаю изъ года въ годъ наростало глубокое, хотя и тайное раздраженіе. Константинъ, вопреки собственному желанію, долженъ былъ входить въ самыя острые столкновенія съ польскимъ общественнымъ мнѣніемъ. Выполнивъ съ рѣзкою прямолинейностью всю возложенную на него во время Сеймоваго Суда репрессивную миссію, Константинъ такой же прямолинейности требовалъ и отъ брата. Официально осуждая главные мотивы вынесеннаго Судомъ приговора, Константинъ въ душѣ ихъ раздѣлялъ и въ отвѣтъ на горячій протестъ Николая противъ суда взялъ подъ свою защиту главнаго руководителя этого процесса—Чарторыйскаго (въ письмѣ отъ 2 іюня 1828 г.).

Съ Чарторыйскимъ, котораго онъ раньше ненавидѣлъ отъ всей души, онъ въ эти годы (1827—1829) сблизился лично и даже дружески сошелся. Зато онъ возненавидѣлъ Новосильцева, который игралъ при немъ роль шпіона.

Съ той же прямолинейностью онъ занялъ враждебную позицію по отношенію къ прусской политикѣ Николая, связаннаго родственными узами съ Фридрихомъ-Вильгельмомъ III, и поручилъ польскому офицеру Прондзынскому, заключенному въ монастырь кармелитовъ, составить подробный планъ войны съ Пруссіей (въ февралѣ 1828).

Чарторыйскій, занятый прежде всего необычайно важнымъ литовскимъ вопросомъ, считалъ вполне возможнымъ использовать такое положеніе вещей и такое настроеніе Цесаревича на пользу странѣ. Какъ одинъ изъ практическихъ выходовъ въ повстанческомъ предпріятіи, Чарторыйскій принялъ въ вниманіе и такъ называемую «дворцовую инициативу» (*un mouvement de palais*), которая давала бы возможность использовать Константина какъ щитъ революціи противъ Россіи, и сдѣлать его, такъ сказать, ея принудительной опорой, при чемъ въ данномъ случаѣ дѣло могло бы и не дойти до кровопролитія.

Къ такому обороту дѣла Константинъ былъ до нѣкоторой степени подготовленъ.

Какъ разъ въ это время произошла французская революція (27—29 іюля 1830 г.)—изгнаніе бурбоновъ изъ Франціи и возвышеніе Людовика-Филиппа. Когда въ Варшаву пришло первое извѣстіе объ этихъ событіяхъ (6 августа), оно тотчасъ оживило дѣятельность союза подхорунжихъ, до сихъ поръ прозябавшаго въ бездѣйствіи. Въ составъ его вошло 70 офицеровъ варшавскаго гарнизона.

Въ то же время Николай составилъ планъ военнаго вмѣшательства въ дѣла революціонной Франціи съ цѣлью сверженія Людовика-Филиппа и водворенія на престолъ Бурбоновъ. Этотъ планъ имѣлъ въ виду участіе Пруссіи, которую предполагалось увлечь за собою. Для осуществленія этого плана, въ первую голову имѣлось въ виду использовать польскую армію и финансы Царства Польскаго.

Этотъ планъ онъ открылъ въ письмѣ Константину (18 августа) и въ тотъ же день черезъ министра-статсъ-секретаря отправилъ Любецкому секретное предложеніе приготовить средства для мобилизаціи и кампаніи.

Константинъ отвѣтилъ императору 25 августа письмомъ, въ которомъ рѣшительно высказывался противъ войны. Любецкій, не на шутку встревоженный, ограничился рапортомъ (3 сентября) объ имѣющихся въ распоряженіи денежныхъ фондахъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ главнокомандующимъ русско-польской арміи противъ Франціи былъ назначенъ Дибичъ, который 31 сентября отправился въ Берлинъ, чтобы лично воздѣйствовать на Фридриха-Вильгельма III и навязать ему планъ кампаніи, разработанный военнымъ министромъ Чернышовымъ. Король прусскій всячески старался избѣжать войны, тѣмъ болѣе, что Австрія и Англія признали Людовика Филиппа. Онъ далъ Дибичу уклончивый от-

вѣтъ и, не зная какъ выйти изъ своего затруднительнаго положенія по отношенію къ Николаю, сталъ, для отвода глазъ, стягивать войска къ Рейну.

Слухи объ этихъ событіяхъ въ началѣ сентября, изъ нѣсколькихъ источниковъ сразу, дошли до свѣдѣнія варшавскихъ тайныхъ организацій и вызвали среди нихъ оживленную дѣятельность, охватывавшую все болѣе широкіе круги. Стали подыскивать вождей для возстанія и съ этой цѣлью обратились къ генераламъ Станиславу Потоцкому и Юзефу Хлопицкому, но первый далъ очень холодный отвѣтъ, а второй отказался наотрѣзъ.

Несмотря на это, явная необходимость избѣжать увода арміи, главнаго орудія революціи, привела къ необходимости начать возстаніе, которое и было назначено на 20 (18) ноября.

Лелевель взялся оповѣстить объ этомъ Литву, Юлій Малаховскій—Галицію, Солтыкъ—Краковъ, Адамъ Гуровскій—Познань. Кадры союза быстро заполнялись; вскорѣ онъ насчитывалъ уже 200 офицеровъ варшавскаго гарнизона.

Но въ послѣднюю минуту, когда позиція западно-европейскихъ государствъ дала возможность предполагать, что миръ не будетъ нарушенъ, союзъ рѣшилъ еще разъ отложить рѣшительное выступленіе до весны будущаго года.

Но вдругъ революціонныя событія возобновились въ Бельгіи (21—26 сентября) и привели къ кризису еще болѣе острому, чѣмъ раньше. Создался желанный *casus belli*. Дибичъ въ октябрѣ былъ вновь отправленъ въ Берлинъ съ неотложнѣйшей миссіей къ прусскому королю и долженъ былъ оттуда вернуться прямо въ Варшаву, чтобы принять главное командованіе арміей. Николай въ письмѣ къ Дибичу (13 ноября) назначилъ крайній срокъ для начала военныхъ дѣйствій противъ Франціи, при чемъ въ первую голову долженъ былъ выступить отдѣльный корпусъ литовскихъ войскъ (22 декабря).

Извѣстіе объ этихъ секретныхъ рѣшеніяхъ очень не-пріятныхъ для Пруссіи, такъ какъ они вынуждали ее принять участіе въ войнѣ противъ ея воли, опять немедленно проникло въ Варшаву, откуда внезапно исчезъ (27 ноября) Новосильцевъ, и куда пріѣхалъ Чарторыйскій. На собраніи у Лелевеля (21 ноября) положеніе было признано критическимъ и дальнѣйшее бездѣйствіе—невозможнымъ. Въ кругахъ, близкихъ къ прежнему Патриотическому Обществу, руководство военными дѣйствіями предполагали поручить Махницкому, въ союзѣ подхорунжихъ было рѣшено дѣйствовать на собственную руку. Крайнимъ срокомъ возстанія было назначено 29 ноября 1830 года.

Такъ вспыхнула ноябрьская революція.

СОДЕРЖАНІЕ.

	Стр.
Предисловіе А. А. Кизветтера	7
Основаніе Царства Польскаго	17
Конституціонный періодъ (1815—1820)	40
Періодъ реакціи (1820—1825).	66
Періодъ кризиса (1825—1830).	89
Польскія губерніи Имперіи	100
Краковъ	109
Галиція	113
Австрійская Силезія	136
Познанъ	138
Западная Пруссія	152
Прусская Силезія	156
Причины революціи	160

„Книгоиздательство Писателей въ Москвѣ“.

Москва, Никитскій бульв., домъ 10, кв. 5.

Литературно-Художественные сборники „СЛОВО“.

Сборникъ I. В. Вересаевъ. Аполлонъ, богъ живой жизни. **Ив. Шмелевъ.** Розстани. Изъ Рабиндраната Тагора, перев. съ англ., съ предисл. Діонео. **Гр. Ал. Н. Толстой.** Овражки. **Ив. Бунинъ.** При дорогѣ. **Б. Зайцевъ.** Студентъ Бенедиктовъ. **Н. Телешовъ.** Ночлегъ. Ц. 1 р. 50 к.

Сборникъ II. Неизд. беллетрист. и драм. произведенія **А. П. Чехова.** Темы, мысли, замѣтки, отрывки. Изъ Записной книжки. Письма къ Чехову Д. Григоровича, Н. Михайловскаго, А. Плещеева и др. Ц. 1 р. 50 к.

Сборникъ III. **Гр. Ал. Н. Толстой.** Большія неприятности. **Н. Телешовъ.** Мама. **Л. Авилова.** Осеннее. **Ив. Шмелевъ.** Поѣздка. **Ив. Бунинъ.** Братья. Ц. 1 р. 50 к.

Сборникъ IV. **Ив. Бунинъ.** Весенній вечеръ. **Б. Зайцевъ.** Мать и Катя. **К. Треневъ.** Мокрая Балка. **Г. Яблочковъ.** Въ плѣну. **Гр. Ал. Н. Толстой.** Четыре вѣка. **И. Сургучевъ.** Пѣсни о любви. **В. Вересаевъ.** Марья Петровна. Изд. 2-е. Ц. 1 р. 75 к.

Материалы для исторіи русской журналистики: Письма **Гл. Ив. Успенскаго,** **В. Короленко,** **Н. Михайловскаго,** **П. Якубовича** и др. **В. А. Гольцеву.** Ц. 1 р. 50 к.

Въ спорахъ о театрѣ. Сборникъ статей **Ю. Айхенвальда,** **Сергѣя Глаголь,** **Вл. Немировича-Данченко,** **В. Сахновскаго,** **А. Южина,** **Д. Овсяннико-Куликовскаго** и друг. Ц. 1 р. **Л. Авилова.** Образъ человѣческой. Разказы. М. 1913 г. Ц. 1 р. 25 к.

А. Богдановъ. Краткій курсъ идеологич. науки въ вопросахъ и отвѣтахъ. Ц. 75 к.

Ив. Бунинъ. Іоаннъ Рыдалецъ. Разказы. 1912—1913 гг. Ц. 1 р. 50 к.

— Суходоль. Повѣсти и разказы 1911—1912 гг. Ц. 1 р. 50 к.

— Переваль. Разказы 1892—1902 гг., изд. 5-е. Ц. 1 р. 50 к.

— Деревня. Повѣсть. Ц. 1 р. 25 к.

— Разказы и стихотворенія 1907—1910 гг., изд. 2-е. Ц. 1 р. 50 к.